

X.623.1
С 91

Е. А. Суханов

ЛЕКЦИИ
О ПРАВЕ
СОБСТВЕННОСТИ

**«Юридическая
литература»**

Е. А. Суханов

ЛЕКЦИИ
О ПРАВЕ
СОБСТВЕННОСТИ

Москва
«Юридическая литература»
1991

С91 Суханов Е. А.
Лекции о праве собственности. — М.: Юрид
1991. — 240 с.
ISBN 5-7260-0561-9

В настоящей работе автор на базе нового законодательства всего Закона о собственности в СССР) и современных теоретических взглядов раскрывает основные понятия и институты этой важной отрасли гражданского права: понятия собственности и права собственности, содержание права собственности и его отдельных разновидностей, правовое регулирование отношений государственной и муниципальной собственности, собственности граждан, понятие и система прав и др.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических инс

С 1203020400-036
012(01)-91 КБ-5-9-1991

ISBN 5-7260-0561-9

© Е. А. Суханов. 1991

© Издательство «Юридическая литература»

ВВЕДЕНИЕ

В ходе происходящего в настоящее время коренного обновления нашей экономической и политической системы естественно реформируются ее правовые основы. Переход рыночной экономике потребовал не просто их обновления, а кардинального пересмотра действующего гражданского законодательства, принятия ряда новых законодательных актов. Данный процесс осуществлялся путем разработки и принятия новых законов кодифицированного типа, имеющих либо комплексный характер, либо охватывающих отдельные институты и подотрасли гражданского права.

Ядро современных законодательных преобразований в сфере гражданского права, несомненно, составил Закон об ответственности в СССР от 6 марта 1990 г. (см.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 11. Ст. 164). Им внесены многие принципиальные изменения в содержание правового регулирования имущественных отношений, составляющих предмет гражданского права.

С принятием 31 мая 1991 г. Верховным Советом СССР законов гражданского законодательства Союза ССР и республик, заменивших ранее действовавшие аналогичные законы 1961 г., формирование современной законодательной базы в сфере гражданского права можно считать в значительной степени завершенным (особенно с учетом принятия вслед за союзными и республиканскими законами об ответственности). Данными законами открыт путь принципиально иному подходу к правовой регламентации всей экономической жизни нашего общества, основанному на государственном признании равноправия различных форм собственности. Это потребовало и пересмотра ряда традиционных подходов, сложившихся в преподавании курса гражданского права в юридических вузах.

Утвержденная в декабре 1989 года Президиумом Всесоюзного Совета по юридическому образованию новая программа курса советского гражданского права и даже разработанная на ее базе индивидуальная программа курса для студентов юридического факультета МГУ, хотя и внесли некоторые необходимые в современных условиях изменения, но, разумеется, не могли в должной мере отразить и учесть все основные новеллы Закона о собственности. Вместе с тем потребности преподавания гражданского права требуют быстрого обновления содержания курса с учетом современных преобразований. Поэтому уже в ходе разработки и принятия Закона о собственности на базе различных вариантов Закона и материалов его обсуждения для студентов юридического факультета МГУ в рамках курса гражданского права автором были прочитаны лекции о праве собственности, в основу которых легли основные идеи нового Закона. В свою очередь данные лекции стали основной базой предлагаемой вниманию читателей работы.

Их содержание (как, впрочем, и содержание всякой лекции) составляет не столько последовательное изложение всех без исключения аспектов гражданско-правового регулирования отношений собственности, сколько освещение наиболее сложных и спорных проблем, и прежде всего тех, которые получили принципиально новую или существенно измененную трактовку законодателя. Традиционным категориям, не получившим сколько-нибудь заметного изменения в новом законодательстве, намеренно уделено минимальное внимание. В частности, в работе вообще не освещается наследственное право, которое в соответствии с новой программой читается в рамках времени, отведенного на изучение права собственности. Вместе с тем лекции, конечно, освещают в систематизированном порядке основные современные институты и понятия права собственности, в целом следуя общепринятой логике изложения.

Соответственно этому деление содержания работы на 10 лекций, рассчитанных на 20 академических часов, носит условный характер. Оно ориентировано на возможности, предоставленные индивидуальным учебным планом юридического факультета МГУ, где изучению права собственности, как и гражданского права в целом, отводится вполне достаточное для этого время. С учетом реальных возможностей конкретного вуза оно может быть сокращено с тем, чтобы лекции по гражданскому праву в еще большей мере носили проблемный характер и посвящались узловым, наиболее важным и дискуссионным моментам, вызывая жела-

ние слушателей самостоятельно углубленно изучить рассматриваемую проблематику.

Приводимая в конце каждой лекции литература представляет собой основные современные теоретические источники, что не исключает обращения к традиционной научной и учебной литературе, особенно при изучении общетеоретических вопросов понятия и содержания права собственности.

В основе лекций лежат положения общесоюзного Закона о собственности. В необходимых случаях используются также республиканские законы о собственности и другие законодательные акты последнего времени. Вместе с тем характер работы требует постоянного сопоставления новейшего законодательства с ранее действовавшими законами, поскольку многие положения последних укоренились в правосознании. В связи с этим представлялось целесообразным сохранить упоминания о соответствующих нормах Основ гражданского законодательства 1961 г., а также ссылки на ряд законодательных решений, закрепленных в утратившем силу Законе СССР о государственном предприятии (объединении) и в некоторых других нормативных актах, действие которых в настоящее время отменено, чтобы яснее представить содержание современных законодательных новелл.

Автор, разумеется, не претендует на окончательность сделанных им выводов и полную бесспорность изложения. Свою главную задачу он видел в научном истолковании новых законоположений и конструкций, в необходимости предложить более или менее цельную систему идей и взглядов, объясняющих современное гражданско-правовое регулирование отношений собственности и опирающихся на новейшее законодательство и достигнутый уровень и результаты экономико-правовых познаний этой проблематики.

Совершенно ясно, что по мере реального реформирования советской экономики и особенно развития рыночных отношений и совершенствования их правового, в том числе гражданско-правового, регулирования, наши знания и представления о собственности и ее правовых формах будут видоизменяться и углубляться точно так же, как они изменились по сравнению, например, с идеями, развивавшимися в 50—60-х и даже в 70-х годах. Однако продолжение научных дискуссий не препятствует изучению и осмыслению новых аспектов этого правового института в рамках учебного процесса в юридических вузах, чему в первую очередь и призвана содействовать настоящая работа.

1. Собственность как экономическая категория

Приступая к изучению права собственности, следует быть готовым к восприятию довольно сложных положений, выходящих достаточно далеко за рамки предмета гражданско-правовой науки и вообще правового регулирования. Правовую регламентацию отношений собственности невозможно понять, не вникая в их экономическую сущность. Поэтому необходимо обращение к экономическим аспектам данной проблемы.

Вместе с тем следует отметить, что экономическая наука, в отличие от юридической, уделяла отношениям собственности крайне мало внимания. Достаточно сказать, что в учебниках политэкономии (кроме учебника 1988 г.) отсутствуют специальные главы, посвященные собственности. В связи с этим можно констатировать, что хотя бы в основном общепризнанная, сколько-нибудь цельная концепция собственности в экономической литературе на сегодняшний день практически отсутствует.

Более того, многочисленные дискуссии по проблеме собственности, развернувшиеся в 1989 году в связи с подготовкой и обсуждением Закона о собственности, не только не внесли ясности в ее понимание, но и во многом способствовали усилению путаницы даже в трактовке основных, исходных понятий. Именно в результате данных споров получило широкое распространение и едва ли не «всемирное признание» понятие «собственности» как синонима «имущества», «вещей», а не отношений между людьми по поводу вещей.

Все это порождает настоятельную потребность разобраться в сущности сложных отношений собственности, получить ясное представление о содержании и формах их правового регулирования, основываясь на четком понимании экономической природы собственности.

Понятие собственности как экономического отношения. Единственным источником появления всех материальных благ, необходимых для существования человека, служит процесс общественного производства (если, конечно, не считать землю и другие природные ресурсы, данные человеку самой природой). Такое производство, состоящее в отвоевании у природы данных материальных благ, как показывает весь опыт человечества, невозможно осуществлять в одиночку. Людям приходится вступать во взаимоотношения (общественные отношения) прежде всего производственного характера. А «всякое производство, — по словам К. Маркса, — есть присвоение индивидуумом предметов природы в пределах определенной общественной формы и посредством нее» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 713).

Следовательно, суть производства состоит в **присвоении**, т. е. в отношении к материальным благам как к собственным. Ведь слово «присваиваться» и означает поступать кому-то в собственность, т. е. данное материальное благо кому-то — свое, а кому-то — чужое. Отсюда, между прочим, следует, что собственность одних людей или их коллективов на имущество неразрывно связана с **отчуждением** данного имущества от других людей.

Таким образом, категории «присвоение» и «отчуждение» являются, как утверждают ученые, парными, не могущими существовать одна без другой. Поэтому, например, абстрактное требование «ликвидации всеобщего отчуждения от собственности» — экономическая бессмыслица.

Как говорил К. Маркс, собственность есть отношение определенных лиц к материальным благам как к своим, как к принадлежащим им (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 46. Ч. I. С. 479), и соответственно — отношение всех других лиц к указанным благам как к чужим, не принадлежащим им. Следовательно, собственность представляет собой **отношения между людьми по поводу вещей, заключающиеся в присвоении, или в принадлежности материальных благ одним лицам (их коллективам) и соответственно в отчужденности этих же благ от всех других лиц.**

А поскольку отношения присвоения выражают сущность общественного производства, постольку и можно утверждать, что собственность (присвоение) — ядро производственных отношений. Отсюда, во-первых, вытекает значение категории собственности. Будучи **исходным** экономическим отношением, оно определяет и характер производства, т. е. по существу основу экономической жизни всякого общест-

ва. Во-вторых, становится ясной взаимосвязь собственности и производства, заключающаяся в том, что производство невозможно без собственности (присвоения). Не случайно К. Маркс подчеркивал, что «собственность (присвоение) есть условие производства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 713), что «ни о каком производстве, а стало быть, ни о каком обществе, не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности» (Там же. С. 714).

Действительно, во всяком производстве кому-то принадлежат условия производства (прежде всего — средства производства) и соответственно присваиваются результаты производства. Очевидно, что такие материальные блага, как результаты труда по справедливости должны принадлежать тем, кто их произвел с помощью труда (а потом уже могут перераспределяться и обмениваться).

Это, однако, происходит только в том случае, когда производители одновременно являются владельцами орудий и средств производства. Если же такого совпадения нет, то результаты труда присваивают те, кто руководит производством, опираясь на свои орудия труда, те, кто уже присвоил «условия» (предпосылки) производства. Поэтому главное, определяющее отношение собственности — собственность на орудия и средства производства.

С этой точки зрения собственность — важнейшая предпосылка производства. Чтобы применить в производстве даже имеющиеся производительные силы (продукт деятельности предшествующих поколений), люди должны сначала тем или иным образом присвоить их, установить соответствующие отношения собственности на эти условия производства.

К. Маркс прямо писал, что человек «выступает в качестве собственника всегда до того, как он выступает в качестве работника, даже если собственность есть только то, что он считает своим из окружающей его природы...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 391).

Именно от того, кто станет собственником условий производства, зависит и то, кто присвоит его результаты. В понимании собственности ключевую роль играют отношения собственника и непосредственного производителя материальных благ. От них в конечном счете зависят и справедливое решение проблемы отчуждения работника от собственности, и оценка тех или иных форм собственности (например, частной) как приемлемых или неприемлемых для нашего строя.

К. Маркс справедливо подчеркивал, что «непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — ... вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 354).

Таким образом, об отношениях собственности можно сказать, что они, во-первых, представляют собой определенные производственные отношения (т. е. складывающиеся между людьми в процессе производства — как его предпосылка и результат). Во-вторых, это — экономические отношения людей по непосредственному присвоению материальных благ, прежде всего средств производства (его предпосылок), а также результатов производственной деятельности. В-третьих, сущность данных отношений заключается в состоянии присвоенности, или принадлежности материальных благ определенным лицам или их коллективам. **Собственность — общественная форма присвоения произведенных материальных благ.**

Содержание экономического отношения собственности. Что же означает состояние принадлежности, или присвоенности материальных благ, каково его содержание? Прежде всего, это — возможность независимо от чьей бы то ни было воли, исключительно по своему усмотрению **использовать** материальные блага (имущество) **для собственных нужд**, отстраняя от них всех прочих лиц (или допуская их к собственным материальным благам опять-таки исключительно по своему соизволению).

Но здесь важно подчеркнуть, что такая возможность использования материальных благ вовсе не сводится к их потреблению, а состоит прежде всего в возможности их **производительного** использования. Ведь в условиях товарного производства результат труда приобретает форму товара, обмениваемого на другие товары через превращение в деньги посредством рыночного механизма, а не потребляется производителем или собственником. Значит, присвоение произведенного продукта само по себе становится лишь предпосылкой присвоения других продуктов (товаров). С указанной точки зрения экономическое содержание собственности (присвоения) составляет такая возможность использования своего имущества, при которой только собственник определяет характер этого использования.

Пользуясь словами Маркса, можно сказать, что речь идет об установлении собственником полного «хозяйственного господства» над принадлежащей ему вещью. Следова-

тельно, в экономическом смысле собственность представляет собой отношение принадлежности (присвоенности) материальных благ, заключающееся в установлении над ними такого «хозяйственного господства», которое позволяет собственнику по своей воле устранять или допускать всех прочих лиц к использованию своего имущества, самостоятельно определяя характер такого использования.

Однако «хозяйственное господство» собственника над принадлежащим ему имуществом тоже не исчерпывается «приятным благом» обладания, возможностью получения доходов и удовлетворения соответствующих потребностей. При товарном характере производства (а оно носит именно такой характер во всех формациях, известных человеческой цивилизации. Сюда, разумеется, не включаются эпоха дикости и варварства) неизбежно появляется и **бремя собственности**. Оно состоит в необходимости нести расходы по содержанию, ремонту и охране имущества, уплате государственных налогов, а главное — в риске потерь от нерационального или неумелого ведения хозяйства, вплоть до возможности полного разорения.

В современной научной литературе эту сторону содержания собственности удачно подчеркнул Д. Н. Сафиуллин. Он показал, что в обществе, основанном на товарном производстве, сохранение и приумножение объектов собственности является для собственника поистине вопросом его жизни, и «в этом смысле собственность обязывает хозяина быть товаропроизводителем, компетентным организатором производства и расчетливым коммерсантом» (Право собственности в СССР. М., 1989. С. 43). Несомненно, что в экономическом содержании отношений собственности должна быть отражена и эта сторона.

К сожалению, в общественном сознании, да и в научных исследованиях, данное обстоятельство почти не учитывается. Между тем, именно **сочетание «блага» и «бремени»** характеризует настоящего собственника, и наоборот, — отсутствие любого из этих двух элементов не сделает из владельца подлинного хозяина. Например, сколько бы ни расширялись права трудовых коллективов государственных и общественных предприятий, отсутствие ответственности за результаты хозяйствования, доведенной до реальной возможности полного банкротства, приведет не к усилению «чувства хозяина», а к очередным вспышкам «группового эгоизма».

Собственность и имущественные отношения. Для понимания природы экономических отношений собственности и

их правового оформления важное значение имеет и такой момент, как взаимосвязь категорий «собственность», «производственные» (экономические) отношения и «имущественные отношения» (последние, как известно, составляют предмет правового регулирования).

Как уже отмечалось, собственность есть основная составная **часть**, ядро производственных отношений. Она — **предпосылка** всякого производства, характеризует **состояние** принадлежности средств производства (материальных благ). Этим состоянием производственные отношения, разумеется, не исчерпываются, хотя именно оно оказывает решающее воздействие на характер и организацию всего процесса производства.

Данное обстоятельство было глубоко обосновано и раскрыто С. Н. Братусем, который отмечал, что собственность как состояние присвоенности материальных благ «выражает статические моменты, характеризующие данный способ производства, — начальный и конечный этапы процесса общественного производства», что она отражает производство не как процесс, не как динамику отношений, «а как момент статический, как результат процесса распределения» орудий производства, как состояние их присвоенности, принадлежности индивиду или коллективу (Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 21—23).

Следовательно, экономические отношения собственности — лишь **часть** производственных отношений, отражающая их **статику, состояние** (принадлежность материальных благ).

Вместе с тем производственные отношения, будучи объективными экономическими отношениями, не зависят от воли и сознания людей и в этом качестве, как известно, вообще не могут быть объектом воздействия права. Они представляют собой объективно обусловленный **результат** поведения людей, множества волевых актов конкретных индивидов и их коллективов. Поэтому наряду с пониманием производственных отношений (и отношений собственности как их важнейшей составной части) в качестве объективных экономических отношений возможно и рассмотрение множества составляющих их актов человеческого поведения как особой совокупности отношений. Как их называют некоторые ученые, «реальных отношений собственности» (производственных), которые еще Г. В. Плеханов обозначал термином «имущественные отношения».

Под имущественными отношениями в такой трактовке

понимаются конкретные общественные отношения, составляющие **волевою сторону** экономических, производственных отношений. Данный подход обоснован в работах ученых, исследовавших предмет гражданского права (С. С. Алексеев, С. Н. Братусь и др.), и в настоящее время по существу является общепризнанным в правовой науке.

Из этого вытекает, что имущественные отношения, будучи волевой стороной, или формой проявления производственных отношений, и в том числе отношений собственности, в свою очередь, тоже могут рассматриваться как состоящие из двух основных групп отношений: статике (принадлежности) и динамики (перехода) материальных благ. Поэтому экономические отношения собственности можно трактовать и как **статическую имущественных (волевых) отношений**. В таком качестве они уже способны быть предметом правового регулирования.

Ясно, что именно данная трактовка наиболее важна для права. И поскольку юристы наиболее активно изучали и подчеркивали эту сторону дела, указанный подход получил условное название «юридической трактовки», или «юридической концепции» собственности.

Следует, однако, оговорить, что ученые-правоведы всегда подчеркивали целенаправленный характер своих исследований собственности, основывая их на широком понимании собственности как экономической категории.

Таким образом, понимание собственности как экономической категории неоднозначно: под собственностью можно понимать и часть (ядро) производственных отношений, их статику, выражающую состояние присвоения условий производства, и наряду с этим — их волевою сторону, т. е. конкретные имущественные отношения принадлежности материальных благ определенным лицам.

Кстати, и Маркс, говоря об отношениях собственности, в одних случаях имел в виду производственные отношения, а в других рассматривал собственность как «юридическое выражение» производственных отношений. Он, например, указывал, что на вопрос о том, что такое современная буржуазная собственность, «можно было ответить только критическим анализом *«политической экономии»*, охватывающей совокупность этих отношений собственности не в их юридическом выражении как волевых отношений, а в их реальной форме, то есть как *производственных отношений»* (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 26).

2. Собственность и право собственности

Право и собственность. Из понимания собственности как состояния принадлежности (присвоенности) материальных благ вытекает, что такие отношения присущи любому человеческому обществу, всякой общественно-экономической формации. В отличие от этого, право (в том числе, конечно, и право собственности) возникает лишь на определенной ступени, этапе общественного развития, т. е. позднее собственности, которая исторически предшествует праву.

Классики марксизма убедительно доказали, что история начинается с общинной, или племенной, формы собственности, соответствующей неразвитой стадии производства, когда отсутствовало государство, а следовательно, и право. В этих условиях отношение человека к природе и к продуктам своего труда как к собственным было опосредовано его принадлежностью к какой-либо общине (коллективу), которую он находил уже в готовом виде и из которой исходил как из базиса (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 506—507). Иными словами, работник являлся собственником только как член общины.

Прогресс первобытных общин был связан с развитием средств индивидуального труда, повышением производительной силы человека, способного создавать избыток продукта по сравнению с необходимым для поддержания жизни. Возникает и развивается общественное разделение труда, а с ним — неравенство в условиях труда и в распределении продукта.

Это имущественное неравенство нуждается в принудительной охране с помощью силы, т. е. внеэкономического принуждения. Тогда-то и появляются государство со всеми его атрибутами, и право в виде установленных им правил поведения (или санкционированных обычаев), принудительно соблюдаемых под угрозой применения государственной силы. Данный процесс блестяще проанализирован в классическом труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Здесь важно подчеркнуть, что право (и государство как особый аппарат принуждения к его соблюдению) возникает именно в связи с необходимостью охраны отношений собственности. Такая охрана в сущности составляет основное содержание правового регулирования экономических отношений, а право собственности с данной точки зрения становится ядром, центром всей правовой системы.

Разумеется, собственность и право собственности различаются не только исторически (генетически), но и как разнорядковые явления. Собственность как экономическое, производственное отношение входит в понятие «базис» общества, тогда как право собственности — часть правовой надстройки, и с такой точки зрения — явление субъективного порядка.

Исходя из данного подхода, можно сказать, что право собственности воздействовать на базисные отношения, в том числе на отношения собственности, непосредственно не может. Оно в состоянии регулировать лишь их волевою сторону — имущественные отношения собственности.

Более того, и указанную волевою сторону право, вообще говоря, не может регулировать по своему усмотрению. Жизнь давно показала, что наилучшая правовая регламентация — та, которая в наибольшей степени соответствует экономической природе регулируемых отношений.

Так, раскрывая предпосылки товарообмена, К. Маркс прямо указывал, что товаровладельцы «должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, — все равно, закреплен ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 94). Следовательно, экономическое отношение собственности предопределяет содержание имущественного правоотношения, а не наоборот. (Конечно, такая зависимость права собственности от экономических отношений собственности осуществляется лишь в конечном счете, а не обязательно «напрямую», «зеркально», ибо право, как и любое другое надстроечное явление, в рамках этой зависимости обладает известной свободой и, будучи относительно самостоятельным, оказывает обратное воздействие на развитие экономики).

Собственность как экономико-правовое понятие. Праву принадлежит и исключительно важная функция в развитии отношений собственности в условиях товарного производства.

Первоначально, как говорил Ф. Энгельс, мелкому производителю в натуральном хозяйстве незачем было присваивать себе произведенный продукт, «он принадлежал ему по самому существу дела» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 281).

А вот когда произведенный продукт, приобретя форму

товара, получил способность отрываться от своего производителя, появилась возможность стать собственником с помощью права — вообще не участвуя в отношениях производства (или производительного присвоения), а будучи «лишь» участником отношений распределения и обмена, например, в качестве торгового посредника — купца.

Существенная особенность частной, «товарной» собственности в том и состоит, что она представляет собой способ присвоения не посредством (или в результате) производства, а посредством отчуждения (обмена эквивалентов), при котором продукт принимает форму товара.

При такой ситуации собственность становится не результатом участия в производственном процессе, не следствием производственного присвоения (условий и результатов труда), а результатом участия в распределительных отношениях произведенного товарного продукта. А здесь доля полученного в конечном итоге каждым членом общества продукта не имеет прямой связи с его участием в производстве, а зачастую даже обратно пропорциональна ему, так как определяется не фактом и степенью участия человека в производстве, а его положением в процессе распределения.

В условиях неизбежно порождаемого товарным производством имущественного неравенства такое присвоение «за пределами непосредственного процесса труда» ведет к сосредоточению материальных благ отнюдь не у их непосредственных производителей. Сохранение, стабильность данного положения невозможны без права. Таким образом, право становится неизбежным спутником, обязательной формой «товарной собственности», т. е. отношений собственности в условиях товарного производства.

Конечно, на самом деле отношения производительного пользования средствами производства всегда полностью определяют и характер отношений распределения и совершающегося в их результате «вторичного» присвоения произведенных материальных благ. Но внешне это распределение тоже выглядит как присвоение — в результате возникает принадлежность материальных благ, закрепляемая не экономически, а юридически — с помощью права.

С точки зрения индивида и даже группы (коллектива), главное — это «вторичное» присвоение как результат обмена, хотя в действительности оно в конечном итоге производно от «первичного» присвоения условий производства. Здесь, очевидно, и коренятся получившие некоторое рас-

пространение взгляды на собственность как на чисто юридическое, а не экономическое понятие.

Так или иначе, но правовая форма экономических отношений собственности становится объективно необходимой во всяком товарном хозяйстве. Имущественные (волевые) отношения собственности не могут нормально развиваться и функционировать вне правовой оболочки, без принудительной силы, охраны со стороны государства.

Данное положение бесспорно для общества, экономика которого основана на товарном производстве. Тем самым становится очевидным вывод о том, что собственность следует рассматривать как **экономико-правовое** явление, в котором правовая форма неразрывно слита с экономическим содержанием (что, разумеется, не препятствует их отдельному научному анализу экономистами и юристами, но предполагает необходимость синтеза обоих подходов для правильного понимания этой сложной категории).

Правовые формы отношений собственности. Правовое регулирование отношений собственности складывается из правил (норм) поведения, которые, во-первых, устанавливают саму возможность (или невозможность) принадлежности материальных благ определенным лицам (их коллективам), тем самым закрепляя юридически фактическое (экономическое) состояние присвоенности этих благ.

Во-вторых, это — правила, устанавливающие характер и границы поведения владельцев имущества, охраняемые законом, т. е. их правомочия, характеризующие конкретные возможности «хозяйственного господства» над имуществом.

Наконец, в-третьих, сюда включаются и правовые способы защиты от посягательств других лиц на охраняемое «состояние присвоенности» материальных благ и предоставляемые им возможности хозяйственного господства над имуществом.

По своей юридической природе все перечисленные правила — разнородные, разноотраслевые. В самом деле, в первую группу названных норм нужно будет включить конституционные (государственно-правовые) правила о формах собственности, признаваемых и охраняемых государством, а также административно-правовые и гражданско-правовые нормы об основаниях (способах) приобретения и прекращения прав на имущество. Во вторую группу прежде всего войдут гражданско-правовые нормы о правомочиях собственников и других владельцев имущества, но также и нормы других отраслей права, определяющие правовой режим соответствующего имущества (например,

о волевой стороне экономических отношений, способной «поддаваться» правовой регламентации.

Экономические (производственные) отношения, совокупность которых иногда рассматривается как наиболее широкое понимание отношений собственности, как известно, составляют базис общества, на котором, по Марксу, «возвышается юридическая и политическая надстройка». С этой точки зрения, вся юридическая надстройка, вырастающая на данном базисе, и выполняет функцию правового регулирования волевой стороны этих экономических отношений собственности.

Если же собственность понимать более узко, как процесс присвоения материальных благ, как «статиду» производственных отношений, то и юридическое опосредование этой части производственных отношений (их волевой стороны) приобретает более определенные черты и специфику, позволяющую выделить особый правовой институт — право собственности, специально предназначенный для этой цели.

Такой подход к предмету права собственности обосновывал А. В. Венедиктов, доказывавший еще в конце 40-х годов, что правом собственности опосредуется лишь какой-то «участок» экономического базиса — именно тот, который К. Маркс обозначал категорией «присвоения» в узком смысле, в смысле отношения к средствам и продуктам производства как к своим. Этот подход впоследствии был уточнен и дополнен С. Н. Братусем, показавшим, что право собственности опосредует даже не сам процесс присвоения, а его статиду — состояние фактически достигнутой присвоенности материальных благ.

В настоящее время по существу общепринят взгляд, в соответствии с которым **право собственности регулирует статику имущественных (волевых) отношений собственности как состояние принадлежности (присвоенности) материальных благ.** Динамика этих отношений, т. е. переход материальных благ от одних лиц к другим, опосредуется в первую очередь обязательственным правом.

Важно отметить, что данные отношения, объективно принимающие товарно-денежную форму, составляют тем самым предмет гражданско-правового регулирования. Следовательно, и регламентирующие их нормы, неизбежно воспринимающие эту специфику, могут быть только гражданско-правовыми по юридической природе (поскольку речь идет об отношениях независимых формально равных товаровладельцев).

Их совокупность и составляет гражданско-правовой

институт (подотрасль) права собственности, или право собственности в гражданско-правовом понимании. Нормы других отраслей права, которые также в той или иной мере регулируют волевою сторону экономических отношений собственности, составляя их правовую форму, не включаются в гражданско-правовой институт (подотрасль) права собственности.

Их предмет составляет ту часть отношений собственности, которая не приобретает товарно-денежного характера (например, возникающих по поводу объектов, исключенных из товарного оборота и составляющих исключительную принадлежность государства), либо особые, внеэкономические способы их защиты (уголовно-правовые, административно-правовые). Все они (вместе с гражданско-правовыми нормами о собственности) могут рассматриваться как составные части общеправового, комплексного института права собственности.

Гражданско-правовой институт (подотрасль) права собственности охватывает нормы, устанавливающие: характер и содержание правомочий собственника, гражданско-правовой режим объектов права собственности (в том числе правила о возможности и порядке приобретения и прекращения права собственности на эти объекты); формы (разновидности) права собственности, признаваемые правом порядком; гражданско-правовые способы защиты этого права.

В совокупности перечисленные нормы гражданского права составляют **право собственности в объективном смысле** — как особый гражданско-правовой институт, закрепляющий, регулирующий и охраняющий состояние принадлежности (присвоенности) материальных благ определенным лицам.

Содержание права собственности. Для того чтобы раскрыть конкретные возможности поведения, предоставляемые законом собственнику имущества, охарактеризовать, по выражению Ю. К. Толстого, «меру его юридической власти», необходимо обратиться к категории **права собственности в субъективном смысле**, т. е. рассмотреть его содержание как субъективного гражданского права.

Содержание субъективного права собственности принято характеризовать через составляющие его правомочия. Как в законодательстве, так и в теоретической литературе обычно выделяются три правомочия собственника: по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом (п. 2 ст. 1 Закона о собственности в СССР,

п. 1 ст. 45 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года).

Закон не раскрывает содержания данных правомочий, однако в цивилистической науке оно практически общепризнано: под правомочием владения понимается основанная на законе (или юридически обеспеченная) возможность иметь у себя данное имущество, содержать его в своем хозяйстве (числить на балансе и т. п.); под правомочием пользования — аналогичная возможность эксплуатации (хозяйственного использования) имущества путем извлечения из него полезных свойств, его потребления; под правом распоряжения — соответствующая возможность определить судьбу имущества путем изменения его принадлежности, состояния или назначения (в форме отчуждения, уничтожения и т. д.).

В правовой науке давно возник вопрос о том, исчерпывается ли перечисленной «триадой» правомочий право собственности, достаточно ли указания на них для того, чтобы показать юридическую специфику этого права, его отличие от правомочий иных владельцев, не являющихся собственниками.

Дело в том, что такими возможностями, причем не только по отдельности, но и в совокупности, в ряде случаев могут обладать и не собственники. Например, наниматель жилого помещения в доме местного Совета, очевидно, не только владеет и пользуется квартирой или комнатой (в этом — основной смысл предоставленных ему жилищным законодательством возможностей), но и в известных рамках вправе распорядиться ею (путем обмена, сдачи в поднаем, раздела лицевого счета и т. д.).

Уже отсюда следует, что сама по себе «триада» правомочий, во всяком случае, недостаточна для характеристики содержания права собственности. Более того, было бы ошибкой представлять ее как единственно возможный и правильный вариант описания правомочий собственника.

Прежде всего, она вовсе не берет начало, как иногда считается, в римском праве. Римское частное право вообще не знало «закрытого» (исчерпывающего) перечня правомочий собственника. Известная триада *ius utendi*, *ius fruendi*, *ius abutendi* (право обладания, право пользования, право распоряжения) как характеристика правомочий собственника появилась уже в средние века, у глоссаторов (тем более, что первые два правомочия рассматривались в классическом римском праве как вполне самостоятель-

ные вещные права, а третье стало чисто средневековым «изобретением» комментаторов).

В русское законодательство «триаду» внес М. М. Сперанский, что четко показано А. А. Рубановым (см.: Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности. — В кн.: Развитие советского гражданского права на современном этапе. М., 1986. С. 105—106).

В 1832 году появилась ст. 420 т. X ч. I Свода законов Российской империи, устанавливавшая, что право собственности имеет тот, «кто, быв первым приобретателем имущества по законному укреплению его в частную принадлежность, получил власть в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться оным...».

Законодательство других стран содержит иные характеристики этого понятия, говоря, например, о праве «пользоваться и распоряжаться вещами наиболее абсолютным образом» (ст. 544 Гражданского кодекса Франции), о праве «распоряжаться вещью по своему усмотрению и отстранять других от всякого на нее воздействия» (§ 903 Германского гражданского уложения) и т. д.

В современном англо-американском праве насчитывают 11 правомочий собственника, причем способных в разных сочетаниях давать около полутора тысяч вариантов прав собственности (см.: Кикоть В. А. Современные тенденции и противоречия учения о праве собственности в развитых капиталистических странах (научно-аналитический обзор). — В кн.: Актуальные проблемы современного буржуазного гражданского права. Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1983. С. 41—43).

Таким образом, привычная для нас «триада» правомочий собственника, строго говоря, — чисто юридическая конструкция, прямо не опирающаяся на какое-то особое экономическое содержание. Она рождена историческим развитием нашего законодательства и было бы неправильно искать ее истоки в особых экономических отношениях владения, пользования и распоряжения. В ином случае можно было бы содержание экономических отношений собственности раскрывать через юридические категории (правомочия собственника), что вряд ли корректно.

Специфика права собственности. Юридические особенности права собственности необходимо, по-видимому, искать не столько в перечне (триаде) правомочий, являющимся лишь одним из возможных вариантов законодатель-

ной формулировки содержания этого права, сколько в самом характере данных правомочий. Конечно, правомочие распоряжения имуществом у нанимателя всегда уже, чем аналогичное правомочие собственника. Но дело не только в том, что нанимателю недостает каких-то конкретных возможностей, чтобы «сравняться» с собственником (тем более, что последний, абстрактно говоря, может наделить другое лицо любыми принадлежащими ему самому правомочиями).

Дело в том, что правомочия собственника, как и само право собственности в целом, дают возможность собственнику, опираясь на закон, отстранять всех третьих лиц от «хозяйственного господства» над принадлежащим ему имуществом, если на то нет его воли. В этом смысле правомочия собственника носят действительно особый, **исключительный** характер (что, несомненно, является прямым отражением, следствием особенностей его экономического положения).

Аналогичные правомочия могут быть и у несобственника (например, у того же нанимателя), но они уже не носят исключительного характера. Ведь они не только не «исключают» прав на это имущество самого собственника, но и возникают по **его** воле, а не только по воле управомоченного собственником лица.

Следовательно, даже одноименные правомочия несобственника отличаются от правомочий собственника прежде всего тем, что последний реализует их исключительно по своему усмотрению, будучи ограничен в действиях только прямыми запретами закона, тогда как несобственник связан волей собственника, установившего для него пределы его прав (в соответствии с законом или договором), и не может действовать столь же независимо.

Это обстоятельство ранее игнорировалось нашим законом (ср. ст. 19 Основ гражданского законодательства 1961 года), что порождало теоретические споры и практические недоразумения.

Они дали о себе знать в последнее время как в законотворческой деятельности, так и в хозяйственной практике. Отождествление «триады» правомочий с правом собственности, господствовавшее в правосознании, сделало возможными попытки подмены права собственности указанной «триадой», оказавшиеся не столь безобидными.

Так, сначала права госпредприятия по владению, пользованию и распоряжению государственным имуществом (п. 1 ст. 4 Закона о государственном предприятии (объе-

динении) стали трактоваться некоторыми экономистами как право собственности, тем более что трудовой коллектив этим же Законом был объявлен «полноправным хозяином» соответствующей части общенародной собственности (п. 2 ст. 1, п. 3 ст. 2), а иной характеристики прав госпредприятия данный Закон не давал.

Затем в п. 4 ст. 7 Закона о кооперации в СССР уже и кооператив был объявлен «полноправным хозяином» принадлежащего ему на праве собственности имущества. А после того арендные, «народные» и иные коллективные предприятия стали заключать с органами государственного управления договоры о передаче или продаже (выкупе) им либо их трудовым коллективам соответствующего имущества в «пользование и владение», либо даже «во владение, пользование и распоряжение», приобретая в результате «полную хозяйственную самостоятельность» и становясь «хозяином» («самостоятельным», «полноправным» и т. д.) имущества.

Появление такого рода коллективных «хозяев», о которых многократно сообщалось в различных периодических массовых изданиях, возможно, и усилило «чувство хозяина» у конкретных работников, но не способствовало ясности правового положения их имущества. Более того, некоторые из них были разочарованы, узнав о том, что никакого права собственности на основные фонды, выкупленные ими «в пользование и владение» у государства, не возникло.

Тем не менее, в большинстве альтернативных проектов, предлагаемых законодателю в связи с разработкой Закона о собственности, отстаивалось именно такое понимание права собственности. Например, в проекте, разработанном Комитетом Верховного Совета СССР по вопросам экологии и рационального использования природных ресурсов, в ст. 4 указывалось, что «полномочному собственнику (субъекту права собственности) принадлежат права владения, распоряжения и пользования объектом собственности» (Эконом. газ. 1989. № 48. С. 11).

Понятно поэтому, какое важное практическое значение приобретает правильное и четкое определение характера и содержания правомочий собственника. Для него совершенно излишне указание на «хозяйский» характер прав, ибо характеристика собственника как «хозяина» не только ничего не добавляет к его правомочиям, но и смешивает их с правомочиями других владельцев (ведь наниматель квартиры, несомненно, является ее «хозяином», не будучи собственником).

Точно так же излишне и указание на «хозрасчетный характер» деятельности собственника, ибо иначе как на «полном» («подлинном») хозрасчете собственник хозяйствовать не может. Но зато, по нашему законодательству, хозрасчетным может быть даже неправосубъектное образование, например, внешнеторговая фирма государственного хозяйственного объединения. Не будучи юридическим лицом, такая организация не может стать не только собственником, но и, строго говоря, вообще субъектом имущественных (гражданских) правоотношений.

Многие ученые-цивилисты, характеризуя правомочия собственника, не ограничивались перечислением известной «триады», а указывали на ее осуществление «своей властью и в своем интересе» (А. В. Венедиктов), «по своему усмотрению» (Д. М. Генкин), «независимо» от всех других лиц (С. М. Корнеев) и т. д. По этому же пути вполне обоснованно пошел и новый Закон о собственности в СССР, установивший в п. 2 ст. 1, что «собственник по своему усмотрению владеет, пользуется и распоряжается принадлежащим ему имуществом».

При этом в Законе отсутствует прямое упоминание о «пределах» названных правомочий, содержавшееся ранее в кодифицированных актах гражданского законодательства. Напротив, законодатель далее специально подчеркивает, что «собственник вправе совершать в отношении своего имущества любые действия, не противоречащие закону», особо выделяя возможность его использования для «любой хозяйственной или иной деятельности, не запрещенной законом». Тем самым закреплен наиболее широкий, всеобъемлющий характер прав собственника, реализующего «хозяйственное господство» над своим имуществом.

С учетом изложенного можно сказать, что субъективное право собственности предоставляет обладателю исключительную и всеобъемлющую возможность полного хозяйственного господства над имуществом, заключающуюся в правомочиях владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом по своему усмотрению, т. е. совершать в отношении имущества любые действия, не противоречащие закону. В исключительном и всеобъемлющем характере правомочий собственника, в независимости его имущественно-правового положения от других лиц и заключается юридическая специфика данного права.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что наличие такого права прежде всего включает возможность самостоятель-

ной организации хозяйственной (предпринимательской) деятельности и участия в товарном обороте на базе соответствующего имущества. Сведение права собственности к абстрактной «триаде» правомочий долгое время позволяло формально считать собственниками таких субъектов, которые в действительности были почти полностью лишены возможности свободного хозяйственного и иного использования принадлежащего им имущества (в частности, колхозы). Точно так же, например, и отдельные граждане как личные собственники были законодательно лишены права на самостоятельное хозяйственное использование своего имущества. Их «хозяйственное господство» жестко ограничивалось рамками сферы потребления.

Поэтому законодатель специально отметил право собственника использовать имущество для любой не запрещенной законом хозяйственной деятельности, имея в виду признание за всяким, прежде всего — коллективным или индивидуальным собственником особого субъективного права (правомочия) на собственную хозяйственную деятельность (см.: Сафиуллин Д. Н. Теория и практика правового регулирования хозяйственных связей в СССР. Свердловск, 1990. С. 15).

В новых условиях такой подход приобретает принципиальное значение, закрепляя одно из основных условий становления и функционирования современной рыночной экономики.

4. Объекты права собственности

Понятие объекта права собственности. Несмотря на всю специфику, право собственности есть лишь разновидность более широкой категории — гражданских прав. С этой точки зрения объекты права собственности тоже включаются в известное понятие объектов гражданских прав, будучи их разновидностью.

Тем не менее, о них нужно сказать особо, поскольку объекты гражданских прав — весьма широкая категория, как известно, включающая даже определенные личные, немущественные блага. Объектом же права собственности может быть только имущество, имеющее некую экономическую ценность (ведь речь идет о волевой стороне определенных экономических отношений). Далекое не всякое благо (материальное или духовное) способно стать объектом права собственности.

Исходя из экономической природы отношений собственности, можно было бы сказать, что объектом права собственности способно быть все то, что может отчуждаться как товар, быть предметом рыночных отношений независимых товаровладельцев.

Но это был бы слишком широкий подход, поскольку товаром может в конкретном случае стать все, что так или иначе попадает в орбиту деятельности человека (в том числе, например, и сам человеческий организм как объект донорства и трансплантации), и даже то, до чего человек еще не добрался, но имеет хотя бы теоретические шансы добраться (например, известные за рубежом случаи «торговли» участками на Луне).

Необходимо уточнить, что объектом права собственности может быть не просто товар, а **продукт труда, имеющий форму товара**, т. е. присвоенный кем-то, отвоеванный у природы в результате процесса производства.

Все остальные объекты человеческой деятельности в случае получения ими товарной формы могут быть предметом отношений, которые в том или ином объеме могут регулироваться с помощью некоторых норм права собственности, но все равно приобретают **особый правовой режим**, ибо распространить на них правила о собственности в **полном объеме**, без каких-либо изъятий, не представляется возможным. Ведь сами эти объекты по своей природе не допускают «полного хозяйственного господства» над собой их обладателя, а предоставляют ему довольно ограниченные возможности использования (например, донорская кровь, полученная хотя бы и возмездно).

Необходимость отметить эти, как будто очевидные, на первый взгляд, обстоятельства связана с многочисленными попытками, предпринимавшимися в ходе разработки проекта Закона о собственности, объявить объектами права собственности категории, не способные выступать в этой роли по самой своей природе: жизнь и интеллект человека, его творческие способности; атмосферный воздух (воздушный бассейн), природные и этнические ландшафты и т. д.

К сожалению, некоторые из них увенчались успехом: благодаря им, в частности, в п. 2 ст. 6 Закона о собственности появилось исключительное право гражданина «располагаться своими способностями к производительному и творческому труду», представляющее собой скрытую форму «права собственности на рабочую силу».

Между тем, интеллектуальные и физические способности человека, в определенных ситуациях приобретающие

товарную форму (при «продаже» рабочей силы на рынке труда), не являются продуктом его производительного труда, а представляют собой результат его биологического развития (если, конечно, не рассматривать человека в качестве объекта права, как в рабовладельческом обществе).

Данные способности не могут отчуждаться от своего носителя в результате товарных сделок, как это происходит с продуктом труда. Наличие правового регулирования трудовых отношений еще не свидетельствует о том, что такое регулирование осуществляется или должно осуществляться с помощью норм о праве собственности. Сказанное свидетельствует о том, что «право распоряжаться своими способностями к труду» не имеет ничего общего с правом собственности, и его включение в Закон о собственности нужно рассматривать как недоразумение (в прямом смысле слова).

Аналогичные в принципе соображения можно высказать и по поводу закрепления в качестве объектов права собственности некоторых природных ресурсов. Так, ч. I ст. 15 Закона Эстонской ССР от 18 мая 1989 г. «Основы хозяйственного расчета Эстонской ССР» (Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР. 1989. № 18. Ст. 223) объявила **исключительной собственностью Эстонской ССР «воздушное пространство над территорией республики»**. Но едва ли можно всерьез говорить об осуществлении «хозяйственного господства» над воздушным пространством, т. е. над воздухом в его естественном состоянии.

Такого рода «предмет» в принципе не способен быть объектом имущественного (товарного) оборота, не будучи определен ни индивидуальными, ни родовыми признаками, ни иным образом обособлен в качестве «имущества». Иное дело — воздух или его составные части, измененные под воздействием труда человека и соответствующим образом обособленные (нагретый воздух — пар, «сжатый воздух» с помощью компрессора, «сжиженный воздух» (газ) и т. д., являющиеся объектами гражданско-правовых сделок).

Теоретически объектом права собственности может быть и обычный воздух, однако опять-таки обособленный от «воздушного пространства», например, запаянный в какую-то емкость — и с этой точки зрения также отвоеванный человеком у природы в процессе его труда. В нашем же случае речь, конечно, идет не о «воздухе» как объекте права, а о воздушном пространстве, на которое распрост-

раняется **суверенитет** государства — категория государственного и международного, а отнюдь не гражданского права.

С этой точки зрения не вызывают каких-либо возражений формулы законодательства других прибалтийских республик: «исключительные права в отношении воздушного пространства над территорией Республики» (ч. 2 ст. 13 Закона Литовской ССР от 18 мая 1989 г. «Об основах экономической самостоятельности Литовской ССР»//Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской ССР. 1989. № 15. Ст. 168), «исключительная юрисдикция в отношении воздушного пространства» (ч. 3 ст. 17 Закона Латвийской ССР от 27 июля 1989 г. «Об экономической самостоятельности Латвийской ССР»//Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР. 1989. № 32. Ст. 450).

Точно так же результатом недоразумения следует считать и настойчивые попытки включить в сферу действия Закона о собственности отношения, связанные с так называемой «интеллектуальной собственностью», т. е. возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства, изобретений и рационализаторских предложений, промышленных образцов, товарных знаков и т. п.

Речь здесь идет о результатах интеллектуальной, творческой деятельности их авторов (создателей), выражающихся в соответствующим образом оформленных научных и технических идеях, системах художественных образов и т. д.

Особенностью складывающихся при этом отношений является не только невозможность для автора осуществлять в классическом виде «хозяйственное господство» над результатом интеллектуального творчества, но и широкая возможность для всех лиц «извлекать полезные свойства» из этого результата (пользоваться им) без согласия создателя иным путем, нежели обладание (владение) им. Автору достаточно распространить свою идею, например, путем опубликования, и все другие лица получают фактическую возможность воспользоваться плодами его творчества.

Более того, использование здесь модели отношений собственности способно ухудшить положение автора, ибо в таком случае художник, продавший картину, или автор, продавший рукопись издателю, должен терять все права не только на материальный носитель (холст, бумагу, магнитную ленту и т. д.), но и на само произведение, а при-

обретатель вправе считать себя не только владельцем, но и создателем, что было бы абсурдным.

Поэтому данные отношения хотя и строятся в форме исключительных правомочий автора (т. е. однотипных по юридической природе правомочиям собственника), но обеспечивают защиту его интересов особым путем — признавая за автором неотъемлемые правомочия безотносительно к тому, у кого фактически находится материальный носитель его произведения. Иными словами, за автором признаются особые, авторские права, обеспечивающие его интерес как творца произведения, но не как лица, осуществляющего «хозяйственное господство» над вещью.

Не случайно рассматриваемые отношения имеют прежде всего неимущественный характер, хотя и сохраняют связь с имущественными отношениями. Этот их двойственный, особый характер общепризнан и как основа для особого правового регулирования нормами авторского права, изобретательского права и тому подобных институтов, а не нормами права собственности (см., например: Дюма Р. Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции. М., 1989. С. 18—19).

Следует приветствовать то обстоятельство, что и наш законодатель в конце концов исключил «отношения интеллектуальной собственности» из сферы действия Закона о собственности (п. 4 ст. 2).

Природные ресурсы как объекты права собственности. Изложенное понимание объекта права собственности дает возможность разобраться в сложной проблеме собственности на землю и оценить ее решение, предложенное Законом о собственности.

Будучи естественным, природным объектом, земля, ее недра, другие природные ресурсы обычно не являются результатом труда человека (если не учитывать, скажем, искусственные лесопосадки или, например, разведение диких пушных зверей) и потому по справедливости не должны бы присваиваться, поступать в чью-либо собственность.

«Первоначальный факт завоевания» земли лишь был, по выражению Маркса, «прикрыт естественным правом» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 54). Более того, установление права отдельных лиц на свободное, полное владение земельными участками, как показал исторический опыт, неизбежно влечет их последующую концентрацию в руках сравнительно узкого круга лиц.

Как отмечал Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, ча-

стной собственности и государства», «едва была установлена собственность на землю, как была уже изобретена и ипотека (см. Афины)», т. е. залог недвижимости, препятствующий ее дальнейшему отчуждению, «оборотоспособности». И это — при крайней ограниченности природных, в том числе земельных ресурсов, которыми располагает человечество.

Поэтому К. Маркс говорил, что частная собственность на землю должна представляться «в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека. Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы, пользующиеся ею, и... должны оставить ее улучшенной последующим поколениям» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 337).

Примечательно, что право собственности на землю и в буржуазном праве отличается большим количеством разнообразных ограничений, вплоть до установления исключительной собственности государства на некоторые природные ресурсы и повсеместно закрепленной возможности изъятия у собственника земельного участка «в публичных интересах» с выплатой компенсации (см., например: Кулагин М. И. Эволюция гражданского права в современных капиталистических странах — В кн.: Советское и иностранное гражданское право (проблемы взаимодействия и развития). М., 1989. С. 206—208).

Отсюда — «естественная» идея «социализации земли», объявления ее народным достоянием, при отмене всякой иной, кроме народной, собственности на природные ресурсы. Смысл этой идеи состоит в том, что при отсутствии конкретного, юридического собственника на землю (ибо «народ» как целое не может быть признан субъектом имущественных правоотношений) органы государственной власти и управления получают определенную **компетенцию** по распоряжению земельными и другими природными ресурсами, а отдельные организации и граждане — необходимые для ведения хозяйственной и иной деятельности вещные права по их использованию, но не право собственности.

Именно поэтому в п. 1 ст. 20 Закона о собственности земля, ее недра, воды, растительный и животный мир объявлены «неотъемлемым достоянием народов, проживающих на данной территории». Очевидно, что особенность этих объектов как объектов природы, а не продуктов

человеческого труда, не могла быть не учтена при определении их правового режима.

Вместе с тем следовало учитывать и сохраняющуюся возможность совершения определенных юридических действий, в том числе сделок, с данными объектами (например, сдача в аренду, установление вещных прав и т. д.). В этом случае неизбежно возникает вопрос о том, кто же может выступать в гражданском (имущественном) обороте от имени народа как целого, являющегося в **экономическом смысле собственником** земли и других природных объектов, поскольку они составляют его «неотъемлемое достояние»? Ничего иного, кроме конструкции **исключительного права собственности государства**, рассматриваемого в качестве единственно возможной **правовой формы реализации** экономических отношений земельной собственности, найти не удастся. Не случайно именно этот путь избрало законодательство всех прибалтийских республик, прямо закрепившее «исключительную собственность» соответствующей республики на данные объекты (ч. 1 ст. 15 Закона Эстонской ССР от 18 мая 1989 г. «Основы хозяйственного расчета Эстонской ССР», п. 1 ч. 1 ст. 13 аналогичного Закона Литовской ССР от 18 мая 1989 г., ч. 1 ст. 17 аналогичного Закона Латвийской ССР от 27 июля 1989 г.).

В принятом 13 июня 1990 г. Законе Эстонской Республики о собственности (Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской Республики. 1990. № 20. Ст. 299) «земля, ее недра, воздушное пространство над территорией республики, внутренние водоемы и территориальные воды, шельф, леса и другие природные ресурсы» объявлены объектами права государственной собственности республики, вытекающего из неотъемлемого права народа Эстонии на землю и другие природные ресурсы Эстонии.

Изложенными соображениями можно объяснить указание на землю и другие природные ресурсы как на объекты права собственности в п. 1 ст. 3 Закона о собственности в СССР, заголовке ст. 20 Закона «Собственность на землю и другие природные ресурсы» и помещение этой статьи в разд. IV Закона, названный «Государственная собственность».

Данные обстоятельства в совокупности дают известные основания говорить о фактическом сохранении в нашем гражданском праве исключительной собственности государства на землю и другие природные ресурсы именно как **гражданско-правового** понятия, как правовой формы реализации экономических отношений общенародной принад-

лежности данных материальных благ (тем более, что в действительности в земельные угодья вложен большой человеческий труд, причем не одного поколения людей, и с этой точки зрения правомерно говорить об их экономической присвоенности).

Однако право государственной собственности в традиционном виде чревато возможностью сосредоточения и осуществления правомочий собственника в руках представляющих его органов управления — ведомств различного уровня, обычно преследующих не только общегосударственные, но и ведомственные интересы.

В отсутствие правовых гарантий интересов конкретных землепользователей и землевладельцев данная возможность вполне способна сохранить их «отчужденность» от природных объектов и все связанные с этим последствия такого хозяйствования. Появляется необходимость, с одной стороны, ограничить органы государства в их воздействии на имущественные отношения пользователей природных ресурсов, подчеркнуть их положение как **несобственников** — органов управления общенародным достоянием, а с другой — предоставить конкретным пользователям четко очерченные и защищаемые правомочия по его использованию.

В связи с этим в тексте ст. 20 Закона о собственности законодатель не применяет само понятие «собственность» (кроме заголовка) к отдельным государственным образованиям, подчеркивая тем самым зависимость их правомочий от «неотъемлемых» прав народов, проживающих на данной территории (хотя сами эти правомочия, как нетрудно заметить, формулируются как одноименные правомочия собственника).

При разрешении данной проблемы законодателю пришлось учитывать федеративный характер нашего государства, а также наличие во многих союзных республиках (в отличие от прибалтийских) автономных образований. «Многосубъектность» государства потребовала не ограничиваться обычным указанием на «государство» как таковое, а конкретно определить правомочия Союза, союзной республики, автономной республики и другого автономного образования. Здесь основная сложность состояла в том, что объекты прав всех упомянутых государственных образований совпадают, так как, например, земля автономной республики одновременно является землей союзной республики и территорией Союза ССР в целом.

Разрешить ее с помощью одновременного установле-

одинаковых прав (например, права собственности) нескольких субъектов на один и тот же объект (по концепции «расщепленной», или «сопряженной» собственности нескольких субъектов на одно и то же имущество, предлагавшейся некоторыми учеными) оказалось невозможным из-за принципиальной неразрешимости возникающих между такими субъектами противоречий. Ведь при полном равенстве их прав нет никаких оснований предпочесть интересы одного интересам другого, а во всех иных случаях оказывается, что кто-то из них на самом деле — собственник, а кто-то — нет.

В результате п. 1 ст. 20 Закона о собственности установил, что союзные республики и автономные образования осуществляют известную триаду правомочий собственника в отношении природных ресурсов, но не только в своих интересах (как собственники), но «и в интересах Союза ССР», а автономные образования, сверх того, «также и в интересах союзной республики». Союзу ССР в целом в соответствии с п. 2 ст. 20 природные объекты предоставляются лишь «во владение и пользование», что также нельзя считать полноценными правомочиями собственника. С этой позиции правомочия любого из государственных образований, составляющих Союз ССР, не совпадают с правомочиями обычного собственника, как они определены в п. 2 ст. 1 Закона о собственности.

Таким образом, правовой режим земли и других природных ресурсов приобрел весьма специфичный характер. Будучи «неотъемлемым достоянием народов, проживающих на данной территории», земля и природные ресурсы фактически подпадают под правовой режим объектов исключительной собственности государства. Однако в классическом виде право собственности на них отсутствует, ибо ни одно из государственных образований, ни даже все они в совокупности не могут считаться обладателями всех обычных правомочий собственника. В этом отразилась социально-экономическая специфика данных объектов как общенародного достояния, не находящегося в состоянии присвоения конкретных лиц или организаций, а также федеративный характер нашего государства.

В строгом юридическом смысле земля и другие природные ресурсы попали в состояние (режим) «социализации», «социализированного имущества», т. е. прямой принадлежности народу или народам как целому, в отличие от государственной собственности как непрямой, опосредованной формы общественного присвоения.

мотренных законом, — абз. 3 п. 2 ст. 33 Закона о собственности) может служить основанием возникновения только для государственной собственности.

Точно так же в собственность государства поступают бесхозяйное имущество, т. е. имущество, которое не имеет собственника или собственник которого неизвестен (ч. 1 ст. 143 Гражданского кодекса РСФСР), невостребованная находка и клад (ч. 2 ст. 145, ч. 1 ст. 148 ГК РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик). Эти юридические факты служат **специальными** основаниями возникновения права собственности (только для государства).

Со времен римского права все способы возникновения права собственности принято подразделять на **первоначальные и производные**.

К первоначальным способам (основаниям) возникновения права собственности относятся случаи, когда право собственности на имущество возникает (устанавливается) впервые, либо помимо воли прежнего собственника (изготовление вещи, конфискация имущества).

К производным способам относятся случаи возникновения права собственности у приобретателя по воле предшествующего собственника и с согласия самого приобретателя (договоры, наследование). Практическое значение этой классификации выражалось известным римским принципом: *nemo plus juris ad alienum transferre potest, quam ipse habet* — «никто не может передать другому большее право, чем то, которое имеет сам».

Сказанное означает не только невозможность для не-собственника осуществить отчуждение вещи без согласия ее собственника (в качестве неуправомоченного лица), но и необходимость при отчуждении имущества, обремененного долгами или иными обязательствами, решить вопрос о переводе этих обязанностей на нового приобретателя (о правопреемстве). Если, например, в продаваемом доме отчуждатель сохраняет за собой право пожизненного пользования одной из комнат, его право будет в дальнейшем связывать не только первоначального покупателя, но и всех последующих приобретателей.

Однако наше законодательство практически отошло от соблюдения данного классического принципа и по сути не связывает каких-либо юридических последствий с делением способов приобретения права собственности на первоначальные и производные.

Так, государственные юридические лица — предприятия

и объединения, создавая добровольную (договорную) «хозяйственную ассоциацию» (концерн, межотраслевое объединение и т. д.), не будучи собственниками, тем не менее, создают нового собственника бывшего государственным имуществом (п. 1 ст. 16 Закона о собственности). Аналогичное положение возникает при создании совместных предприятий с иностранным участием (ст. 27 Закона о собственности). Поэтому данная классификация, к сожалению, утратила для нас значение.

Следовательно, основную роль играет деление способов (оснований) приобретения права собственности на общие и специальные. Следует подчеркнуть, что если ранее специальные способы касались практически только государственной собственности, то теперь появились такие способы и для коллективной собственности.

Отражением процесса «разгосударствления собственности» стало закрепление п. 2 ст. 10 Закона о собственности новых способов образования коллективной собственности: **аренда** государственных предприятий; их **выкуп** трудовыми коллективами (или приобретение иными предусмотренными законом способами — см. п. 1 ст. 12 Закона о собственности); **преобразование** государственных предприятий в акционерные общества.

Перечисленные три основания могут стать способами возникновения только коллективной собственности. Законодательство пока не предусматривает возможности приобретения права собственности на бывшее государственное имущество (производственные предприятия) отдельными лицами.

Иными словами, «разгосударствление» не означает «приватизацию» государственной собственности. Примечательно, что договор об аренде государственного имущества может стать основанием возникновения права собственности у коллектива арендаторов (арендного предприятия), но не при индивидуальной и групповой аренде или «внутрихозяйственном арендном подряде», о чем прямо говорят нормы Основ законодательства об аренде.

В силу правил ст. 10 названных Основ, выкуп арендованного государственного имущества осуществляется путем внесения арендной платы (по сути автоматически) и без согласия собственника (который может быть принужден через арбитраж к заключению договора аренды, устанавливающего условия, порядок и сроки выкупа). Такое уникальное для гражданского права положение (ведь обычный арендатор обязан вернуть собственнику иму-

шество по истечении срока аренды) применимо только к государственной собственности и только на случай ее выкупа трудовым коллективом госпредприятия, т. е. по существу является именно правовым способом «разгосударствления», а не классическим договором аренды.

Момент возникновения права собственности. Важное практическое значение имеет четкое определение момента, с которого возникает право собственности у приобретателя имущества по договору (для случаев, когда заключение договора не совпадает по времени с моментом передачи вещи).

Этот вопрос давно и четко решен нашим гражданским законодательством. Как известно, Основы гражданского законодательства (здесь имеются в виду статьи Основ 1961 года) закрепили **систему традиции** (от латинского *traditio* — «передача»), в соответствии с которой право собственности у приобретателя имущества по договору обычно возникает в момент фактической его передачи.

Но это правило **диспозитивно** и может быть изменено соглашением сторон. Если же договор (но не имущество!) требует регистрации, то с ее момента у приобретателя всегда возникает и право собственности. С учетом практической значимости данного обстоятельства, закон (п. 2 ст. 50 Основ гражданского законодательства) определяет и понятие «передачи» имущества.

Все перечисленные вопросы тщательно освещены в литературе, а их регламентация не претерпела изменений с принятием Закона о собственности.

Здесь важно иметь в виду, что в тех случаях, когда договор об отчуждении имущества подлежит государственной регистрации или нотариальному удостоверению, право собственности у приобретателя возникает соответственно в момент регистрации или нотариального удостоверения, независимо от того, когда фактически к нему перейдет данное имущество. Например, договор купли-продажи жилого дома или дачи, как известно, нуждается в нотариальном удостоверении, а также регистрации в исполкоме местного Совета. С момента указанной регистрации собственником жилого дома или дачи считается приобретатель, независимо от того, когда в действительности он поселился в этом строении.

Значение данного правила обусловлено не только необходимостью четкого установления момента перехода прав и обязанностей, но и тем обстоятельством, что именно соб-

ственник имущества несет риск его случайной гибели или порчи, да и в целом «бремя» его содержания.

С этой точки зрения можно сказать, что правило о переходе права собственности на имущество в момент регистрации (или нотариального удостоверения) договора о его отчуждении в значительной мере нивелирует различие консенсуальных и реальных сделок, однозначно определяя момент возникновения права собственности у приобретателя по договору.

Во всех иных случаях, когда отсутствует требование регистрации или нотариального удостоверения договора об отчуждении имущества, диспозитивный характер правил о переходе права собственности и моменте его возникновения у приобретателя позволяет сторонам договора самим решить данный вопрос в соответствии со своими конкретными интересами.

ЛИТЕРАТУРА:

Алексеев С. С. Собственность — право — социализм: полемические заметки. М., 1989.

Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. Гл. I.

Кикоть В. А. Современные тенденции и противоречия учения о праве собственности в развитых капиталистических странах (научно-аналитический обзор). — В кн.: Актуальные проблемы современного буржуазного гражданского права. Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1983.

Рубанов А. А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности. — В кн.: Развитие советского гражданского права на современном этапе. М., 1986.

Право собственности в СССР/Под ред. Ю. К. Толстого, В. Ф. Яковлева. М., 1989.

Сафиуллин Д. Н. Теория и практика правового регулирования хозяйственных связей в СССР. Свердловск, 1990. Гл. I.

Скловский К. И. К проблеме права собственности//Правоведение. 1990. № 1. С. 40—45.

Советское и иностранное гражданское право (проблемы взаимодействия и развития). М., 1989. § 3 гл. 3 (с. 203—225).

Толстой Ю. К. Концепция А. В. Венедиктова о праве собственности и современность//Правоведение. 1988. № 2.

Шкредов В. П. Экономика и право. Опыт экономико-юридического исследования общественного производства. 2-е изд. М., 1990. Гл. гл. 1—3.

1. Понятие и система форм собственности и права собственности

Форма собственности как экономическая категория. Собственность как состояние присвоенности (принадлежности) материальных благ, закрепляющее «хозяйственное господство» лица над вещью, может существовать в нескольких формах. В зависимости от **субъекта присвоения** она может быть индивидуальной, групповой (коллективной), общественной (общенародной).

Поскольку отношения собственности опосредуют статику **производственного** процесса (его предпосылки и результаты), они в сущности определяют **способы соединения** средств производства с непосредственными производителями и соответственно — характер производственных отношений, складывающихся в данном обществе.

Поэтому соответственно характеру производственных отношений традиционно было принято выделять различные **исторические типы (формы) собственности**: первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и социалистическая. Они различаются друг от друга и как различные этапы общественного разделения труда (порождающего процесс товарообмена), и с этой точки зрения К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 20).

Однако такой подход к понятию форм собственности, оправданный в политэкономическом, общетеоретическом смысле, мало дает для конкретного, экономико-правового анализа отношений собственности. Ведь в одном и том же обществе, при господстве тех или иных типов собственности, фактически могут существовать и существуют различные способы присвоения. Даже внутри социалистического типа (вида) собственности ранее обычно выделялись его

формы (разновидности): государственная, кооперативно-колхозная и собственность общественных организаций.

Когда же в обществе сосуществуют различные типы собственности (а современная цивилизация дает нам именно такую картину), неизбежно складывается **система различных форм присвоения материальных благ**, или форм собственности. Товарное производство и товарообмен предполагают сочетание различных форм присвоения (собственности), связанных с различными ступенями (этапами) общественного разделения труда (тем более, что само товарное производство существовало и существует в различных общественно-экономических формациях).

В таком аспекте исходными категориями должны стать не общетеоретические понятия «социалистической» или «капиталистической» собственности, а индивидуального, группового (коллективного) и общественного присвоения как **основных форм собственности**, свойственных всякому товарному хозяйству. Таким образом, можно сказать, что **формы собственности (присвоения) — различные способы закрепления принадлежности материальных благ за конкретными субъектами (участниками) экономических отношений.**

Здесь важно отметить, что коллективная и общественная (общенародная) формы присвоения (собственности) представляют собой **сложные структуры** отношений, так как участниками процессов присвоения в этих случаях становятся не отдельные люди, а определенное **множество лиц**, находящихся во взаимосвязях как друг с другом (внутренних, организационных), так и с другими лицами и коллективами (внешних). Иными словами, в экономическом смысле субъектом присвоения выступает именно данная множественность лиц, а не один человек.

Из этого следует, что определенным образом организованный коллектив, будучи собственником, не может быть сведен к простой совокупности составляющих его лиц (индивидуумов), что коллективная собственность — достаточно сложная экономическая категория.

Еще более сложна категория общественной собственности (общенародного присвоения), ибо ее основной субъект сам представляет собой весьма непростую систему социальных связей различных групп и слоев населения (работников производственной сферы, непромышленной сферы, аппарата управления, нетрудоспособных и т. д.), характеризующихся различным отношением к условиям и результатам обобществленного производства (подробнее

см., например: Бутенко А. П. О характере собственности в условиях реального социализма//ЭКО. 1988. № 2. С. 3 и сл.).

Признание отношений общенародной собственности сложной многоуровневой и динамической системой делает очевидной невозможность ее трактовки в рамках простой модели присвоения «собственник — несобственник».

Более того, из сказанного вытекает, что отдельный человек как участник сложных форм собственности (коллективных и общественных), будучи в этом смысле **субъектом** экономических отношений собственности, не становится **собственником** даже в экономическом понимании данного слова, хотя он безусловно участвует в экономических отношениях присвоения.

Отсюда вновь можно видеть, что объективно (экономически) необходимое развитие коллективных форм производства неизбежно порождает известную «отчужденность человека от собственности». И тем более ясно, что указанная сложная система экономических отношений не может быть выражена с помощью одного, универсального юридического института — права собственности, потому что каждый участник экономических отношений собственности (присвоения) не может одновременно автоматически становиться субъектом **права собственности**.

Система форм собственности. Развитой товарной экономике свойственно разнообразие (плюрализм) форм собственности. Идея о множественности свободно сосуществующих форм собственности практически общепризнана в новейшей теоретической литературе и нашла законодательное закрепление.

В новой редакции ст. 10 Конституции СССР указывается, что «государство создает условия, необходимые для развития разнообразных форм собственности, и обеспечивает равную их защиту». Вместе с тем отмечается, что «экономическая система СССР развивается на основе собственности советских граждан, коллективной и государственной собственности», которые, таким образом, можно считать **основными формами собственности**.

Наряду с ними допускается образование различных смешанных форм собственности, в том числе с иностранным участием, а также иностранной собственности.

Таким образом, можно говорить не только о многообразии форм собственности, но и о том, что они складываются в определенную **систему**, характеризующуюся известными взаимосвязями, сочетанием различных форм. Но

если речь идет именно о системе, а не о бессистемном конгломерате, то это означает, что входящие в нее элементы характеризуются определенными отношениями субординации: одни из них являются главными, определяющими, а другие — производными, зависимыми.

Ясно, что все они не могут выполнять абсолютно одинаковую роль, и такое положение объективно необходимо для функционирования самой системы. Следовательно, и в системе форм собственности все они не могут занимать одинаковое положение: соответственно их роли в экономическом базисе общества — одни из них неизбежно составляют его основу, а другие — дополняют ее.

Иное дело — обеспечение равенства юридических условий функционирования различных форм собственности. Оно подразумевает отсутствие искусственно создаваемых, юридических препятствий для развития тех или иных форм собственности (их дискриминации), либо наоборот — особых преимуществ, включая, конечно, и полное равенство в их правовой защите.

Но в силу экономических причин одни из форм собственности неизбежно будут преобладать, занимая фактически господствующее положение. Поэтому конституционная задача государства по созданию и поддержанию условий, необходимых для развития разнообразных форм собственности, заключается как в устранении неоправданной юридической дискриминации тех или иных из этих форм, так и в известной поддержке должного соотношения, равновесия между реально выполняемыми ими экономическими ролями.

Ясно поэтому, какой сложной и важной задачей являются определение и законодательное закрепление системы форм собственности, обеспечивающей успешное функционирование экономики данного общества.

С принятием Закона о собственности и последовавшей за этим новой редакцией Конституции СССР был закреплен новый подход к системе форм собственности, развивающейся в нашей стране. Законодатель не воспринял неоднократно предлагавшейся правительством преамбулы к Закону о собственности, где сохранялось понятие «основы социально-экономической системы СССР» (в это понятие предлагалось включить «социалистическую собственность, выступающую в многообразных формах собственности советских граждан и общественной собственности»).

В новой редакции ч. 1 ст. 10 Конституции СССР по существу в качестве такой основы в равной мере рассмат-

риваются собственность граждан, коллективная и государственная собственность, ставшие, таким образом, основными формами собственности.

Более того, на первое место среди них намеренно выдвинута собственность советских граждан, призванная составить экономическую основу независимости гражданина, подчеркнуть его (а не государства) основополагающую роль в хозяйственной жизни, ее конечную направленность на индивидуальное потребление.

С чисто юридических позиций эта идея выглядит весьма привлекательной, однако ее экономическая сторона вызывает сомнения. Как в настоящее время, так и в ближайшем будущем остается крайне маловероятным господство в современной экономике индивидуальных форм производства и хозяйствования.

При современных средствах труда, когда человек все еще остается главным участником производственного процесса и не вытеснен из него «безлюдными технологиями» и «искусственной рабочей силой», крупное машинное производство и соответствующие ему коллективные формы труда останутся базисом экономики. Индивидуальное производство и свойственные ему формы присвоения будут лишь дополнять коллективные и вряд ли смогут сыграть главенствующую роль.

К этому можно добавить и сказанное ранее о субординационном характере взаимосвязей, складывающихся в системе, в том числе в системе форм собственности. Скорее, видимо, речь должна идти о преобладании коллективных форм присвоения над государственной (общественной) формой собственности, пока сохраняющей реальное господство в экономическом базисе нашего общества.

Если отсутствует ясность в вопросе о том, какие именно элементы (формы собственности) отнести к неизбежно существующей основе экономической системы, а какие считать производными или дополнительными, особенно с учетом возможных в будущем социально-экономических изменений, лучше искать опору в экономических реалиях, а не в теоретических построениях.

Формы собственности и права собственности. Формы собственности, в том числе и основные (собственность советских граждан, коллективная и государственная собственность), являются не юридическими, а экономическими понятиями, синонимами индивидуального, коллективного и государственного (общественного) присвоения. Именно в этом качестве о них говорит и Конституция СССР.

Каждая из перечисленных форм в действительности скрывает в себе различные экономические формы (способы) присвоения: собственность граждан охватывает потребительское присвоение (личную собственность), индивидуально-трудовое присвоение (имеющее производственный характер) и даже известную возможность присвоения результатов чужого труда («частную» собственность); коллективная собственность охватывает как групповое присвоение (в рамках кооперативов, хозяйственных товариществ и т. п.), так и присвоение, по существу носящее общественный характер (в рамках таких общественных организаций, как профсоюзы, добровольные общества, партии и т. п.), хотя в основном и непродуцированный; государственная собственность включает как общенародное присвоение, так и присвоение отдельными народами (по национально-территориальному признаку), в том числе и в качестве «неотъемлемого достояния» народов.

Это же можно сказать и о смешанных формах собственности, и о собственности с иностранным участием.

Все многообразие экономических форм собственности практически невозможно однозначно и последовательно квалифицировать в качестве форм традиционно понимаемой «социалистической» или «капиталистической» собственности (например, индивидуально-трудовые или некоторые коллективные формы присвоения с равным успехом могут быть отнесены к любой из указанных двух групп). Поэтому оправданно применение для их классификации более общих понятий собственности граждан, коллективов и государства.

Но для их правового закрепления такие абстракции малопригодны; нужна четкая система **правовых форм** их регулирования. С данной позиции невозможно, например, говорить о «праве коллективной собственности», поскольку «коллектив» — весьма широкое понятие (включающее и неправосубъектные образования), и даже о «праве государственной собственности», ибо теперь в понятие «государство» следует включать не только Союз ССР и даже не только союзные республики.

Для права собственности необходим конкретный субъект, способный, кроме того, быть участником имущественных (товарно-денежных) отношений. Поэтому форма **права** собственности не совпадает с экономической формой собственности, а система форм права собственности не тождественна системе форм собственности (присвоения).

Форма (вид) права собственности — совокупность пра-

вовых норм (правовой институт), закрепляющих принадлежность материальных благ определенным субъектам и устанавливающих правовой режим соответствующего имущества.

Формы (виды) права собственности отличаются друг от друга не по содержанию правомочий (оно теперь абсолютно одинаково у всех собственников), а по характеру объектов и их правовому режиму. Не всякое имущество может принадлежать на праве собственности отдельным гражданам (прежде всего, по соображениям общественной безопасности). Целевыми рамками ограничены объекты права собственности общественных организаций и фондов как коллективных собственников. Даже субъекты государственной собственности осуществляют правомочия в отношении различных видов имущества.

Это, между прочим, лишь подтверждает неодинаковую фактическую роль названных правовых институтов и закрепляемых ими экономических отношений собственности (присвоения), свидетельствует о действительно системном характере их взаимосвязей. Одновременно появляются основания отклониться от законодательно закрепленной системы перечисленных форм и дать им иную, теоретическую классификацию.

С учетом сказанного система форм права собственности может быть представлена в следующем виде. Во-первых, это — право собственности государств и административно-территориальных образований.

В свою очередь, оно состоит из права собственности Союза ССР (закрепляющего общесоюзную собственность как экономическое отношение); права собственности союзной республики, автономной республики, автономных образований (автономной области, автономного округа); права собственности административно-территориальных образований (краев, областей, районов), закрепляющего коммунальную собственность как экономическое отношение; а также права собственности иностранных государств на имущество, находящееся на территории СССР.

Субъектами данных прав (кроме права собственности иностранных государств) в соответствии с п. 1 ст. 19 Закона о собственности следует считать соответствующие **Советы народных депутатов**.

Во-вторых, это — право собственности юридических лиц (коллективов), наиболее широко урегулированное законодательством.

Оно представлено у нас такими разновидностями, как

право собственности коллективного и арендного предприятия (правовой режим имущества этих собственников практически совпадает); право собственности кооператива; право собственности хозяйственного общества и товарищества (в том числе право собственности акционерного общества, совместного предприятия с иностранным участием); право собственности хозяйственных объединений (ассоциаций); право собственности общественных и религиозных организаций; право собственности иностранных юридических лиц (на имущество, находящееся на территории СССР); право собственности международных организаций (тоже на имущество, находящееся на территории СССР).

Субъектами права собственности во всех перечисленных случаях становятся отдельные организации, имеющие права юридического лица.

Некоторыми особенностями обладает в этом отношении право собственности общественных организаций, многие из которых как целое не являются юридическими лицами. Данное обстоятельство уже породило большие сложности в их имущественном положении, и думается, что последовательное разрешение возникших здесь вопросов должно происходить при обязательном учете конструкций, заложенных в новом законодательстве о собственности (подробнее см. лекции 5—6).

В-третьих, в систему форм права собственности входит право собственности граждан, которое, как представляется, также может быть дифференцировано на право личной собственности советских граждан (в его традиционном, «потребительском» понимании); право индивидуально-трудовой собственности советских граждан; право частной собственности советских граждан (использующих в установленных законом рамках труд по найму других граждан); наконец, право собственности иностранных граждан (на имущество, находящееся на территории СССР).

Субъектами права собственности здесь выступают отдельные граждане (не обязательно дееспособные).

Экономически выделяются «смешанные формы собственности», образуемые путем «объединения имущества, находящегося в собственности граждан, юридических лиц и государства», а также иностранных юридических лиц и граждан (п. 2 ст. 4 Закона о собственности). Однако юридически эти случаи ничего не меняют: прежние собственники либо образуют нового, коллективного собственника (например, хозяйственное товарищество или акционер-

ное общество, каковым теперь должно стать и совместное предприятие с иностранным участием), либо остаются общими (долевыми) собственниками «объединенного» имущества. Новой формы права собственности все равно не возникает, что вновь свидетельствует об отличиях экономических и правовых форм (отношений).

Закон о собственности в п. 3 ст. 4 предусмотрел возможность появления иных, не предусмотренных им форм собственности. Однако практическая значимость данного права сомнительна, ибо достаточно абстрактные формы «собственности граждан, юридических лиц (коллективов) и государства» фактически исключают возможность выхода за указанные рамки. Данное обстоятельство подтверждает и имеющийся опыт правотворчества прибалтийских республик.

Принятыми в 1989 году (до принятия Закона о собственности в СССР) законами об экономической самостоятельности этих республик предусмотрены следующие формы собственности: «государственная, коллективная (групповая), физических лиц», а также «союзная собственность, собственность других республик СССР, иностранных государств, иностранных фирм и физических лиц» (ст.ст. 12 и 17 Закона об основах экономической самостоятельности Литовской ССР); «государственная собственность Латвийской ССР, коллективная собственность, собственность граждан Латвийской ССР», а также «федеральная собственность, собственность других союзных республик, иностранных государств, их юридических и физических лиц на территории Латвийской ССР» (ст.ст. 16, 20, 22 Закона об экономической самостоятельности Латвийской ССР); «государственная собственность Эстонской ССР, собственность кооперативных и общественных организаций и общественных движений, а также собственность частных лиц», «собственность как Союза ССР, других союзных республик, иностранных государств, так и их юридических лиц и граждан» (ст. 13 Закона Эстонской ССР «Основы хозяйственного расчета Эстонской ССР»).

Ясно, что и их правовые формы фактически тождественны отмечавшимся ранее.

Практически речь может идти лишь о прямом признании республиканским законодательством права частной собственности. Но оно в решающей мере зависит от понимания (трактовки) данной формы права собственности. Если рассматривать частную собственность как противоположную государственной (публичной) собственности, то

она должна включать в себя право собственности граждан и право собственности юридических лиц (как это предполагалось закрепить в Законе о собственности в РСФСР).

Возможно и другое решение, предусмотренное в ст. 19 названного эстонского закона. В ней прямо указано, что «собственность частных лиц выступает в Эстонской ССР в виде личной собственности или мелкой частной собственности».

Личная собственность составляет основу удовлетворения личных потребностей. Мелкая частная собственность образует экономическую основу товарного производства, осуществляемого частными лицами».

В эстонском законе о собственности 1990 года частной собственностью объявлена собственность граждан как физических лиц (ст.ст. 2 и 14). Наряду с ней выделена также собственность юридических лиц, муниципальная и государственная.

Таким образом, предусмотренные Законом о собственности формы собственности и права собственности практически исчерпывают все мыслимые варианты и тем самым закрепляют самое широкое многообразие отношений собственности.

2. Иные правовые формы реализации отношений собственности

Система правовых форм реализации экономических отношений собственности. Ранее уже отмечалось, что экономические отношения собственности юридически опосредуются не только с помощью права собственности.

Речь идет не только о «динамике» рассматриваемых отношений, самом процессе **перехода** материальных благ, имеющих форму товара, от одних владельцев к другим (волевая сторона данного процесса в форме имущественных отношений регулируется с помощью норм **обязательственного права**). Даже и «статичку» экономических отношений собственности (ее волевою сторону) право регулирует не только в форме права собственности.

Хозяйственная практика уже давно показала возможность и целесообразность осуществления «хозяйственного господства» над имуществом в иных организационно-правовых формах, нежели право собственности. Например, в тех случаях, когда такое «господство» необходимо лишь в ограниченном объеме (скажем, свободное пользование чу-

жой землей для прогона скота к водопою, прохода к дороге и т. п.) или на ограниченн^{ый} срок (пожизненное проживание в доме, подаренном дет^{ям}, с тем, чтобы не оказаться в положении шекспировского короля Лира).

Иными словами, для того чтобы должным образом удовлетворить хозяйственные и иные нужды и потребности, в ряде случаев не обязательно становиться собственником (что может оказаться или невозможным, или невыгодным), а достаточно получить правомочия иного законного владельца имущества и соответствующую им правовую защиту.

Это особенно наглядно показывают отношения земле- владения, касающиеся такого объективно ограниченного объекта, как земля и другие природные ресурсы, использование которых не может поэтому осуществляться только собственниками и только в их интересах.

Уже римское частное право выработало целую систему иных, нежели право собственности, «ограниченных» вещных прав, прежде всего сервитутного типа, позволявших осуществлять хозяйственное и иное использование имущества, и главным образом — земельных участков, не только их собственниками, но и иными законными владельцами.

Хотя такое использование и происходило в рамках, ограниченных законом или договором с собственником, но настолько эффективно охранялось (причем не только в исковой форме, но и с помощью особых средств преторской защиты — интердиктов (преторских запретов определенного поведения) и реституции (принудительного возвращения в первоначальное положение, существовавшее до правонарушения), в том числе и против самого собственника, что создавало полную гарантию стабильности и обеспеченности интересов пользователей.

Так, право долгосрочной наследуемой аренды (эμφитеυσις) предоставляло арендатору земли такие широкие возможности, что средневековые юристы — интерпретаторы римского права (гlossаторы) впоследствии оценили их как еще одно право собственности на земельный участок, что и послужило основанием возникновения учения о «разделенной» («двойной») собственности на один и тот же объект права.

Таким образом, речь идет о том, что экономические отношения присвоенности (принадлежности) материальных благ юридически закрепляются и оформляются в многообразных правовых формах, соответствующих характеру и целям возникающих отношений.

Наряду с правом собственности к этим формам следует отнести и **иные**, близкие к праву собственности по юридической природе **вещные права** (**ограниченные** законом или волей собственника), а также и **некоторые обязательственные права**, вытекающие из договоров (с собственником имущества) и тоже предоставляющие контрагенту определенные возможности (правомочия) ограниченного использования чужого имущества (например, обычный договор имущественного найма, жилищного найма или договор безвозмездного пользования имуществом).

Право собственности, иные вещные права и некоторые обязательственные права (содержащие **правомочие владения**) в совокупности и составляют **систему правовых форм** реализации экономических отношений собственности (в их «статике»).

Конечно, право собственности, предоставляя обладателям наиболее широкие возможности «хозяйственного господства» над имуществом, играет в этой системе главенствующую роль. Однако не следует забывать и отказываться от других правовых форм, допускающих **ограниченное** (законом или договором с собственником) «хозяйственное господство» над чужим имуществом, тем более что и эти правовые формы могут быть достаточно широки и вполне гарантировать удовлетворение потребностей пользователя.

Понятие вещных прав. Строго говоря, само право собственности является **разновидностью вещных прав** и именно в этом качестве всегда рассматривалось и регулировалось гражданским законодательством практически во всех странах. Даже в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г., составлявшем ядро нашего гражданского законодательства до начала 60-х годов, право собственности рассматривалось как составная часть более широкого института **вещных прав**.

К сожалению, действовавшее до принятия Закона о собственности советское гражданское законодательство отказалось от этого проверенного веками подхода. Оно закрепило новый институт (или даже целую подотрасль гражданского права) — право собственности, куда, впрочем, были включены два сохранившихся вещных права: право оперативного управления государственным (а впоследствии — и иным социалистическим) имуществом и право пользования объектами исключительной собственности государства (ст. 26¹ и ч. 3 ст. 21 Основ гражданского законодательства 1961 года).

Получилось, что названные вещные права стали состав-

ной частью института права собственности, по существу растворились в нем (в противоположность существовавшему ранее положению). Это породило ряд недоразумений, касавшихся юридической природы данных прав и их соотношения с правом собственности, не воспринимавшихся должным образом общественным правосознанием.

Такое господствующее положение права собственности создало иллюзию обоснованности мнения о единственно возможной правовой форме отражения экономических отношений собственности, развенчать которую стало весьма трудным делом, особенно среди неюристов.

С принятием Закона о собственности и других новейших законодательных актов положение существенно изменилось в лучшую сторону. В нашем законодательстве вновь появилась разветвленная система вещных прав, нуждающаяся в теоретическом осмыслении.

Суть конструкции вещного права заключается в том, что оно позволяет не дробить единое право собственности на имущество, сохраняя его и учитывая интересы собственника, и вместе с тем юридически четко и надежно фиксирует права иных, кроме собственников, участников экономических отношений присвоения.

Это обстоятельство особенно важно для крупных собственников, позволяя им организовать эффективное управление и хозяйствование со своим имуществом путем создания **новых, самостоятельных субъектов права** со своими экономическими и иными интересами (следовательно, экономически заинтересованных в результатах своего хозяйствования), но при сохранении права собственности на выделенное им имущество.

В первую очередь это касается предприятий и организаций, принадлежащих на праве собственности государству (Союзу ССР, союзным или автономным республикам или иным автономным образованиям и административно-территориальным единицам). Такие предприятия и объединения являются самостоятельными товаровладельцами («социалистическими товаропроизводителями») и даже обладают известной «триадой» правомочий на государственное имущество (о чем впервые говорил Закон о государственном предприятии).

Но они — не собственники (вопреки иногда встречающимся в научной литературе утверждениям), а в лучшем случае — «хозяева общенародной собственности», имеющие, хотя и весьма широкие, но далеко не безграничные возможности ее использования. Они — **законные владельцы**

государственного имущества, обладающие особым вещным правом на него.

И такое право возникает не только у государственных организаций (и не только в силу эгоистических интересов административно-бюрократического аппарата управления). В силу п. 3 ст. 7 Закона о кооперации кооперативы становятся собственниками имущества создаваемых ими предприятий и организаций.

Например, преобразованный в кооператив Московский завод низковольтной аппаратуры, как сообщалось в печати, приобрел у Минэлектротехпрома СССР за 3 млн. руб. обанкротившийся завод электромашинных усилителей в г. Поти (см.: Московская правда. 1988. 11 дек.). Если потийский завод остался самостоятельным юридическим лицом, а собственником его имущества стал московский кооператив, то у самого завода, очевидно, и должно возникнуть особое вещное право на имущество. Аналогичным образом обстоит дело и с созданием так называемых дочерних предприятий.

Чем же вещные права отличаются от права собственности, каковы их основные черты? Во-первых, речь идет о правах на чужое имущество, уже присвоенное собственником. Следовательно, такие права не могут равняться правам собственника, совпадать с ними полностью, а всегда являются **ограниченными** по содержанию, прежде всего волей самого собственника, либо прямыми предписаниями закона. Значит, осуществление этих прав, в отличие от права собственности, происходит не по усмотрению их владельца (во всяком случае, не только по его усмотрению), но и в пределах, установленных собственником (и законом).

Во-вторых, вещные права возникают либо по воле самого собственника (по договору с владельцем), либо по прямому указанию закона (например, права сервитутного типа, связанные с необходимостью ограниченного использования чужого имущества для реализации собственных прав).

Пункт 3 ст. 1 Закона о собственности предусматривает теперь возможность возложить на собственника «обязанность допустить ограниченное пользование его имуществом другими лицами» «в случаях, на условиях и в пределах, предусмотренных законом».

При всех вариантах важно, что вещные права **производны, зависимы** от прав собственности в том смысле, что они не должны существовать в отсутствие права собствен-

ности на имущество. В зависимости от условий договора с собственником либо от предписаний закона вещные права могут сохраняться и при смене собственника имущества (т. е. как бы «обременять» само имущество) либо прекращать существование в этом случае, будучи связаны с личностью их владельца (такое деление сервитутов знало еще римское право). Но они **сосуществуют** с правом собственности, и их содержание (объем) определяется относительно содержания прав собственника (как известное ограничение последних).

В-третьих, что особенно важно, вещные права защищаются в **абсолютном порядке**, против всех и каждого (всех третьих лиц), в том числе и **против самого собственника**. (Собственник вправе требовать защиты лишь от действий владельца, вышедшего за пределы предоставленных ему прав, например, вознамерившегося без согласия собственника продать предоставленное ему в пользование имущество.)

Такой **абсолютный характер** вещных прав (с точки зрения их защиты его можно даже назвать «**исключительным**», ибо он действительно позволяет исключить хозяйственное воздействие на предоставленное владельцу имущество со стороны любых третьих лиц) сближает их с правом собственности.

Что касается содержания конкретных вещных прав, то оно может складываться как из всей «триады» правомочий, одноименных правомочиям собственника, так и состоять из отдельных ее частей. Однако ограниченный характер этих прав не позволяет им ни в одном из случаев совпадать с правомочиями собственника.

Таким образом, **ограниченные вещные права можно определить как абсолютные правомочия по владению, пользованию или распоряжению чужим имуществом, производные от прав собственника и возникшие по его воле (либо по прямому указанию закона), имеющие ограниченное по сравнению с правом собственности содержание, но защищаемые законом наравне с ним.**

Система иных (ограниченных) вещных прав. Новое законодательство закрепляет разнообразные вещные права, которые можно классифицировать по основаниям возникновения, содержанию, объектам, целевому назначению. На первое место здесь, несомненно, выдвигается группа вещных прав юридических лиц, не являющихся собственниками закрепленного за ними имущества.

Ядро данной группы составляют права государствен-

ных организаций, Закон о собственности пошел по пути дифференциации прав государственных предприятий, осуществляющих хозяйственную деятельность, и госбюджетных учреждений, деятельность которых, по общему правилу, носит иной характер.

Соответственно они наделены различной степенью самостоятельности в использовании государственного имущества (включая и ответственность по их обязательствам). Государственным производственным предприятиям ст. 24 Закона о собственности предоставляет право **полного хозяйственного ведения**, а государственные учреждения ст. 26 наделяет более ограниченным **правом оперативного управления** государственным имуществом.

С учетом того, что общественные организации также создают предприятия и учреждения (самостоятельные юридические лица), оставаясь их собственниками (п. 1 ст. 17 Закона о собственности), категории права полного хозяйственного ведения и права оперативного управления должны быть применимы и к использованию их имущества (это подтверждает и прежняя практика использования института оперативного управления, распространившего действие на все виды социалистической собственности в ее традиционном понимании).

Как уже отмечалось, данные категории должны найти применение и в использовании кооперативной и других форм коллективной собственности (например, для квалификации прав на имущество «дочерних предприятий»), а также собственности граждан.

К этому следует добавить, что п. 1 ст. 18 Основ законодательства об аренде предоставил **арендному предприятию** такие правомочия на арендованное имущество («право продавать, обменивать, сдавать в субаренду, предоставлять бесплатно во временное пользование либо займы материальные ценности, входящие в состав арендованного имущества» без согласия собственника-арендодателя, «самостоятельно вносить изменения в состав арендованного имущества» и т. д.), которые далеко выходят за рамки прав обычного нанимателя. По сути они составляют особое **вещное право арендного предприятия**, близкое к праву полного хозяйственного ведения (но не тождественное ему).

В результате можно констатировать, что право полного хозяйственного ведения, право оперативного управления и право арендного предприятия (на арендованное государственное или коллективное имущество) в совокуп-

ности составляют целую однородную группу (институт) вещных прав — **права юридических лиц на хозяйствование с имуществом собственника.**

Вторую группу вещных прав составляют **права на использование земли** (и других природных ресурсов), которые в силу фактического отсутствия права собственности на эти объекты могут носить только ограниченный характер.

К ним в соответствии с правилами Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле относятся: 1) **право пожизненного наследуемого владения**, предоставляемое **гражданам** для сельскохозяйственных или строительных нужд (ч. 1 ст. 5, ст. 20; ч. 1 ст. 25 названных Основ, п. 4 ст. 6 Закона о собственности); 2) **право постоянного или временного пользования**, предоставляемое **гражданам** для установленных законом целей (ч. 1 ст. 6, ст.ст. 21 и 22 Основ); 3) **право постоянного владения землей**, предоставляемое **юридическим лицам** для ведения сельского и лесного хозяйства (ч. 3 ст. 5 Основ); 4) **право постоянного или временного пользования**, предоставляемое также **юридическим лицам**, но не занимающимся сельским хозяйством (ч. 1 ст. 6 Основ).

При этом первое и третье из перечисленных прав объединяются понятием **права землевладения** (ст. 16 Основ о земле), а второе и четвертое — категорией **права землепользования** (ст. 17 Основ о земле), более узкой по содержанию.

В соответствии со ст. 7 Основ законодательства о земле допускается **аренда** (временное пользование) земли **как гражданами, так и юридическими лицами.** Причем арендаторы «по согласованию сторон» могут стать и землевладельцами (ч. 4 ст. 7 Основ о земле), т. е. получить не обязательственное, а вещное право (тем более, что на их отношения с арендодателем в силу ч. 6 ст. 7 данных Основ распространяют действие и Основы законодательства об аренде, тоже предусматривающие аналогичные возможности). Таким образом, может возникнуть еще одно **вещное право арендатора-землевладельца.**

Наконец, в силу п. 2 ст. 27 Основ законодательства об аренде отдельные **граждане** как арендаторы получают **право застройки** арендованного земельного участка с возможностью получать право собственности на возведенные на арендованном участке строения (давно известное, впрочем, еще римскому праву под названием «суперфиций»).

Третья группа вещных прав обозначена самим Зако-

ном о собственности как «**право ограниченного пользования**» имуществом собственника (п. 3 ст. 1).

Эти права сервитутного типа прямо не урегулированы новым Законом (их регламентация может последовать в республиканском законодательстве). Тем не менее, их самостоятельной разновидностью можно считать **право пользования** (в первоначальных вариантах проекта Закона о собственности оно именовалось «**правом личного пользования**»), установленное для членов кооперативов в отношении помещений или строений, находящихся в кооперативной собственности до момента полного внесения гражданами паевого взноса (п. 2 ст. 7).

Думается, что есть все основания для распространения режима **права личного пользования граждан** (как особого вещного права) на предоставленные им жилые помещения в домах государственного и общественного жилого фонда. Оно будет в большей мере, чем обязательственное право (по договору жилищного найма), способствовать устойчивости жилищных правоотношений и защите интересов граждан-наимателей (тем более, что предоставляемые жилищным законодательством гарантии интересов граждан в целом вполне соответствуют такому подходу).

В заключение следует отметить, что историческая практика доказала целесообразность существования вещных прав, предоставляющих юридические гарантии полноценного удовлетворения интересов и потребностей многих лиц (отнюдь не только собственников), в том числе, когда дело касается таких объективно ограниченных объектов, как земельные участки. Следует приветствовать возвращение нашего законодательства к этому испытанному многовековой практикой юридическому инструментарию. Осмысление теоретического содержания и практических возможностей этого института становится важной научной задачей.

При этом необходимо иметь в виду, что новое советское законодательство пошло здесь гораздо дальше, чем дореволюционное русское законодательство и близкая к нему германская законодательная система (принятая в Германии, Австрии, Швейцарии). По традиции к вещным правам, наряду с правом собственности, было принято относить сервитуты (вещные обременения, главным образом касающиеся земельных участков), залог (включая ипотеку — залог недвижимости) и право владения (как всякую возможность «фактического господства» лица над вещью —

§ 854 Германского гражданского уложения 1896 г., § 919 Швейцарского гражданского кодекса 1907 г.).

В отличие от этого, Законы о собственности в СССР и в РСФСР в качестве основных вещных прав установили целую группу вещных прав юридических лиц на хозяйствование с имуществом собственников. Что касается залога, то он по-прежнему рассматривается советским законодательством как способ обеспечения исполнения обязательств, а не в качестве особого права вещного характера. Открытым пока остается и вопрос о возможности признания владения самостоятельным правом, а не одним из правомочий (собственника, субъекта иного вещного права или стороны по договору, например, аренды или хранения).

Иначе говоря, конструкция вещного права, родившаяся на базе признания законом возможности использования чужой земли или иной недвижимости, использована теперь нашим законодателем прежде всего для квалификации имущественных прав предприятия или учреждения, принадлежащих собственнику (чаще всего — государству), но вполне самостоятельно участвующих в гражданском обороте в качестве юридических лиц. В Основах гражданского законодательства 1991 года характер прав предприятия на используемое им имущество собственника дан даже в качестве одного из критериев систематизации юридических лиц по видам.

ЛИТЕРАТУРА:

Братусь С. Н. Государственная собственность и имущественные права предприятий//Хозяйство и право. 1989. № 8. С. 97—106.

Грибанов В. П., Суханов Е. А. Правовые формы реализации отношений собственности//Вестник Московского университета. Право. 1989. № 4. С. 40—50.

Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. С. 48—79.

Суханов Е. А. Закон о собственности в СССР//Вестник Московского университета. Право. 1990. № 5. С. 38—49.

1. Общепародная собственность и ее формы

Содержание общепародной собственности. Традиционно в теоретической литературе и законодательстве государственная и общепародная собственность отождествлялись, рассматривались как равнозначные понятия. Это положение было прямо закреплено в ч. 1 ст. 10 Конституции СССР 1977 г. и в ст. 20 Основ гражданского законодательства (в редакции 1981 г.). Однако трактовка государственной собственности как «общего достояния всего советского народа» была не только абстрактной декларацией; она основывалась на смешении экономических и юридических отношений и их субъектов.

В этом подходе под **общепародной собственностью** понимались **экономические** отношения присвоения (принадлежности) материальных благ, прежде всего основных средств производства, всему народу в целом, т. е. своеобразная высшая форма коллективного присвоения (собственности в экономическом смысле). Под **государственной собственностью** понимались **правоотношения**, оформляющие и закрепляющие принадлежность этих материальных благ государству как реальному представителю общепародного коллектива-собственника в конкретных имущественных отношениях (по существу **право** собственности). Но экономические и правовые отношения собственности не совпадают, как и народ (общество) и государство в качестве их субъектов.

Уже из этого видно, какое значение приобретает четкое разграничение экономических отношений собственности и их правовых форм применительно к государственной собственности, пока сохраняющей фактическое господство в экономике нашего общества. Поэтому и ее анализ необходимо начать с выяснения экономической стороны вопроса.

Известно, что К. Маркс усматривал «самую глубокую

тайну, скрытую основу всего общественного строя» во взаимоотношении собственников условий производства и непосредственных производителей. Предполагалось, что в условиях обобществления основных средств производства трудящиеся одновременно выступают и как производители, и как собственники, «совладельцы» этого имущества (предпосылок и результатов производства), и никакой «скрытой основы», «тайны» больше не существует. Организационной формой этого «коллективного владения» самих производителей должно было стать новое, пролетарское государство, «каковым являются вооруженные рабочие» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101).

Однако каждый из производителей и даже их коллектив не может считаться единственным собственником условий производства, в том числе и тех, которые он непосредственно использует в процессе труда, а лишь их «совладельцем» вместе со всеми другими трудящимися. Значит, должна складываться специальная система отношений, с помощью которых «совладельцы» объединяются в единого, «высшего собственника», а этот собственник (государство), представляя их общие интересы, вступает в непосредственные отношения с каждым из производителей и их коллективами, а также с другими собственниками.

Таким образом, как уже показано в нашей теоретической литературе (А. П. Бутенко), любой отдельный «совладелец» не может самостоятельно, независимо от других «совладельцев» осуществлять функции собственника условий производства: для этого необходима их общая, совокупная воля и особый механизм, выявляющий и централизующий ее (через посредство чиновников, идеологов, политиков), т. е. государство.

Ситуация еще более усложняется, когда речь заходит об «общенародном государстве» и соответственно — общенародном присвоении, отражающим интересы и участие в этих отношениях не только «непосредственных производителей» материальных благ, но и других слоев населения — служащих, нетрудоспособных, учащихся и т. д.

Отсюда можно сделать вывод, что отношения общественной (общенародной) собственности не могут быть представлены в виде простой схемы отношений «общество (народ) — собственник — все остальные — несобственники», ибо из этих «несобственников» и состоит само общество.

Общественная собственность (присвоение) — сложная система экономических отношений, многоуровневых, многообъектных, переплетающихся. Ее главным участником

(субъектом) является народ как единый собственник обобществленного имущества, но могут быть и другие участники — государство и государственные образования, органы государственного управления, трудовые коллективы, конкретные работники, различные слои и социальные группы, отдельные граждане как члены общенародного коллектива-собственника.

Из этого, между прочим, опять-таки вытекает, что все они, будучи участниками **экономических** отношений общенародной собственности, не обязательно должны быть признаны субъектами **права собственности** на общенародное имущество.

Ведь право собственности — не единственная правовая форма закрепления их положения в системе экономических отношений общенародной собственности; а само право государственной собственности — лишь одна из правовых форм реализации данных экономических отношений.

Государственная собственность как форма общенародного присвоения. Народ, отдельные слои и социальные группы не могут быть непосредственными участниками **правоотношений**. Их общие интересы в имущественных отношениях в большинстве случаев неизбежно представляют государство и его органы, и с этой точки зрения государственная собственность как принадлежность материальных благ конкретному субъекту — государству — может быть представлена в качестве **формы общенародного достояния**.

Государство и государственная собственность известны не только социализму, но и многим другим общественным формациям, и практически всегда государственное имущество так или иначе представляется национальным (общегосударственным) достоянием, а не личным имуществом руководителей государства или собственностью органов государственного управления.

С этой точки зрения полезно вспомнить правовое оформление национализации земли в первые годы Советской власти. Как известно, ленинский Декрет о земле от 26 октября 1917 г. был составлен на основе «Крестьянского наказа о земле», в котором, в частности, говорилось: «Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково: 1) Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля... отчуждается безвозмездно, обращается во всена-

родное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней» (СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3).

В принятом 6 февраля 1918 г. Декрете «О социализации земли» (ст. 1) устанавливалось, что «всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы... отменяется навсегда» (СУ РСФСР. 1918. № 25. Ст. 346). Наконец, в ст. 1 Положения о социалистическом землеустройстве от 14 февраля 1919 г. было определено, что «вся земля... считается единым государственным фондом» (СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43).

В теоретической литературе весь этот процесс однозначно трактовался как «**национализация**», т. е. обращение имущества в **собственность государства** (см.: Новицкий И. Б. История советского гражданского права. М., 1957. С. 32—35, 45).

Устранение права частной собственности на землю приравнивалось к ликвидации всех других форм земельной собственности, существовавших ранее («государственной, удельной, кабинетской, монастырской, церковной, посессионной, майоратной, частновладельческой, общественной, крестьянской и т. д.»), и переходу ее во «всемирное достояние», составившее «единый государственный фонд». Государственная собственность тем самым фактически рассматривалась как **общенациональная**.

Из этого следует, что государственная собственность может рассматриваться не как правовая, а как **экономическая** категория — синоним общественного (общенародного, общенационального) присвоения. Именно в таком качестве она выступает и в первых советских законах о земле, и частично — в новом Законе о собственности.

О **праве** государственной собственности речь должна идти в конкретных имущественных отношениях, где имущество государства противостоит имуществу других собственников, **обособлено** от них, а не применительно к сложной системе экономических отношений общенародной собственности (присвоения), участниками которых являются все члены общества, как «совладельцы» (в экономическом смысле) соответствующих материальных благ.

Вообще совпадение общественного (общенародного) и государственного присвоения как экономических категорий стало возможным, когда государство стало рассматриваться как главный выразитель интересов значительной части общества или даже общества в целом, будучи при этом основным обладателем средств производства. Если же государство не рассматривать в таком качестве, де-

лая упор не на совпадение, а на различие интересов государства и общества, тогда государственная собственность становится присвоением имущества централизованным бюрократическим аппаратом, по сути ничего общего не имеющим с общенародным присвоением. В этом смысле следует говорить о государственной собственности как разновидности **коллективной**, а не общественной собственности.

Думается, однако, что исходя из реальностей нашего социально-экономического строя, государственную собственность правильнее рассматривать как **основную форму общенародного присвоения**.

В. И. Ленин прямо говорил о том, что «задача социализма — переход всех средств производства в собственность всего народа, а вовсе не в том, чтобы суда перешли к судовым рабочим, банки — к банковским служащим... Мы задачу, цель социализма видим в том, чтобы превратить землю, предприятия в собственность Советской республики» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 411).

Очевидно, не случайно здесь В. И. Ленин отождествлял «собственность всего народа» и «собственность Советской республики», рассматривая их не как идеологический штамп, а как реальные экономические категории.

Ясно, что в его понимании собственником становился народ, организованный в государство, а не отдельные категории (слои, группы) трудящихся — «судовые рабочие», «банковские служащие» и т. д., которые помимо общей для всех организации — государства — не могли бы стать собственниками отдельных частей общенародного имущества. Иной подход вообще лишил бы смысла понятие общенародной собственности, сводя все основные отношения собственности к тем или иным разновидностям коллективной (групповой) собственности.

Непосредственное общенародное достояние как форма общенародного присвоения. Тем не менее, весьма опасная и в известном смысле объективная тенденция к бюрократизации государственной собственности, фактическому превращению ее в собственность госаппарата, несомненно, существует. Поэтому, в частности, новое советское законодательство о собственности пошло не только по пути демократизации управления государственной собственностью как общенародным достоянием, но и выделило **еще одну форму принадлежности материальных благ обществу (народу) в целом** — «неотъемлемое достояние народов» (ст. 20 Закона о собственности).

Категория всенародного, или национального, достояния давно известна нашему законодательству, использовавшему ее для обозначения правового режима земли и других природных ресурсов.

Ведь, строго говоря, упомянутый Декрет 1918 года, предусматривавший **социализацию**, а не национализацию земли, отменял «навсегда» **всякую** собственность на землю и другие природные ресурсы, в том числе, следовательно, и государственную (лишь год спустя все это было объявлено «единым государственным фондом»).

С этой точки зрения можно сказать, что общенародное, или общенациональное, достояние («достояние народов») представляет собой такой правовой режим определенных видов имущества, когда на них вообще отсутствует **чье-либо право** собственности, а имеются лишь **компетенция** тех или иных государственных органов по управлению (распоряжению) этим имуществом и правомочия, в том числе **вещные**, по **использованию** его отдельными лицами или коллективами (организациями).

Смысл выделения общенародного достояния (собственности) состоит здесь в запрете ее денационализации, приватизации, т. е. именно в исключении возможности его передачи в **чью-либо** собственность (и прежде всего — в коллективную или индивидуальную). Примечательно, что и в современном буржуазном гражданском праве есть понятие «публичной собственности», которая далеко не обязательно является государственной, но зато ни при каких условиях не может стать частной.

С учетом сказанного ранее о своеобразном правовом режиме земли и других природных ресурсов как объектов права собственности по Закону о собственности, они могут быть рассмотрены в качестве «общенационального» имущества, «**достояния народов**» (последнее понятие в этом случае приобретает вполне реальный экономический и юридический смысл).

Примечательно, что в ст.ст. 3 и 4 Основ законодательства о земле земля объявлена «народным достоянием», а Советы народных депутатов (государственные органы) получили «**правомочия по распоряжению**» (предоставлению и изъятию) земель. Как уже отмечалось, данный правовой режим может быть распространен и на памятники истории и культуры.

Таким образом, в наших условиях общенародная (общественная) собственность как сложная система экономических отношений принадлежности (присвоенности) ма-

териальных благ обществу (народу) в целом, проявляется прежде всего в опосредованной, непрямой форме государственного присвоения (государственной собственности), а также и в форме прямого, непосредственного общенародного достояния (достояния народов).

Первая из этих форм юридически закрепляется с помощью различных видов права государственной собственности, а вторая — с помощью категории «неотъемлемого достояния народов», т. е. исключения возможности установления чьих-либо прав собственности и тем самым введения крайне ограниченных рамок для гражданского оборота этого имущества.

2. Право государственной собственности в СССР

Понятие права государственной собственности. Государственная собственность в экономическом смысле рассматривалась выше как форма общественного (общенародного) присвоения (поскольку лишь государство в известном смысле может отождествляться с организованным обществом). При этом под государством как представителем общенародных интересов следует понимать не любой государственный орган и не аппарат государственного управления, а систему представительных (демократических) государственных органов — Советов народных депутатов.

С учетом сложного национально-государственного устройства под государственной собственностью (в экономическом смысле) можно понимать принадлежность имущества народу в целом, либо народам (населению) отдельных союзных и автономных республик, других автономных и административно-территориальных образований в лице представительных органов государственной власти — Советов народных депутатов соответствующего уровня (п. 1 ст. 19 Закона о собственности).

С этой точки зрения право государственной собственности в объективном смысле представляет собой совокупность правовых норм, закрепляющих и охраняющих принадлежность материальных благ соответствующему народу (населению) в лице Совета народных депутатов (и устанавливающих порядок их приобретения, использования и отчуждения), а в субъективном смысле оно сводится к обычным правомочиям собственника, предусмотренным п. 2 ст. 1 Закона о собственности (и в этом аспекте ничем

не отличается от других разновидностей права собственности).

Для государства как крупнейшего собственника имущества, особенно средств производства, весьма важен порядок **управления** этим имуществом, включающий, в частности, порядок создания, реорганизации и прекращения государственных юридических лиц, наделение их соответствующим имуществом и контроль за его надлежащим использованием (особенно в форме бухгалтерского учета и статистической отчетности), а также экономико-правовые средства воздействия на хозяйственную деятельность государственных организаций (планирование, установление нормативов, ценообразование и т. д.). Во многих случаях этот порядок осуществляется с помощью издания органами государственного управления **нормативных актов**, что нехарактерно для большинства других, коллективных и индивидуальных собственников.

Вместе с тем роль надлежащей организации управления собственным имуществом велика для всех крупных собственников, в частности, для таких, как профсоюзы, другие массовые общественные организации, обладающие значительным имуществом. Все это привело к попыткам выделить для собственников еще одно — четвертое правомочие — управление имуществом, обособленное в одном из опубликованных проектов Закона о собственности.

Однако последующий анализ показал, что его содержание вполне укладывается в традиционные правомочия владения, пользования и распоряжения (не говоря уже о том, что такое дополнительное правомочие может иметь значение не для всех собственников и тем самым не вполне соответствовать условиям их полного юридического равенства).

Можно также вспомнить, что еще в 50-х годах ряд ученых, занимавшихся проблемами земельного права, предлагали аналогичные решения, которые подвергались обоснованной критике цивилистов. Уже тогда было указано, что речь идет не об особых правомочиях собственника-государства по управлению и контролю, а о специфических **формах осуществления** государством правомочий собственника (данное обстоятельство удачно отметил В. П. Грибанов. См.: Советское гражданское право. Т. I. М., 1959. С. 290—292). Названные соображения не утратили значимости до сих пор.

Думается, что указанная проблема возникла не только потому, что в наших условиях государство пока ос-

тается крупнейшим собственником, но и потому, что его право собственности сохраняет **всеобъемлющий характер**.

Это, во-первых, означает, что государство может иметь и имеет на праве собственности такие объекты, которых нет и не должно быть у других собственников (в том числе имущество, изъятое из оборота или ограниченное в обороте). Иными словами, в государственной собственности может находиться **любое** имущество, а некоторые виды имущества на праве собственности только и могут находиться у него (чего, конечно, нельзя сказать про всех других собственников).

Четко данное обстоятельство закреплено в ч. 2 ст. 35 эстонского закона о собственности, установившего, что «в собственности Эстонской Республики может находиться всякое иное имущество, необходимое для государственного обеспечения социального и экономического развития Эстонской Республики».

Наиболее типичным примером здесь являются земля и другие природные ресурсы. Так, законодательство прибалтийских республик, в отличие от общесоюзного, прямо закрепило право исключительной собственности этих республик на землю, недра и другие природные ресурсы. (В Литве в противоречие со ст.ст. 13 и 16 Закона от 18 мая 1989 г. об основах экономической самостоятельности Литовской ССР принятым 4 июля 1989 г. Законом о крестьянском хозяйстве в Литовской ССР была допущена собственность этого хозяйства на землю без права «купли, продажи, сдачи внаем и под заклад» (см. ст. 5 данного Закона и ч. 3 ст. 13 Конституции Литовской ССР в редакции от 4 июля 1989 г.//Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской ССР. 1989. № 20. Ст.ст. 242, 244), что, очевидно, не меняет сути дела.)

Правда, в настоящее время высказываются мнения о необходимости прямого законодательного ограничения участия государства в хозяйственных отношениях путем закрепления достаточно ограниченного перечня объектов государственной собственности (с тем, чтобы иное имущество, находящееся или включаемое в государственную собственность, подлежало бы принудительной денационализации или приватизации). Но и в случае их признания (республиканскими законами о собственности) такие по сути чисто количественные ограничения не приведут к утрате государственной собственностью всеобъемлющего характера в смысле возможности иметь в ней **любое** имущество.

Во-вторых, государство может приобретать имущество такими способами, которых лишены другие собственники. К числу подобных способов следует отнести: налоги, пошлины, штрафы, сборы и тому подобные платежи; реквизицию и конфискацию (см. п. 2 ст. 33 Закона о собственности, ст. 149 ГК РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик); неостребованные находки (ч. 2 ст. 145 ГК РСФСР), бесхозяйное (не имеющее собственника) или бесхозяйственно содержащееся имущество (ст.ст. 141, 142, 143 ГК РСФСР), безнадзорный скот, содержащийся в совхозе (ч. 4 ст. 147 ГК РСФСР), а также клады (ст. 148 ГК РСФСР). Перечисленные способы могут стать основанием возникновения права собственности только у государства.

Наконец, в-третьих, государство как политический суверен на уровне Союза и республик, в том числе и автономных (по крайней мере, в регламентации отношений собственности, как прямо предусмотрено п. 2 ст. 2 Закона о собственности), своими законодательными актами само для себя устанавливает пределы прав собственника (как известно, «установленные законом»).

Это не означает, что его полномочия безграничны. Суверенному государству никто, кроме него самого, не может устанавливать границы его полномочий. Но, как отметил Ю. К. Толстой, государство, установив эти пределы, подчиняет свою деятельность им же установленному праву (см.: Толстой Ю. К. Понятие права собственности. — В кн.: Проблемы гражданского и административного права. Л., 1962. С. 196).

Все сказанное говорит об особом характере права государственной собственности, выделяющем его из других разновидностей этого права. Как же в таких условиях можно говорить о равенстве всех форм собственности?

Прежде всего, надо отметить, что в силу закона государство обязано создавать условия для развития разнообразных форм собственности (п. 5 ст. 4 Закона о собственности); хотя о равенстве данных условий прямо говорится лишь применительно к защите права собственности (п. 3 ст. 31 Закона о собственности). Государство как политический суверен и не может быть уравнено в правовом положении с другими субъектами права.

Но в имущественных отношениях, где собственники противостоят друг другу в качестве товаровладельцев, такое равенство непременно должно существовать и в отношении государственной собственности, иначе она про-

сто исключается из товарного оборота и тогда по сути перестает функционировать как собственность. Значит, в этих отношениях государство должно выступать уже не в качестве политического суверена, а как равноправный собственник, участник товарообмена.

Как же узнать, когда государство, будь то Союз ССР, республики или автономии, выступает в качестве политического суверена, а когда — в качестве обычного товаровладельца? Ответ на названный вопрос дает определение субъекта права государственной собственности и связанной с этим проблемы участия государства как такового в гражданских правоотношениях.

Субъекты права государственной собственности. Определение данного понятия в нашем законодательстве и в теоретической литературе долгое время было неудовлетворительным. Ведь категория «государство» в условиях нашего сложного национально-территориального устройства была слишком абстрактной и могла практически применяться лишь при полном фактическом забвении его федеративного характера.

Такая «потеря» конкретного субъекта (зачастую подразумевавшая «подмену» Союзом ССР союзных и автономных республик), в свою очередь, нередко оборачивалась фактической заменой «государства» его органами (министерствами, ведомствами, исполкомами и т. д.). Лишь на XXVII съезде КПСС впервые за долгие годы было прямо заявлено, что «министерства и ведомства, территориальные органы — не собственники средств производства, а лишь институты государственного управления...» (Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 40).

В Законе о собственности сделаны радикальные шаги по кардинальному изменению такого положения. Государственная собственность теперь будет представлена имуществом, принадлежащим на праве собственности Союзу ССР (общесоюзная собственность), союзным, автономным республикам и автономным образованиям («республиканская» собственность), а также административно-территориальным образованиям (коммунальная собственность).

Следовательно, она характеризуется множественностью субъектов. Признание «государства» единым и единственным собственником всего государственного имущества (и связанный с этим принцип «единства фонда» государственной собственности) сохраняет значение лишь на соответствующем «уровне» государственного устройства (об-

щесоюзном, республиканском или «автономном», «коммунальном»).

В экономическом смысле субъектом государственной собственности является соответствующий народ (народы, население), а **в юридическом** — действующие от его имени (и избранные им) представительные органы — **Советы народных депутатов того или иного уровня** (п. 1 ст. 19 Закона о собственности).

При этом закон подчеркивает, что Советы как юридические собственники государственного имущества действуют **«от имени народа»** и потому осуществляют «распоряжение и управление» данным имуществом, а не обычную триаду правомочий собственника (тем более, что в конкретных имущественных отношениях чаще всего участвуют даже не сами Советы, а «уполномоченные ими» (а не народом!) государственные органы. Эти последние тоже осуществляют «распоряжение и управление» государственной собственностью, не будучи собственниками ни в юридическом, ни, тем более, в экономическом смысле.

Но Советы народных депутатов, будучи юридическими собственниками (т. е. субъектами права собственности) государственного имущества, непосредственно не участвуют и не должны участвовать в хозяйственных отношениях (во всяком случае, сказанное в большей мере относится к Верховным Советам и в меньшей — к местным). Для этого они создают органы государственного управления («уполномоченные» ими на ведение определенной, но прежде всего — управленческой, а не хозяйственной, коммерческой деятельности); далее — создают (в том числе и через посредство указанных органов) самостоятельные юридические лица, наделяя их государственным имуществом на праве полного хозяйственного ведения или на праве оперативного управления. Такие организации, оставаясь собственностью государства, тем не менее, хозяйствуют вполне самостоятельно, от своего имени и под собственную ответственность (кроме государственных учреждений, где возможна дополнительная ответственность собственника).

Кроме того, в собственности государства остается **«нераспределенное имущество»** (например, конфискованное, бесхозяйное и тому подобное, которое подлежит реализации в соответствии с действующим Положением о порядке учета, оценки и реализации конфискованного, бесхозяйного имущества, имущества, перешедшего по праву наследования к государству, и кладов, утвержденным по-

становлением Совета Министров СССР от 29 июня 1984 г. № 683//СП СССР. 1984. Отд. 1. № 24. Ст. 127).

Государство выпускает ценные бумаги (облигации, казначейские обязательства и др.), принимая на себя тем самым соответствующие финансовые обязательства. Государство как собственник может участвовать и в других гражданских правоотношениях, а также выступать в качестве истца и ответчика в суде и арбитраже. Вряд ли целесообразно во всех этих и иных случаях привлекать к участию в соответствующих правоотношениях непосредственно Советы народных депутатов того или иного уровня.

Для участия в такого рода имущественных отношениях государство давно прибегало к созданию специального государственного органа — **казны** (Государственного казначейства), которая и становилась, по образному выражению крупнейшего дореволюционного цивилиста Г. Ф. Шершеневича, «хозяйственным лицом государства», т. е. его полномочным представителем в гражданском обороте. Именно казна (казначейство) как самостоятельное юридическое лицо (или особый субъект права, *sui generis* — особого рода) и является равноправным участником правоотношений, действуя в них наравне с другими собственниками и в этом смысле сохраняя принцип равенства прав различных собственников.

Строго говоря, понятие «казна» должно охватывать имущество в натуре («нераспределенное» между государственными юридическими лицами, а также поступающие непосредственно в собственность государства налоги, сборы, пошлины и другие доходы), т. е. рассматриваться как объект права собственности государства, а «казначейство» — выступать как государственное учреждение, правомочное использовать «казну», т. е. в качестве субъекта гражданских правоотношений.

Идею воссоздания такого рода организации воспринял и Закон о собственности (понятие «казны» было известно даже ГК РСФСР 1922 г.). В пп. 2 и 3 ст. 24 Закона о собственности речь идет о «государственных органах, уполномоченных управлять государственным имуществом». Это — не министерства и ведомства узкоотраслевого характера, а именно созданные государственными образованиями (Союзом ССР, республиками и автономиями) единые органы, уполномоченные управлять имуществом, находящимся в той или иной государственной собст-

венности (в том числе и «нераспределенным» между государственными юридическими лицами).

В п. 7 постановления Верховного Совета СССР от 6 марта 1990 г. «О введении в действие Закона СССР «О собственности в СССР» Совету Министров СССР было поручено до 1 июля 1990 г. представить в Верховный Совет СССР «предложения о создании государственного органа, уполномоченного управлять имуществом, находящимся в общесоюзной собственности» (см.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 11. Ст. 165). Аналогичные органы, очевидно, должны быть созданы и в союзных и автономных республиках, а также в административно-территориальных образованиях — для коммунальной собственности.

До сих пор функцию представительства общегосударственных интересов в гражданских правоотношениях у нас, как известно, выполняло Министерство финансов СССР и его органы (до райфинотделов включительно). Данная централизованная система не соответствовала федеративному характеру нашего государства, да и общепринятому пониманию задач такого министерства.

Кроме того, речь при этом шла главным образом об управлении «нераспределенным» имуществом, либо о финансовых обязательствах государства как целого. Управляли иными видами (основной массой!) государственного имущества практически министерства и ведомства, реализовавшие прежде всего узкоотраслевые, а не общегосударственные интересы. Конечно, в условиях непомерного огосударствления экономики управление таким громадным имуществом и не могло бы осуществляться каким-либо одним органом.

В условиях разгосударствления народного хозяйства и значительного сокращения доли государственной собственности на основные средства производства, а также дифференциации самой государственной собственности на общесоюзную, республиканскую и коммунальную, отказ от ведомственной системы управления государственным имуществом и возврат к общепринятым формам ее организации получили объективную основу.

Необходимость создания на всех уровнях государственной собственности действительно общегосударственных органов, уполномоченных собственником управлять его имуществом (по типу существовавшего в дореволюционной России министерства государственных имуществ), ощущается достаточно остро.

Ведь эти органы, в частности, могли бы действительно от имени государства-собственника заключать договоры аренды государственного имущества с трудовыми коллективами госпредприятий, решать вопросы о передаче их в коллективную собственность и т. п., как это и предусматривалось Основами законодательства об аренде (ст. 4 данных Основ наделяет правами арендодателя «органы и организации, уполномоченные собственником сдавать имущество в аренду»).

Между тем их отсутствие позволило Совету Министров СССР в постановлении от 20 марта 1990 г. № 280 «О порядке сдачи предприятий (объединений) союзного подчинения и их имущества в аренду» (СП СССР, 1990. Отд. 1. № 10. Ст. 53) объявить арендодателями все те же «министерства, ведомства и другие органы государственного управления СССР, в непосредственном ведении которых находятся эти предприятия (объединения)».

Подобный шаг едва ли способствует развитию арендных отношений и, кроме того, может послужить не лучшим примером для республиканского законодательства.

Лишь 9 августа 1990 г. был принят Указ Президента СССР «Об образовании Фонда государственного имущества Союза ССР» (см.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 33. Ст. 633).

На указанный Фонд возложены защита имущественных прав и интересов государства (Союза ССР), контроль за эффективностью использования и сохранностью соответствующего имущества, а также реализация мер по разгосударствлению собственности Союза ССР, включая оценку стоимости общесоюзного имущества при его сдаче в аренду, распродаже или преобразовании в другие формы собственности.

В РСФСР для этих целей, как известно, создан Комитет по управлению государственным имуществом.

В этой связи примечательно, что в Эстонии еще до принятия общесоюзного Закона о собственности ст. 9 Закона о банках предусматривалось, что «при Банке Эстонии и Министерстве финансов Эстонской ССР действует служба государственного имущества, в исключительную компетенцию которой входит организация продажи, аренды или передачи акционерным обществам, другим юридическим и физическим лицам находящихся в государственной собственности предприятий, организаций и учреждений (или их частей), а также использования полученного от этого дохо-

да» (см.: Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР. 1989 г. № 41. Ст. 647). Такое решение представляется более последовательным и отвечающим характеру осуществляемых преобразований и перспективам участия «государственной казны» в имущественных отношениях.

Суммируя изложенное, следует сказать, что **юридическими собственниками** государственного имущества (субъектами права государственной собственности) следует считать **Верховные и местные Советы народных депутатов**, а их непосредственными, «законными» представителями (как собственником) в гражданских правоотношениях — специальные государственные органы, уполномоченные собственниками управлять имуществом, находящимся в соответствующей государственной собственности (общесоюзной, республиканской или коммунальной).

3. Формы права государственной собственности в СССР

Классификация форм права государственной собственности. В настоящее время право государственной собственности представлено в одной, а рядом разновидностей, имеет **множественность форм**.

Право государственной собственности, рассматриваемое как юридическое закрепление (форма) общенародного (общественного) присвоения, выступает в форме права собственности Союза ССР (**права общесоюзной собственности**), права собственности союзной республики, автономной республики, иного автономного образования (**права республиканской или национально-автономной собственности**) и права собственности края, области, района, другого административно-территориального образования (**права коммунальной собственности**).

Кроме того, допускается право собственности иностранных государств (на имущество, находящееся на территории СССР и необходимое для международных отношений, а не для коммерческой деятельности, — ст. 30 Закона о собственности).

Различие этих прав собственности заключается не в их содержании, не в объеме правомочий, а в **субъектах и объектах** соответствующих правоотношений собственности. Различие по субъектам основано на национально-государственном и административно-территориальном принципе,

в соответствии с которым собственником общесоюзного имущества следует считать Верховный Совет СССР; собственником республиканского имущества — Верховные Советы союзных и автономных республик, Советы народных депутатов иных автономных образований, а собственниками «коммунального имущества» — соответствующие местные Советы народных депутатов.

Важно и разграничение имущества этих собственников по объектам, поскольку в его состав могут входить однородные вещи, особенно имущественные комплексы (предприятия, сооружения, иные промышленные и другие хозяйственные объекты), находящиеся на одной и той же территории: ведь территория местных Советов входит в состав территории союзных или автономных республик (автономных образований), а те, в свою очередь, входят в состав Союза ССР (или союзных республик).

Подчеркивая различие имущества, входящего в состав различных видов государственной собственности, Закон о собственности устанавливает, что все субъекты права государственной собственности не отвечают по обязательствам друг друга, а несут самостоятельную имущественную ответственность собственным имуществом (ст. п. 3 ст. 19).

Более того, предусматривается даже возможность взаимной имущественной ответственности друг перед другом (но не друг за друга!) Союза ССР, союзных и автономных республик, в том числе в виде возмещения убытков (ст. 8 Закона СССР «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» от 10 апреля 1990 г. // Вестник Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 16. Ст. 270).

В состав имущества, относящегося к каждому из трех видов государственной собственности, Закон о собственности относит имущество соответствующих органов власти и управления; средства соответствующего бюджета; страховые, резервные и иные фонды; предприятия и народнохозяйственные комплексы; учреждения и объекты социально-культурной сферы; иное необходимое имущество (ст.ст. 21—23).

Предполагается, что в основу разграничения основной массы однородных имуществ положен экономический критерий — степень их реального, а не формального обобществления. Например, железнодорожный, воздушный, морской транспорт, космические системы и общесоюзные системы связи и информации отойдут к общесоюзной собственности, а жилищный фонд и жилищно-коммунальное

хозяйство, предприятия торговли и бытового обслуживания — в основном к коммунальной собственности.

Однако практическое разграничение конкретных видов имущества между различными субъектами права государственной собственности — дело весьма сложное. Поэтому постановление Верховного Совета СССР о введении в действие Закона о собственности в ст. 4 предусматривает некоторые общие принципы такого разграничения, а также устанавливает, что положения Закона о собственности, относящиеся к различным видам государственной собственности, вступают в силу «по мере разграничения имущества между указанными видами собственности», т. е. **постепенно**.

Так, между общесоюзной собственностью и собственностью союзных республик имущество должно быть разграничено Советом Министров СССР совместно с правительствами союзных республик до 1 июля 1991 г., т. е. в течение года после вступления в силу Закона о собственности, а между республиканской собственностью, собственностью автономных образований и административно-территориальных единиц будет разграничено на основании законодательных актов союзных и автономных республик (и в установленные ими сроки).

По существу, речь идет о непосредственном и необратимом **разделе имущества** фактически унитарного государства между национально-государственными и административно-территориальными образованиями. Это беспрецедентное в нашей истории экономико-правовое решение. После его реализации экономическую базу государственного единства должна составлять не единая, жестко централизованная государственная собственность, а **общесоюзный рынок**, на котором функционируют самостоятельные, коллективные и индивидуальные товаропроизводители, осуществляющие деятельность в условиях состязательности и равноправия всех форм собственности и строящие свои отношения с республиканскими и местными органами «на налоговой и договорной основе» (ст. 4 Закона СССР от 10 апреля 1990 г. «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик»).

Можно ли теперь говорить, что право государственной собственности, безотносительно к осуществляющим его субъектам (Союзу ССР, республикам, автономным и административно-территориальным образованиям), сохраня-

ет все присущие ему ранее особенности, и прежде всего — всеобъемлющий характер?

Если опираться на перечисленные ранее признаки, характеризующие специфику данной категории, то ответ должен быть положительным.

Применительно к правам Союза ССР, союзных и автономных республик, являющихся суверенными государствами, это вообще не должно вызывать никаких сомнений. Применительно же к праву коммунальной собственности уже в ходе обсуждения проекта Закона о собственности высказывались сомнения в обоснованности ее отнесения к разновидности права государственной собственности. Поэтому данная правовая форма нуждается в особом рассмотрении.

Право коммунальной собственности. Появление этой категории в нашем гражданском законодательстве нельзя считать абсолютно новым. Достаточно сослаться на то обстоятельство, что Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. в ст. 52, перечисляя различные виды собственности, прямо называл «государственную (национализированную и муниципализированную)» собственность.

Правда, в литературе национализация и муниципализация трактовались как «подвиды родового понятия обращения имущества в собственность государства: национализированным считается имущество, поступающее в ведение центральных органов власти, а муниципализированным — имущество, поступающее в ведение местных Советов» (Новицкий И. Б. История советского гражданского права. С. 45).

Однако уже из этого можно было бы сделать вывод о том, что право собственности местных (муниципальных) органов государства есть разновидность права государственной собственности.

По указанному пути пошло и законодательство прибалтийских республик, закрепившее еще до принятия общесоюзного Закона о собственности либо «муниципальную собственность» (ст. 16 эстонского закона об основах хозрасчета), либо «собственность местных Советов» (ст. 18 латвийского закона об экономической самостоятельности), либо, наконец, «государственную собственность, переданную в ведение местных органов власти» (ст. 14 литовского закона об основах экономической самостоятельности). При всех разночтениях и здесь речь идет о разновидности права государственной собственности. (В принятом позднее эстонском законе о собственности муниципаль-

ная собственность обособлена от государственной в самостоятельную форму собственности, субъектом которой объявлено «местное самоуправление» — ч. 1 ст. 2, ст. 30.)

Общесоюзное законодательство использовало иную терминологию для обозначения этих же отношений собственности. Под собственностью административно-территориальных образований (коммунальной собственностью) оно понимает принадлежность имущества населению данных образований (территорий) в лице соответствующих местных Советов народных депутатов (п. 1 ст. 19, ст. 23 Закона о собственности, ст. 10 Закона об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР). Как равнозначное данному используется также понятие «коммунальная собственность административно-территориальной единицы» (п. 2 ст. 9 Закона о местном самоуправлении).

Субъектами рассматриваемого права (собственниками) являются, таким образом, **местные Советы различных уровней** — сельские, поселковые, районные, городские, областные, краевые.

Законодательство не содержит каких-либо специальных ограничений для **объектов** права коммунальной собственности. Напротив, Закон об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства существенно расширил возможности участия местных Советов народных депутатов и «уполномоченных ими органов» в имущественных отношениях.

К коммунальной собственности теперь прямо отнесено имущество, создаваемое или приобретаемое местным Советом народных депутатов за счет принадлежащих ему средств (п. 2 ст. 10 Закона), в том числе, следовательно, за счет средств местного бюджета.

Источники же доходов местных бюджетов (ст. 17 Закона) не оставляют никаких сомнений в наличии специальных оснований возникновения права коммунальной собственности, аналогичных основаниям возникновения права государственной собственности (но не свойственных другим формам собственности).

Наличие у местных Советов специальных законодательных гарантий их имущественной самостоятельности, предусмотренных указанным Законом, позволяет утверждать, что и их право собственности носит особый, в известном смысле **всеобъемлющий характер**, во всяком случае, на их, **региональном, уровне** (поскольку это понятие те-

перь вообще применимо к различным «уровням» государственной собственности). Примечательно, что в ст. 31 эстонского Закона о собственности указано, что «муниципальной собственностью может быть любое имущество, необходимое для обеспечения социального и экономического развития административной единицы местного самоуправления», т. е. использована формулировка, аналогичная содержащейся в правилах этого же Закона об объектах государственной собственности (ч. 2 ст. 35).

Коммунальная, или муниципальная, собственность (терминология здесь в достаточной мере условна) может рассматриваться и как особая, самостоятельная разновидность права собственности, не относящаяся к государственной. Однако и при таком подходе не удастся найти и обосновать сколько-нибудь существенные отличия в их правовом режиме.

В любом случае коммунальная (муниципальная) собственность как бесспорная разновидность «публичной» собственности должна быть включена в общую с государственной группу прав собственности, противостоящих «частной» собственности граждан и юридических лиц (как это, например, установил Закон о собственности в РСФСР).

Закон о местном самоуправлении предусмотрел также наличие собственного имущества, в том числе «финансовых ресурсов», у **органов территориального общественного самоуправления** — советов микрорайонов, домовых, уличных и поселковых комитетов и тому подобных образований, входящих наряду с местными Советами в общую систему местного самоуправления (п. 1 ст. 2, ст. 21 Закона).

В ходе подготовки этого Закона были предприняты попытки (закрепленные в одном из его вариантов) объявить «собственность территориального самоуправления» совершенно самостоятельной разновидностью собственности (и соответственно — права собственности). К тому времени уже имелся опыт польского законодательства, установившего в 1988 г. «собственность территориального самоуправления» («коммунальное имущество»), которой, впрочем, как фактические собственники распоряжались местные народные Советы (ст. 1 Закона от 16 июня 1988 г. об изменении Конституции ПНР//Dziennik Ustaw. 1988. № 19. Poz. 129), а в Болгарии наряду с государственной была признана еще и «общинная собственность» (ч. 2 ст. 1 Указа Государственного Совета Болгарии от 9 ян-

варя 1989 г. № 56 о хозяйственной деятельности//Държавен вестник. 1989. Бр. 4).

Однако наш Закон о собственности прошел мимо этих попыток. А Закон о местном самоуправлении в п. 6 ст. 6 предоставил органам территориального общественного самоуправления права юридического лица, превратив тем самым находящееся у них на праве собственности имущество в объект **коллективной, а не государственной собственности**. Оно не входит в состав коммунальной собственности, а складывающиеся по поводу его присвоенности отношения не могут опосредоваться нормами о праве государственной собственности.

Право собственности иностранных государств. Эта разновидность права государственной собственности отличается от права собственности советских государств.

Право собственности иностранных государств на имущество, находящееся на территории СССР, признается нашим законом (ст. 30 Закона о собственности), но не носит всеобъемлющего характера. Его содержание и осуществление устанавливаются прежде всего международными соглашениями (договорами) и лишь во вторую очередь (в дополнительном, субсидиарном порядке) — национальным, советским гражданским законодательством.

Объекты их права собственности на территории СССР ограничены имуществом, необходимым для дипломатических, консульских и иных международных отношений, и в этом смысле носят **целевой характер**. Конкретный субъект права собственности в указанных случаях определяется международными соглашениями, либо национальным законодательством соответствующего государства.

В экономическом смысле собственность иностранных государств на территории СССР может находиться в составе **межгосударственной собственности** — собственности межгосударственных (международных) организаций, либо в собственности совместных предприятий с иностранным (государственным) участием. Однако **юридически** в обоих случаях речь идет о праве собственности отдельных, самостоятельных субъектов — международных организаций, либо совместных предприятий, пользующихся правами юридического лица. Следовательно, оно должно рассматриваться как разновидность не государственной, а **коллективной собственности**.

Следовательно, имущество иностранных государств, находящееся на территории СССР, получает особый правовой режим, отличный от режима имущества советского го-

сударства (Союза ССР, республик, национально-государственных и административно-территориальных образований). Разумеется, на него распространяется такая же правовая охрана, как и на имущество других собственников, находящихся на советской территории, и в этом смысле собственность иностранных государств тоже включается в систему равноправных форм собственности.

Вместе с тем следует отметить, что иностранные государства в качестве инвесторов (п. 2 ст. 2 и п. 1 ст. 4 Основ законодательства об инвестиционной деятельности в СССР// Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 51. Ст. 1109) могут создавать на территории СССР предприятия, приобретать имущество, включая различные ценные бумаги, права пользования землей и другие имущественные права. Создаваемые ими предприятия могут организовываться как на долевых началах с советскими юридическими лицами и гражданами (т. е. в качестве совместных предприятий), так и исключительно за счет иностранных капиталовложений (т. е. в качестве предприятий, в которых иностранные инвестиции составляют 100%). Эти возможности теперь прямо закреплены Указом Президента СССР от 26 октября 1990 г. «Об иностранных инвестициях в СССР» (Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 44. Ст. 944).

ЛИТЕРАТУРА:

Иванов А. А. Общее (народное) достояние и право государственной собственности//Правоведение. 1990. № 5.

Иконницкая И. Основы законодательства о земле//Хозяйство и право. 1990. № 6.

Мартемьянов В. Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР//Хозяйство и право. 1990. № 9.

Новицкий И. Б. История советского гражданского права. М., 1957. Гл.гл. II и III.

Голстой Ю. К. Понятие права собственности.— В кн.: Проблемы гражданского и административного права. Л., 1962.

Рубанов А. А. Эволюция права собственности в основных странах Запада: тенденции и перспективы//Сов. государство и право. 1987. № 4.

КОЛЛЕКТИВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ

(лекции 5—6)

1. Понятие и основные правовые формы коллективной собственности

Понятие коллективной собственности. Экономическое понятие коллективной собственности определяется достаточно просто — как принадлежность материальных благ (имущества) коллективу, организованной группе людей, т. е. коллективная, а не индивидуальная форма их присвоения.

Такой коллектив может быть и коллективом тружеников (работников), и коллективом совладельцев, не обязательно участвующих непосредственно в процессе производства (например, акционеров); он может быть как постоянным, так и временным, заниматься как производственной, так и чисто сбытовой (посреднической) деятельностью и т. д.

С данной точки зрения и общественная (общенародная) собственность может рассматриваться в качестве высшей формы коллективной собственности.

Однако этот достаточно ясный, на первый взгляд, вопрос весьма запутан в экономической литературе. Основываясь на необходимости разгосударствления экономики и ликвидации отчужденности работника от результатов его труда в рамках отношений государственной собственности, ряд ученых начали усиленно подчеркивать преимущества коллективной собственности, усматривая их главным образом в возможности объявления каждого члена коллектива «совладельцем», «сохозяином» их общего имущества.

Считается, что в коллективной собственности каждый участник имеет свою «долю», позволяющую ему получать пропорциональную часть общего дохода и совместно с другими участниками распоряжаться, управлять общим имуществом. «Ведь коллективная собственность предполагает групповое присвоение. И лишь в условиях такого присвоения трудовой коллектив, каждый работник в состоянии материализовать свое положение хозяина производства», —

указывает один из основоположников концепции «арендного подряда» В. М. Рутгайзер (Рутгайзер В. Коллективная собственность//Эконом. газ. 1989. № 27. С. 4).

Он считает, что на коллективном предприятии «правом распоряжения собственностью станут обладать все работники завода как члены общего коллектива», причем «каждый член коллектива имеет одинаковую с другими работниками долю в выкупленном имуществе завода» (там же).

Соответственно этому говорится о том, что «особое значение имеют арендные отношения, акционерные отношения и вообще долевые, паевые отношения, которые позволяют соединить общественное, коллективное и личное присвоение средств, каждому человеку и коллективу реально стать собственником общих средств и иметь в этих средствах свою прямую, непосредственную долю» (Никифоров Л. Акционерные отношения: сущность, содержание, форма//Вопросы экономики. 1989. № 1. С. 59).

Парадокс состоит в том, что в коллективных, групповых отношениях собственности подчеркивается их индивидуальная сторона, или, по крайней мере, возможность ее учета. Но тогда индивидуальные формы присвоения оказываются более эффективными, чем коллективные.

С другой стороны, если собственник — коллектив, то, значит, его отдельные участники как таковые (не в совокупности) — не собственники, и, следовательно, по-прежнему отчуждены от общего имущества.

Поэтому некоторые экономисты считают, что «главное отличительное свойство коллективной собственности — ее цельность, единство, неделимость... Она должна принадлежать всему коллективу в целом без выделения пая, доли отдельных лиц, иначе потеряется коллективный характер и собственность превратится в кооперативную... В этом случае мы будем иметь дело не с коллективной, а с коллективно-индивидуальной собственностью» (Райзберг Б., Заставенко Е., Головки Е. Парадоксы и контрасты коллективной собственности//Эконом. газ. 1989. № 47. С. 20).

Выйти из этих логических противоречий можно, только учитывая правовую сторону рассматриваемых отношений, т. е. юридически четко определив **субъектов** отношений коллективной собственности, поскольку «коллектив» — достаточно широкое понятие.

Во-первых, речь здесь может идти о должным образом организованном коллективе, пользующемся правами **юридического лица**. Тогда именно юридическое лицо как целое

(но не его работники) становится единым и единственным собственником принадлежащего ему «коллективного» имущества. (Следует напомнить, что юридическое лицо — не простая совокупность лиц, а новое, самостоятельное организационное образование, и в этом качестве само может, например, вступать в правоотношения с собственными работниками, а также всегда обладает имуществом, обособленным от имущества его участников.)

Кроме того, юридические лица как самостоятельные субъекты правоотношений могут создавать новых юридических лиц, в том числе и собственников, например, путем добровольного объединения всего своего имущества или той или иной его части с имуществом других юридических лиц. Иными словами, «коллектив» могут составлять не только отдельные люди (граждане), но и организации (юридические лица).

Во-вторых, как граждане, так и организации могут объединить какое-то имущество, **не создавая нового субъекта права** (юридическое лицо), а управляя имуществом по взаимному согласию. В таком случае каждый из них действительно сохраняет в собственности свою долю (а точнее — общее право собственности на объединенное имущество делится между участниками пропорционально их вкладам, и соответственно они несут все доходы и убытки от совместной деятельности). При этом возникают юридические отношения **общей (долевой или совместной) собственности** на имущество участников.

В отличие от права собственности юридического лица, характеризующегося **единством субъекта** присвоения, для общей собственности характерна **множественность субъектов** присвоения, т. е. наличие нескольких субъектов у одного права собственности на объединенное имущество участников. По общим обязательствам участники отвечают всем своим имуществом (а не только объединенным), хотя обычно пропорционально их вкладам (долям). Для юридического лица такое положение, напротив, возможно лишь по специальному указанию закона (когда, например, члены производственного кооператива отвечают по его долгам личным имуществом в соответствии со ст. 43 Закона о кооперации).

Таким образом, **юридически** экономические отношения коллективной собственности выражаются в **праве собственности юридических лиц** и в **праве общей собственности**.

Это обстоятельство отражено и в ст. 4 Закона о собственности. Пункт 2 этой статьи допускает объединение

имущества, находящегося в собственности граждан, юридических лиц и государства, «и образование на этой основе смешанных форм собственности», а п. 4 — возможность принадлежности имущества одновременно нескольким лицам, независимо от формы собственности.

В первом случае речь идет об экономических отношениях «смешанной собственности», т. е. об объединении имущества нескольких разных собственников в коллективную по сути («смешанную») собственность, а во втором — об одной из возможных юридических форм такого объединения (другая форма — собственность юридических лиц — закреплена в п. 2 ст. 10 Закона о собственности).

Правовые формы коллективной собственности. Коллективная собственность является экономическим понятием (категорией), воплощающимся прежде всего в праве собственности отдельных юридических лиц, а также в праве общей собственности.

Отдельные юридические лица всегда обладают обособленным имуществом, но далеко не всегда это имущество принадлежит им на праве собственности. Выше уже отмечалась возможность принадлежности имущества субъектам права, в том числе и юридическим лицам, в рамках многообразных вещных прав, в первую очередь — на праве полного хозяйственного ведения или на праве оперативного управления.

Данное обстоятельство важно иметь в виду, когда отношения коллективной собственности (присвоения) возникают путем создания несколькими лицами (гражданами или организациями) нового юридического лица. В таком случае сами учредители должны решить, каким правом на передаваемое ему имущество участников будет обладать новый субъект права.

Правда, некоторые организационные образования могут функционировать **только как собственники** имеющегося у них имущества (например, акционерные общества, хозяйственные товарищества, кооперативы), а для других вопросов решен законодателем.

Так, хозяйственные ассоциации (объединения нескольких юридических лиц) п. 1 ст. 16 Закона о собственности объявлены собственниками добровольно переданного им имущества участников (в том числе, следовательно, и такого, в отношении которого сами участники имели не право собственности, а лишь право полного хозяйственного ведения). С другой стороны, кооперативы всегда остаются собственниками имущества создаваемых ими предприятий

и организаций (п. 3 ст. 7 Закона о кооперации, ср. ч. 1 ст. 24 и ч. 1 ст. 25 эстонского Закона о собственности) и, следовательно, могут передать им лишь ограниченное вещное право на свое имущество.

Так или иначе, иные (кроме права собственности) вещные права также должны рассматриваться в качестве одной из правовых форм реализации экономических отношений коллективной собственности. В конечном счете выявляются три правовые формы функционирования коллективной собственности как экономической категории: право собственности юридических лиц, право общей собственности, иные вещные права юридических лиц. (В этом качестве, очевидно, не могут выступать вещные права отдельных граждан, опосредующие индивидуальные, а не коллективные формы присвоения материальных благ.)

Ясное представление о системе правовых форм коллективной собственности дает возможность разобраться и четко квалифицировать довольно сложные отношения коллективного присвоения, возникающие в современной хозяйственной практике.

Так, в 1989 г. была создана Ленинградская ассоциация государственных предприятий, в которую добровольно вошли восемь крупнейших производственных объединений Ленинграда — «Светлана», ЛОМО, «Сигнал», Адмиралтейское объединение, «Авангард», «Алмаз», Завод им. Калинина, Кировский завод. После регистрации устава ассоциация получила права юридического лица и стала обладателем значительного имущества, сформированного за счет вступительных взносов (50 тыс. руб. с каждого участника), целевых взносов и доходов от собственной хозяйственной деятельности.

На вопрос о характере ее прав на это имущество один из руководителей ассоциации ответил, что «она обладает имуществом на праве общей долевой собственности участников» (Ваксян А. Ассоциация: умножение сил//Хозяйство и право. 1990. № 1. С. 59).

Путаница здесь совершенно очевидна: если учредители сохранили право общей собственности на имущество ассоциации, то сама она уже может быть не собственником, а лишь обладателем иного вещного права (по действовавшему на тот момент законодательству — права оперативного управления); если же ассоциация — собственник своего имущества (а таковым она должна теперь стать в силу прямого указания п. 1 ст. 16 Закона о собственности), то ее учредители теряют право на переданное ассоциации

имущество (причем они, будучи государственными организациями, являлись субъектами не права собственности, а права оперативного управления или, следуя терминологии нового законодательства, — права полного хозяйственного ведения закрепленным за ними государственным имуществом, которое и подлежит прекращению).

Но в любом случае образованное юридическое лицо (ассоциация) не может быть собственником переданного ему учредителями имущества одновременно и наравне с ними, а сами учредители как государственные организации не могут быть «общими собственниками» государственного имущества.

Таким образом, здесь коллективная принадлежность материальных благ юридически опосредуется путем создания **одного, единого («коллективного») собственника** — ассоциации. Поскольку в силу утвержденного устава сама она тоже получила право создавать за счет своего имущества новые юридические лица, отсутствие у ассоциации права собственности могло бы породить крайне сложную систему взаимозависимых и производных вещных прав на государственное имущество. Признание законом ассоциации **единым собственником** переданного ей учредителями-несобственниками имущества представляется вполне разумным законодательным решением, существенно упрощающим ситуацию.

Право собственности юридических лиц. С учетом сказанного о трех правовых формах реализации экономических отношений коллективной собственности обратимся к нормам о коллективной собственности, содержащимся в разд. III Закона о собственности.

В данном разделе понятие «коллективная собственность» использовано законодателем как тождественное понятию «право собственности юридических лиц», т. е. имея в виду лишь одну, основную из названных правовых форм. Иными словами, в качестве коллективной собственности рассматриваются и регулируются **отношения по принадлежности материальных благ определенным организованным коллективам, являющимся единоличным субъектом присвоения (собственности)**. Об этом прямо говорит п. 1 ст. 10 Закона, объявляющий субъектами этой формы собственности юридических лиц.

Право собственности юридических лиц, в свою очередь, имеет ряд разновидностей, перечисляемых в самом Законе: право собственности арендных и коллективных предприятий (близкое по содержанию и природе); право собст-

венности кооперативов; право собственности акционерных обществ, других хозяйственных обществ и товариществ; право собственности хозяйственных ассоциаций (объединений юридических лиц); право собственности общественных организаций, фондов и религиозных организаций.

К ним следует добавить также право собственности иностранных юридических лиц и международных организаций, а также особо называемое Законом право собственности совместных предприятий с иностранным участием (последние, как уже отмечалось, должны будут теперь функционировать в форме акционерных обществ, других хозяйственных обществ и товариществ, что лишает их каких бы то ни было юридических отличий от названных организационно-правовых форм).

Законодательная классификация всех этих форм проведена, следовательно, по субъектному составу, т. е. исходя из особенностей правового положения соответствующих юридических лиц.

Разумеется, возможны классификации и по другим основаниям. С этой точки зрения необходимо отметить, что одна группа коллективных собственников давно известна нашему законодательству и хозяйственной практике — кооперативы и общественные организации.

Другая группа представляет собой организационные формы, свойственные экономике переходного периода. Это — арендные предприятия и большинство хозяйственных ассоциаций, которые, по-видимому, должны будут заменяться другими организационными формами по мере перехода от «планово-хозрасчетной» к рыночной экономике.

Им на смену придут наиболее перспективные организации, в большей мере отвечающие изменившимся экономическим условиям — акционерные общества, другие хозяйственные общества и товарищества, а также коллективные предприятия, составляющие третью группу организаций — коллективных собственников, преобладающие в условиях рыночного хозяйства.

Именно с целью содействия их появлению и развитию Закон предусматривает **специальные способы образования коллективной собственности**: аренду государственных предприятий с последующим выкупом, прямой выкуп государственного имущества в коллективную собственность, преобразование государственных предприятий в акционерные общества (п. 2 ст. 10 Закона о собственности).

Эти способы используются и при создании коллективной собственности на основе «разукрупнения» собственнос-

ти общественных организаций. Например, Московский отряд подводно-технических работ ДОСААФ был преобразован в коллективное предприятие-собственника путем выкупа и частично — аренды с последующим выкупом общественного имущества (см.: Нечипорук Л. Собственность — это труд//Московская правда. 1990. 5 янв.).

Однако все они применяются лишь для производственных предприятий, находящихся в государственной, а также в общественной собственности. Во всех иных случаях коллективная собственность образуется **общим путем** — с помощью добровольного объединения имущества граждан и юридических лиц для создания новых организаций-собственников (п. 2 ст. 10 Закона о собственности).

2. Право собственности хозяйственных обществ и товариществ

Субъекты права собственности хозяйственных обществ и товариществ. Закон о собственности возродил в нашем праве практически забытые на протяжении более полувека категории хозяйственных (торговых, коммерческих) товариществ и обществ. Между тем, Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. в разделе «Обязательственное право» содержал специальную гл. X, целиком посвященную товариществам.

По мере огосударствления экономики и создания административно-командной системы управления ею отпала необходимость в регулировании добровольного объединения имущества различных собственников (включая и отдельных граждан) для достижения какой-либо хозяйственной цели путем создания новых, самостоятельных организаций — товариществ.

Поскольку в хозяйстве господствовала одна форма собственности — государственная, государство как собственник (в лице органов управления) и определяло целесообразность и организационные формы объединения своего имущества как в нормативном, так и в индивидуальном порядке.

Гражданам как субъектам личной собственности, имеющей строго потребительское назначение, была оставлена возможность «заключать договор о совместной деятельности лишь для удовлетворения своих личных бытовых нужд» (ч. 2 ст. 434 ГК РСФСР 1964 г.), т.е. вступить в отношения

«простого товарищества», без создания на базе объединенного имущества юридического лица.

В связи с оживлением отношений колхозной собственности в 50—60-х годах возможность создания простых товариществ получили и колхозы (ч. 1 ст. 434 ГК РСФСР). И лишь в условиях получения госпредприятиями достаточно реальной самостоятельности и у них появилось право создавать совместные предприятия и объединения, «в том числе в форме акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью» (абз. 3 п. 1 ст. 21 Закона о госпредприятии в редакции от 3 августа 1989 г.//Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 9. Ст. 214).

В связи с реальностью появления многообразных форм собственности, на равных основаниях состоящих в рамках рыночной экономики, регламентация организационных форм объединения средств и усилий различных собственников стала действительно необходимой.

Хозяйственные (торговые) товарищества — самостоятельные юридические лица, основанные на соглашении (договоре) участников, объединяющих определенные ими средства и усилия для достижения известной коммерческой цели.

Для хозяйственных товариществ характерны, следовательно, некоторые общие черты: 1) **договор** участников как основание возникновения (следовательно, их количество во всяком случае не может быть менее двух, хотя законодательству некоторых стран известны случаи образования хозяйственных товариществ с одним участником, например, в ФРГ); 2) наличие у товарищества прав **юридического лица**, т. е. создание новой, самостоятельной организации (с этой точки зрения качественно иным образованием является так называемое простое товарищество, представляющее собой договор о совместной хозяйственной деятельности участников, не образующих при этом новой правоспособной организации и тем самым не создающих нового субъекта отношений собственности); 3) возникновение **права собственности товарищества в целом** (при сохранении обязательственных прав участников) на имущество, переданное ему учредителями или полученное в результате собственной хозяйственной деятельности; 4) наличие **коммерческой цели** деятельности (заключающейся прежде всего в получении прибыли (доходов), а не в достижении результатов социально-культурного, благотворительного и тому подобного характера); 5) необходимость **личного участия**

«товарища» (члена товарищества) в деятельности данной организации и появление в связи со сказанным известных отношений **лично-доверительного характера** между ее участниками.

Хозяйственное общество весьма близко к хозяйственному товариществу по своей правовой природе. Их отличия связаны с тем, что в хозяйственном обществе, как правило, действует огромное число участников, гораздо большее, чем в товариществе. В силу этого отсутствует требование об обязательном личном участии в делах общества и между его членами не возникает отношений лично-доверительного характера (зачастую большинство из них вообще не знает друг друга), следовательно, их нельзя назвать «товарищами».

Будущие участники хозяйственного общества обычно вступают в договорные отношения по поводу участия в нем не друг с другом, а с его учредителями (или с обществом в целом), и потому в данном случае нельзя утверждать, что договор всех будущих участников хозяйственного общества служит основанием его возникновения.

Вместе с тем хозяйственное общество, как и товарищество, является самостоятельным юридическим лицом — собственником полученного им имущества, преследующим коммерческие цели. Иными словами, для него в основном характерны те же **отличительные признаки**, что и для хозяйственного (торгового) товарищества, **кроме первого и последнего**.

По указанной причине хозяйственные общества выделяются законодательством наряду с хозяйственными товариществами, а такой наиболее распространенный вид хозяйственных обществ, как акционерное общество, и Законом о собственности регулируется вообще отдельно (см. ст. 15).

Подробная регламентация порядка создания, функционирования и прекращения хозяйственных обществ и товариществ выходит за рамки регулирования отношений собственности. Она последует в специальных законодательных актах об акционерных обществах, иных хозяйственных обществах и товариществах и должна стать предметом изучения в теме «Юридические лица».

До принятия специальных законов о данных организациях (в том числе республиканских) действует Положение об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 19 июня 1990 г. № 590 (СП СССР. 1990. Отд. 1. № 15. Ст. 82). Содержащиеся в нем правила каса-

ются лишь хозяйственных обществ. В своей основе они едва ли претерпят существенные изменения в будущих законах, поскольку содержат общепринятые для данной сферы конструкции и категории.

Однако наиболее общие положения о видах этих организаций необходимо осветить здесь, поскольку их различия влияют и на их имущественное положение как субъектов права собственности.

Наиболее простым с точки зрения организационного строения и имущественной обособленности является **полное товарищество**. Оно характеризуется тем, что все его участники, заключившие договор полного товарищества, совместно занимаются хозяйственной деятельностью и несут солидарную ответственность по обязательствам товарищества всем своим имуществом.

Таким образом, полное товарищество отличается: 1) ведением совместной коммерческой деятельности всеми членами товарищества (их личным участием), находящимися в связи с указанным в личн.-доверительных отношениях друг с другом; 2) полной имущественной ответственностью товарищей по обязательствам товарищества (т. е. и личным имуществом), что и послужило основанием для его наименования. Ответственность отдельных товарищей носит солидарный характер, но наступает обычно лишь при недостатке имущества у самого товарищества (в этом смысле ее можно назвать субсидиарной); 3) невозможностью участия отдельных товарищей в других полных товариществах (ибо, вступая в полное товарищество, они фактически уже поручились всем своим имуществом за его возможные обязательства) и даже запретом выпуска ценных бумаг — акций и облигаций — для привлечения дополнительных средств.

Полное товарищество характеризуется небольшим числом участников, обычно — физических лиц (граждан), хотя не исключено и полное товарищество с участием юридических лиц.

В нашем законодательстве предполагается разграничить полные товарищества по субъектному составу: граждане могут быть полными товарищами только совместно с другими гражданами, но не с юридическими лицами (в частности, и потому, что участие более сильных в экономическом отношении юридических лиц может превратить солидарную ответственность граждан в фикцию).

Характерная для полного товарищества неограниченная имущественная ответственность участников и вызван-

ный ею запрет участия в других товариществах дали основания рассматривать их в зарубежной правовой доктрине как **объединения лиц, а не капиталов** (ведь при объединении капиталов, т. е. имущества, лицо вполне может раздробить свой капитал для одновременного участия в нескольких различных товариществах и обществах для уменьшения предпринимательского риска).

В противоположность полному товариществу **товариществе с ограниченной ответственностью**, как следует уже из его названия, характеризуется ограниченной ответственностью (точнее — риском) участников — только в пределах стоимости имущества, переданного товариществу. Но, помимо отмеченного важнейшего признака, товарищество с ограниченной ответственностью характеризуется тем, что его **уставный фонд разделен на доли** (соответственно вкладам участников, за счет которых он и образуется).

Сказанное, однако, не означает, что участники товарищества с ограниченной ответственностью являются долевыми собственниками его имущества. Такая доля представляет собой не имущество в натуре, а лишь **право требования (пай)**, правовой режим которого в целом аналогичен рассмотренному выше паю в потребительском кооперативе (последний, между прочим, не случайно еще в дореволюционном русском законодательстве назывался «кооперативным товариществом», да и сейчас у нас имеются «потребительские общества»).

Участник общества с ограниченной ответственностью получает на свою долю (пай) **паевое свидетельство**, удостоверяющее не только его членство, но и право на получение части дохода (дивиденда), а также право голоса и участия в управлении делами товарищества.

Передача этой «доли» (пая) другому лицу допускается лишь с согласия других членов товарищества (имеющих преимущественное право на ее приобретение), поскольку и здесь, как в полном товариществе, складываются особые отношения между товарищами.

Товарищества с ограниченной ответственностью характеризуются относительно небольшим числом участников. Ему запрещено выпускать акции (чтобы не превращать его в акционерное общество), однако оно вправе выпускать облигации, привлекая дополнительные средства для ведения хозяйственной деятельности.

Наличие ограниченной ответственности участников позволяет им одновременно участвовать в нескольких таких товариществах или в других хозяйственных обществах и

делает эту организационную форму весьма привлекательным и удобным способом предпринимательской деятельности.

Вместе с тем роль участников товарищества с ограниченной ответственностью не исчерпывается внесением соответствующих вкладов (долей) в его имущество. На них могут быть возложены и некоторые **дополнительные обязанности**: внесение дополнительных взносов в уставной фонд товарищества, оказание товариществу личных услуг, предоставление определенной коммерческой информации, воздержание от конкуренции с другими товарищами и др.

Возможно даже заранее обусловленное учредительными документами товарищества возложение на его участников **дополнительной ответственности** по обязательствам товарищества при недостатке общего имущества.

В этом случае товарищи отвечают по его долгам не только вкладами в уставной фонд (долями), но и дополнительно (в субсидиарном порядке) принадлежащим им лично имуществом, хотя и не всем (как в полном товариществе), а только в размере, **кратном** внесенным ими вкладам (например, трехкратном, пятикратном и т. п.).

ГК РСФСР 1922 г. в ст. 318 рассматривал эту дополнительную ответственность участников (в размере, кратном их вкладам, т. е. все-таки ограниченную) как один из основных признаков товарищества с ограниченной ответственностью. В современных условиях более правильно, представляется, говорить об особой разновидности хозяйственных товариществ — **товариществах с дополнительной ответственностью** (которые именно и только по этому признаку отличаются от товариществ с ограниченной ответственностью). По этому пути пошло и названное ранее Положение о хозяйственных обществах 1990 года.

Самостоятельной разновидностью хозяйственных товариществ является **коммандитное товарищество, или товарищество на вере**. Оно представляет собой смешанную форму хозяйственного товарищества, в котором одни из участников несут полную ответственность по его обязательствам (опять-таки при отсутствии у товарищества необходимого имущества, т. е. в субсидиарном порядке), а другие — лишь ограниченную (размерами их вклада). Первая группа участников называется **полными товарищами** (фактически образующими полное товарищество внутри коммандитного), а вторая группа — **коммандитистами, или вкладчиками**.

Таким образом, в коммандитном товариществе один

или более участников отвечает по обязательствам товарищества всем своим имуществом, а один или более — только вкладом (при наличии двух и более полных товарищей их ответственность по обязательствам товарищества носит солидарный характер).

Участник командитного товарищества, несущий полную ответственность по его долгам, разумеется, не может более участвовать в другом командитном или полном товариществе, но может участвовать в товариществе с ограниченной ответственностью или быть вкладчиком в другом командитном товариществе.

В командитном товариществе участники с полной ответственностью как члены полного товарищества несут обязанность личного участия в делах товарищества, а вкладчики участвуют лишь взносами. Это ведет к тому, что именно полные товарищи управляют делами товарищества, а вкладчики действуют фактически как акционеры в акционерном обществе.

Практика развитых рыночных отношений породила **смешанные формы**, например, так называемую **акционерную командиту**, при которой выпускаются акции на полную стоимость капитала вкладчиков (командитистов), поскольку полному товариществу акции выпускать запрещено. Но чаще всего «командитное товарищество на акциях» считается разновидностью акционерного общества, в котором один или несколько участников несут неограниченную (полную) ответственность перед кредиторами общества и непосредственно управляют его делами.

Законодательство ФРГ допускает возникновение **командитного товарищества с ограниченной ответственностью**. Такая ситуация действительно складывается, когда товарищество с ограниченной ответственностью как юридическое лицо становится полным товарищем в командитном товариществе, а его участники как члены товарищества с ограниченной ответственностью соответственно становятся командитистами. Ведь членами командитного товарищества, как, впрочем, и любого другого, по общему правилу, могут быть как граждане, так и юридические лица, в том числе, следовательно, и другие хозяйственные товарищества.

В командитном товариществе с ограниченной ответственностью командитисты практически получают ранее доступное лишь полным товарищам право личного участия в командите (через управление товариществом с огра-

ций (получая права на выплату дивиденда, на участие в общих собраниях с правом голоса и на долю имущества, остающегося при ликвидации общества после удовлетворения претензий кредиторов — «ликвидационную квоту»).

Только акционерное общество может выпускать акции и за счет полученных средств формировать уставной фонд (основной капитал). Но оно вправе, как и некоторые товарищества, выпускать еще и облигации для исполнения средств. Поэтому акционерное общество — особая, основная разновидность хозяйственных обществ, отличающаяся от других хозяйственных обществ и товариществ, в том числе от товариществ с ограниченной ответственностью.

Объекты права собственности хозяйственных обществ и товариществ. Имущество, переданное участниками хозяйственных обществ и товариществ данным юридическим лицам в качестве вклада, а также имущество, полученное ими в результате собственной хозяйственной деятельности, принадлежит им на праве собственности (п. 1 ст. 14 Закона о собственности).

В качестве вклада участника хозяйственного общества и товарищества ему могут быть переданы как имущество в натуре (здания, сооружения, оборудование, сырье, материалы и т. п.), так и денежные средства, ценные бумаги (акции, облигации, чеки, векселя и др.), права пользования имуществом (например, права пользования земельным участком, использования изобретения, иного технического новшества или промышленного секрета («ноу-хау»), товарного знака, промышленного образца и т. д.).

В удостоверение своего вклада участник также может получить ценную бумагу (в том числе, например, акцию), удостоверяющую его **обязательственное право на вклад (пай)**, тогда как само имущество (или право пользования им) становится объектом права собственности хозяйственного общества или товарищества.

Размер приобретенного таким образом имущества хозяйственного общества или товарищества может быть самым различным. Так, крупнейшая американская компания IBM располагает акционерным капиталом в 32 млрд. долл., а существовавшее в Великобритании с 1924 по 1978 год общество (компания) с ограниченной ответственностью «Фрэнк Дейвис Лимитед» имело уставной фонд в 0,5 шиллинга (0,02 ф. ст.), разделенный на две доли по 0,25 шиллинга (см.: Экономика и жизнь. 1990. № 25. С. 24).

Для того чтобы избежать возможных злоупотреблений, законодательство может установить минимальный размер

уставного фонда для таких организаций. Например, согласно Положению об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью 1990 г., их уставной фонд не может быть менее соответственно 500 тыс. руб. и 50 тыс. руб.

Для имущества, находящегося в собственности любого хозяйственного общества и товарищества, характерно наличие двух обязательно образуемых **фондов: уставного и резервного (страхового)**, обычно образуемого в процентном отношении к уставному фонду и не ниже предусмотренного законодательством минимума.

Остальные фонды образуются в порядке, размерах и видах, определяемых товариществом (обществом) — в его уставе или решении его членов (товарищей). При этом в уставном фонде в том или ином виде определяются доли (вклады, паи) каждого из участников и соответственно этому распределяются прибыли и убытки.

В ходе работы общества или товарищества возможно изменение (увеличение или уменьшение) размера его уставного фонда, причем без изменения долей участников (если, разумеется, между ними не достигнуто соглашения об ином распределении долей). Однако уменьшение уставного фонда допускается лишь с предварительного согласия кредиторов общества (товарищества), заинтересованных в лучшем обеспечении своих требований.

Хозяйственное общество и товарищество в случае успешного ведения дел получает доход (прибыль), направляемый как на выплату дивидендов своим участникам, так и на увеличение имущества самого общества (товарищества). За счет этого дохода оно может приобретать необходимое ему имущество, в том числе и другие предприятия, организации, товарищества (выступающие при этом уже в качестве имущественных комплексов), а также вкладывать средства в их деятельность, становясь участником иных товариществ и обществ (корпораций) и собственником соответствующего пая, вклада (права требования) в их имуществе.

Поступившие в собственность общества или товарищества предприятия и организации, сохраняющие юридическую самостоятельность, получают ограниченное вещное право на закрепленное за ними имущество, и продолжают хозяйственную (коммерческую) деятельность, не будучи собственниками.

Нельзя не отметить значительного сходства в юридичес-

кой и экономической природе собственности хозяйственных обществ (товариществ) и кооперативов.

Для понимания их соотношения необходимо иметь в виду следующее. Исторически кооперативы (кооперативные товарищества) родились прежде всего как потребительские общества, направленные на удовлетворение потребностей своих членов, а не на достижение коммерческих целей (или, во всяком случае, не имея коммерцию в качестве основной задачи).

С этой точки зрения потребительские кооперативы отличаются от хозяйственных (торговых) обществ и товариществ по своей деятельности и уставным задачам. Не случайно кооператив определяется нашим законом как организация граждан (п. 1 ст. 5 Закона о кооперации), а участие в нем организаций как коллективных членов рассматривается как исключение (п. 1 ст. 12, п. 2 ст. 47 Закона о кооперации). В хозяйственных товариществах и обществах одновременное участие юридических лиц и граждан допускается (кроме полных товариществ).

Производственные же кооперативы действительно весьма близки к товариществам с ограниченной и дополнительной ответственностью. Отличают их друг от друга лишь принцип распределения дохода (в кооперативе он, в соответствии с п. 1 ст. 13 Закона о кооперации, зависит прежде всего от трудового вклада, и лишь «в предусмотренных уставом случаях» от имущественного взноса в кооператив, а в хозяйственном товариществе целиком от размера пая), а также внутренняя структура (в кооперативе она сложнее и ближе к хозяйственному обществу, чем к товариществу).

Произошло это потому, что с момента введения Закона о кооперации до момента вступления в силу Закона о собственности производственные кооперативы по сути были единственной легальной у нас формой коллективного предпринимательства (ранее исключавшейся для граждан, в частности, прямым указанием ч. 2 ст. 434 ГК РСФСР и аналогичными нормами гражданских кодексов других союзных республик).

Попытки втиснуть в данную форму не свойственное ей в принципе содержание стали одной из причин «извращения сути кооперативного движения» и дискредитации указанной формы хозяйственной деятельности в глазах значительной части общественности. С данной точки зрения хозяйственные общества и товарищества являются более цивилизованной формой предпринимательства и, возмож-

но, постепенно заменят в таком качестве производственные кооперативы.

Подобное уже происходит с так называемыми **совместными предприятиями с иностранным участием**.

Специально созданная нашим законодательством для совместной хозяйственной деятельности с иностранными партнерами форма «совместного предприятия», не имеющая аналогов в мировой практике (да еще и существующая в двух разновидностях — с участием организаций из социалистических стран и с участием партнеров из капиталистических и развивающихся стран) (подробнее см.: Правовое положение совместных предприятий на территории СССР. М., 1988), породила большие дискуссии относительно их юридической природы и в первую очередь — относительно субъекта права собственности на имущество данных организаций.

Ведь участие с советской стороны преимущественно государственных организаций-несобственников как будто бы не должно было давать им возможности создавать новых собственников и прекращать право собственности государства на вклад советского участника. Но и само «совместное предприятие» не могло нормально хозяйствовать в рамках единственного в то время ограниченного вещного права, признаваемого нашим законодательством, — права оперативного управления, оставаясь полностью подчиненным собственникам — учредителям, а законодательство вообще не давало прямого ответа на этот вопрос.

Само понятие «совместное предприятие» говорило только о том, что его создали несколько учредителей для совместной деятельности, но ничего не говорило и не говорит о его юридической природе и характере имущественной обособленности.

Все встало на свои места, как только Закон о собственности в ст. 27 указал, что указанные предприятия создаются в форме акционерных обществ, хозяйственных обществ и товариществ. В данном случае «совместное предприятие» обретает четкое юридическое оформление и, становясь по выбору создателей акционерным обществом, товариществом с ограниченной или с дополнительной ответственностью участников, командитным товариществом и т. д., одновременно получает право собственности на передаваемые ему вклады участников, доходы от хозяйственной деятельности и иное приобретенное им имущество.

Ясно, что такое право собственности ничем не отлича-

ется от права собственности иных хозяйственных обществ и товариществ, и почва для споров и неясностей исчезает.

Иное решение закреплено в ст. 49 эстонского Закона о собственности. В соответствии с ним имущество предприятий с иностранным участием является общей долевой собственностью его учредителей (если иное не предусмотрено его учредительными документами), а само это предприятие, следовательно, получает особое (ограниченное) вещное право на свое имущество.

Однако эстонский закон никак не квалифицирует и даже не называет прямо данное вещное право, что не способствует прояснению имущественного положения совместных предприятий.

3. Право собственности арендного и коллективного предприятия

Право собственности арендного предприятия. Этот вид права собственности юридических лиц открывает предусмотренный Законом о собственности перечень разновидностей данного права. Такое решение законодателя обосновывается соображениями социально-экономического, а не юридического порядка. Аренда государственных предприятий, составляющих пока подавляющую часть производственного потенциала нашей экономики, должна стать основным путем ее «разгосударствления» и соответственно — главным способом образования коллективной собственности.

Порядок образования данного вида коллективной собственности регулируется главным образом законодательством об аренде. **Субъект** этого права — особое юридическое лицо — **арендное предприятие** как целое. Оно возникает из трудового коллектива государственного предприятия путем его преобразования вначале в организацию арендаторов как самостоятельное юридическое лицо, а затем — приобретения этой организацией статуса арендного предприятия (п. 1 ст. 16 Основ законодательства об аренде).

Такой поэтапный порядок возникновения нового субъекта права собственности вызван необходимостью создания специального юридического лица для заключения договора аренды государственного имущества (предприятия). Ведь трудовой коллектив госпредприятия сам по себе не является юридическим лицом — субъектом гражданского

права (хотя он считался «хозяином» имущества, товаропроизводителем все же являлось именно предприятие как целое, и оно же, следовательно, становилось юридическим лицом — участником товарно-денежных отношений — п. 2 ст. 1 Закона о госпредприятии), поэтому заключать гражданско-правовой договор непосредственно с коллективом нельзя.

Трудовой коллектив государственного предприятия на своем общем собрании (или конференции уполномоченных) не менее чем двумя третями голосов вправе принять решение об образовании «организации арендаторов», признаваемой самостоятельным юридическим лицом. Эта организация совместно с профсоюзным комитетом предприятия разрабатывает проект договора аренды и направляет его государственному органу, уполномоченному собственником сдавать в аренду государственные предприятия (в зависимости от того, к какой разновидности государственной собственности отнесено данное предприятие).

После подписания арендного договора организация арендаторов приобретает статус арендного предприятия. Следовательно, как юридическое лицо данная организация действует лишь на период составления и подписания договора аренды. Само арендное предприятие приобретает права юридического лица (и, следовательно, субъекта права собственности) с момента его государственной регистрации в исполкоме местного Совета (п. 2 ст. 16 Основ об аренде).

Объектом права собственности арендного предприятия являются произведенная им продукция, полученные доходы и имущество, приобретенное им за счет этих средств (п. 1 ст. 21 Основ об аренде, ст. 11 Закона о собственности). Будучи собственником полученных доходов, произведенной продукции и приобретенного за счет своих средств имущества, арендное предприятие самостоятельно определяет направления хозяйственной деятельности (с учетом обязательств, вытекающих из договора аренды государственного имущества) и также самостоятельно определяет направления использования остающейся в его распоряжении чистой прибыли (ст. 11, п. 2 ст. 19 Основ об аренде).

Иными словами, оно само решает, какие имущественные фонды и в каком объеме ему необходимо создать. Для привлечения дополнительных финансовых ресурсов арендное предприятие может выпускать ценные бумаги (облигации, так называемые акции трудового коллектива, по

сути представляющие собой облигации), преимущественное право приобретения которых имеют члены трудового коллектива арендного предприятия. Доход от их реализации тоже поступает в собственность арендного предприятия.

Важной особенностью собственности арендного предприятия является необходимость распределения в этом имуществе «вкладов» (долей) членов его трудового коллектива.

В соответствии с п. 2 ст. 21 Основ об аренде предполагается, что в имуществе, находящемся в собственности арендного предприятия, определяются размеры вкладов членов его трудового коллектива (на условиях и в порядке, предусмотренных его уставом). На стоимость такого вклада членам трудового коллектива могут выдаваться ценные бумаги арендного предприятия (облигации, «акции»), на которые выплачивается доход («дивиденды»). Это, однако, не превращает имущество арендного предприятия в долевую собственность, ибо нельзя потребовать его выделения в натуре, реально разделить между всеми работниками и т. п. Даже «реальная стоимость» ценных бумаг, выданных работнику арендного предприятия на стоимость его вклада, может быть им получена лишь в случаях, предусмотренных уставом предприятия (п. 3 ст. 21 Основ об аренде).

Речь, таким образом, идет об усилении у работников «чувства хозяина», преодолении их «отчуждения от собственности», но не о конкретных долевых отношениях (собственности). Право собственности на имущество арендного предприятия находится именно у этого предприятия как целого и не дробится между его работниками пропорционально их «вкладам» (долям).

В отличие от этого в ч. 1 ст. 44 эстонского Закона о собственности предусмотрена общая собственность членов арендного коллектива на их «общее имущество», т. е. имущество, не являющееся собственностью арендного предприятия как юридического лица (ст. 28 указанного Закона).

Иначе говоря, по эстонскому законодательству у арендного предприятия могут находиться одновременно три вида имущества с различным правовым режимом — имущество — его собственность; имущество — долевая собственность членов его коллектива; имущество — собственность арендодателя (и переданное арендному предприятию на особом вещном праве).

Арендное государственное имущество не является собственностью арендного предприятия, а находится у него на **особом вещном праве**, близком к праву полного хозяйственного ведения.

Закрепленные в п. 1 ст. 18 Основ об аренде возможности арендатора, как уже отмечалось, настолько широки, что не идут ни в какое сравнение с правами обычного нанимателя. Более того, договором аренды может быть предусмотрен выкуп арендованного имущества (полный или частичный), причем для аренды имущества государственных предприятий их трудовыми коллективами это, по прямому указанию п. 2 ст. 10 Закона о собственности, должно стать общим правилом.

После выкупа арендованного имущества арендное предприятие по решению его трудового коллектива может быть преобразовано в коллективное предприятие, кооператив, акционерное общество или иной вид предприятия, действующего на основе коллективной собственности (п. 2 ст. 10 Основ об аренде).

Поскольку такой процесс для государственного имущества должен стать нормой, можно сделать вывод, что само арендное предприятие по истечении срока аренды и выкупа прекращает существование, преобразуясь в **нового коллективного собственника**. Это и дает основание рассматривать его как **переходную** организационно-правовую форму коллективной принадлежности (присвоенности) материальных благ.

Арендные предприятия как коллективные собственники могут также создаваться на базе имущества, принадлежащего общественным организациям (партиям, профсоюзам, добровольным обществам, благотворительным фондам и т. д.). В таком случае их правовое положение аналогично статусу арендных предприятий, созданных на базе государственного имущества (ст. 24 Основ об аренде). Однако на данные отношения, как правило, не могут быть распространены нормы о выкупе арендованного имущества, применение которых возможно лишь по усмотрению самих общественных организаций-собственников.

Кроме того, арендное предприятие может быть создано на основе аренды имущества отдельных цехов, производств или других подразделений государственного предприятия, т. е. части его имущества. Для этого в соответствии со ст. 22 Основ об аренде требуется согласие государственного предприятия (хотя и не собственника, но субъекта права полного хозяйственного ведения государственным

имуществом). Арендный договор заключается с госпредприятием, а не с собственником или уполномоченным им органом.

Поскольку к праву полного хозяйственного ведения госпредприятий применяются правила о праве собственности, если иное не предусмотрено законодательными актами (п. 1 ст. 24 Закона о собственности), следует полагать, что в договорах об аренде части государственного имущества также могут быть предусмотрены условия его выкупа арендными предприятиями, если законодательством Союза ССР и союзных республик прямо не установлены случаи ограничения или запрета выкупа арендованного имущества (п. 1 ст. 10 Основ об аренде).

Право собственности коллективного предприятия. Этот вид собственности возникает в случае непосредственного выкупа государственного предприятия его трудовым коллективом (перехода всего имущества госпредприятия в собственность его трудового коллектива), выкупа арендованного имущества (по истечении предусмотренного договором срока аренды) или иными предусмотренными законом способами (п. 1 ст. 12 Закона о собственности).

Субъектом права собственности здесь становится юридическое лицо — **коллективное предприятие**, а не трудовой коллектив и не его отдельные члены.

В хозяйственной практике такие предприятия иногда называют «народными предприятиями». Например, в «народное предприятие» преобразовано производственное бройлерное объединение «Ставропольское», выкупившее свои основные фонды у государства (по договору с Госагропромом РСФСР оно обязалось также погасить банковские кредиты, использованные на создание выкупленных им основных фондов).

Объектом права собственности коллективного предприятия является все его имущество, включая произведенную продукцию и полученные доходы. Будучи собственником, оно само устанавливает направления расходования полученных доходов и определяет целесообразность, порядок и размер образования имущественных фондов.

Подобно арендному предприятию, коллективное предприятие тоже обязано определять в своем имуществе «вклады» (доли) работников (п. 2 ст. 12 Закона о собственности).

В состав этого вклада включаются, во-первых, сумма вклада работника в имущество государственного или арендного предприятия, на базе которого образовано кол-

лективное предприятие-собственник; во-вторых, вклад работника в прирост имущества коллективного предприятия после его создания (исходя из его трудового участия в деятельности этого предприятия).

На указанный вклад начисляются и выплачиваются проценты (в размере, определяемом трудовым коллективом на основе результатов хозяйственной деятельности предприятия). Следовательно, часть дохода коллективного предприятия должна идти на выплату процентов по «вкладам» его работников.

Однако и здесь выделение вкладов работников не превращает имущество коллективного предприятия в объект их долевой собственности. Ведь стоимость этого вклада можно получить не в натуре, а лишь в форме денежного эквивалента, да и то только после прекращения трудовых отношений с коллективным предприятием (в период работы на нем можно получить лишь проценты на этот вклад).

Следовательно, отсутствует возможность раздела и выдела имущества коллективного предприятия между его работниками в натуре, да и само право собственности не дробится между многими субъектами, а сохраняет принадлежность исключительно коллективному предприятию как целому.

Своеобразную форму собственности предусмотрело эстонское законодательство о народных предприятиях. Согласно ст. 17 Закона об основах хозрасчета этой республики, государственным предприятиям, основанным на республиканской или коммунальной (муниципальной по терминологии эстонского законодательства) собственности, может быть «делегировано» право собственности. В данном случае они становятся «народными предприятиями» и обладают правом собственности на принадлежащее им имущество.

Однако такое их «право собственности» отличается большим своеобразием. Согласно Положению о народном предприятии, утвержденному постановлением Совета Министров Эстонской ССР от 11 декабря 1989 г. № 411, его прибыль принадлежит не ему, а «его членам» (п. 28) и распределяется между ними (за вычетом налогов и других необходимых отчислений) в качестве «фонда дохода собственника» (п. 29).

Таким образом, доходы «члена» (работника) народного предприятия состоят из его заработной платы и «принадлежащей ему части дохода собственника» (п. 39 Поло-

жения). Вместе с тем на народном предприятии лежит обязанность обеспечить сохранность «переданного ему уставного фонда» (п. 13 Положения) и при прекращении деятельности народного предприятия его имущество «возвращается в государственную или муниципальную собственность», за исключением остатка фонда, образуемого за счет «дохода собственника», который выплачивается работникам народного предприятия (п. 48 Положения).

Последние, впрочем, вправе в этом случае на основании решения общего собрания или собрания представителей ходатайствовать перед «учредителем» (государственным собственником) о выкупе имущества предприятия (п. 49 Положения).

Все это дает основания считать «народное предприятие» по эстонскому законодательству не собственником (хотя бы и «вторичным», как указано в п. 2 Положения), а лишь обладателем особого вещного права на государственное имущество (типа права арендного предприятия по законодательству об аренде).

Такое право сочетается с долевой собственностью его работников (членов) на чистый доход (прибыль) народного предприятия. Настоящим коллективным собственником оно может стать лишь после выкупа его имущества из государственной собственности.

4. Право собственности кооператива

Субъект права кооперативной собственности. Юридическими лицами — субъектами права кооперативной собственности — являются кооперативы, рассматриваемые нашим законодательством как добровольные объединения граждан на основе членства для совместного ведения хозяйственной и иной деятельности на базе принадлежащего им на праве собственности имущества (п. 1 ст. 5 Закона о кооперации). Правда, п. 1 ст. 12 Закона о кооперации допускает и возможность коллективного членства в кооперативах других кооперативов, государственных и общественных предприятий и организаций (юридических лиц), в случаях, когда это прямо предусмотрено законом или уставом кооператива.

Уже отсюда видно, что кооперативы как участники имущественного (гражданского) оборота отличаются, во-первых, тем, что они представляют собой **объединение** субъектов гражданского права (граждан, а в ряде случаев — и

юридических лиц). Во-вторых, данные объединения строятся на началах **членства участников**, характеризующих демократичный характер их внутренних взаимоотношений (при участии в кооперативе коллективных членов-юридических лиц их взаимоотношения с кооперативом строятся, как говорит Закон о кооперации, «на договорных началах» (т. е. регулируются взаимным соглашением). В-третьих, что особенно важно подчеркнуть, имущественная обособленность кооператива может строиться **только на праве собственности** на объединяемое его членами имущество (вещные права кооператив может приобрести на имущество иных лиц по договорам с ними).

Будучи единым и единственным собственником принадлежащего ему имущества, кооператив как целое участвует в имущественных (товарно-денежных) отношениях и сам отвечает по обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. Он не несет ответственности по обязательствам своих членов, а члены кооператива не несут ответственности по его долгам (если только иное положение не предусмотрено законодательством или уставом кооператива; например, в соответствии со ст. 43 Закона о кооперации дополнительная (субсидиарная) ответственность по долгам кооператива установлена для членов кооперативов в сферах производства и услуг в качестве дополнительной гарантии надежности их коммерческой деятельности).

• Это обстоятельство нередко упускается из виду, ибо в представлении неосведомленных лиц члены кооператива являются некими «совладельцами» его имущества, или «долей в его собственности». Об этом свидетельствует и характер некоторых конфликтов, возникающих, в частности, при выходе из кооператива его отдельных членов, требующих «выдела причитающейся им доли» (см.: Хозяйство и право. 1989. № 8. С. 62—63).

Между тем в период существования кооператива его члены имеют лишь право на получение доли дохода (прибыли), подлежащей распределению, а также право «пользоваться имуществом кооператива» (п. 1 ст. 13 Закона о кооперации), и только при его ликвидации могут получить соответствующую часть имущества кооператива, оставшегося после расчетов с его кредиторами (п. 2 ст. 13 Закона о собственности). Право собственности на кооперативное имущество в полном объеме принадлежит исключительно самому кооперативу как «полноправному хозяи-

ну» (п. 4 ст. 7 Закона о кооперации) и не делится между его членами.

Весьма своеобразно вопрос о праве собственности на объединенное имущество решается в **потребительских кооперативах**.

В соответствии с п. 2 ст. 7 Закона о собственности член жилищного, жилищно-строительного, дачного, гаражного или другого кооператива, полностью внесший паевой взнос за квартиру, дачу, гараж, иное строение или помещение, предоставленные ему в пользование кооперативом, приобретает право собственности на указанное имущество. Значит, по мере уплаты паевых взносов членами потребительских кооперативов право кооперативной собственности на предоставленное в их пользование имущество исчезает, трансформируясь в их право собственности.

Но одновременно это означает и соответствующее прекращение деятельности таких кооперативов, их преобразование в товарищества индивидуальных владельцев соответствующего имущества (квартир, дач, гаражей и т. п.) для совместной эксплуатации остающегося в коллективном пользовании имущества (например, чердаков, подвалов и лифтов в жилом доме бывшего кооператива, сетей водопровода и земельных участков в дачном кооперативе и т. д.).

Следовательно, и данная ситуация не изменяет положения о едином субъекте кооперативной собственности, пока она существует, и не превращает ее в имущество, принадлежащее множеству субъектов — членов кооператива одновременно.

Вместе с тем из сказанного вытекает необходимость четкой дифференциации кооперативов на производственные (осуществляющие коммерческую деятельность) и потребительские (направленные на удовлетворение определенных потребностей своих членов), как и предусмотрено п. 2 ст. 3 Закона о кооперации.

Поскольку оба названных типа кооперативов функционируют на основе самокупаемости, потребительским кооперативам разрешено развитие производственной деятельности и преобразование в кооперативы смешанного типа. С точки зрения имущественной обособленности различия между этими двумя типами кооперативов, как уже отмечено, заключаются во временном характере деятельности большинства потребительских кооперативов (до уплаты паевых взносов их индивидуальными членами) и в возможности субсидиарной ответственности членов производствен-

ных кооперативов по долгам кооператива (что, как правило, отсутствует в кооперативах потребительского типа). Кроме того, при ликвидации производственного кооператива его имущество подлежит распродаже, а полученная выручка распределяется между членами кооператива (ст. 4 Закона о кооперации), тогда как при ликвидации потребительского кооператива и его имущество после возврата паевых взносов и других необходимых выплат передается кооперативному союзу, либо иной вышестоящей кооперативной организации, а при их отсутствии — соответствующему государственному органу (п. 5 ст. 45 Закона о кооперации, ст. 40 ГК РСФСР).

К объектам права кооперативной собственности относятся средства производства и иное имущество, в том числе целые предприятия и организации (имущественные комплексы), создаваемые или приобретаемые за счет средств кооператива (пп. 1 и 3 ст. 7 Закона о кооперации).

Законодательство подчеркивает целевой характер этого имущества, устанавливая требование его «необходимости для осуществления уставных задач» кооператива (п. 1 ст. 7 Закона о кооперации) и определяя его источники как предусмотренные уставом кооператива (п. 1 ст. 13 Закона о собственности).

Поскольку же кооперативам, как известно, разрешены не все вообще виды коммерческой деятельности (см. п. 1 ст. 3 Закона о кооперации в редакции Закона СССР от 6 июня 1990 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР «О кооперации в СССР»//Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990. № 26. Ст. 489; постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1988 г. № 1468//СП СССР, 1989. Отд. 1. № 4. Ст. 1. п. 4 постановления Совета Министров СССР от 18 ноября 1989 г. № 1003//СП СССР, 1990. Отд. 1. № 1. Ст. 5) и даже разрешенные должны быть специально оговорены в их конкретных уставах, есть основания говорить об известном ограничении круга объектов права кооперативной собственности, по крайней мере, применительно к различным разновидностям и конкретным кооперативам. Во всяком случае, оценивая круг объектов права собственности кооперативов, вряд ли можно говорить о полноте его в сравнении с объектами права государственной собственности.

Важнейшим источником формирования кооперативного имущества, в значительной мере определяющим и всю

специфику кооперативной собственности, являются взносы его членов как в денежной, так и в иной материальной (имущественной) форме.

Обычно членские взносы образуют первоначальную материальную базу деятельности кооператива. При ее недостаточности кооператив может прибегать к займам в кредитных учреждениях, а в соответствии с п. 4 ст. 22 Закона о кооперации — к выпуску ценных бумаг, названных «акциями».

Следует, однако, отметить, что «акции кооператива» имеют ту же природу, что и «акции трудового коллектива». Они являются для кооператива дополнительным источником денежных средств (а не основным, как в акционерном обществе) и их общая стоимость не может превышать размера годового валового дохода кооператива (а не всей балансовой стоимости имущества, как в акционерном обществе). Их номинальная стоимость должна оставаться неизменной на весь период обращения (и, следовательно, не зависит от реальной конъюнктуры).

Владельцами таких «акций» могут стать только члены выпустившего их кооператива, лица, работающие в нем по трудовому договору, либо иные предприятия и организации (юридические лица), но не отдельные граждане, т. е. их оборотоспособность ограничена.

Кроме того, наличие такой «акции» само по себе не дает ее владельцу право на участие в делах кооператива, в том числе право голоса на его общих собраниях (если, конечно, он не является членом данного кооператива). По существу, речь, конечно, идет о совершенно иной разновидности ценных бумаг — облигациях, выпуск которых, разумеется, не превращает кооператив в акционерное общество.

Важным источником образования кооперативного имущества является также доход кооператива от результатов его хозяйственной деятельности. Однако в собственность кооператива поступает не весь полученный им доход (прибыль).

Его распределение регулируется ст. 20 Закона о кооперации, предусматривающей наиболее общие принципы. Из выручки от реализации продукции (работ) или оказанных услуг кооператив возмещает необходимые материальные затраты, а из образующегося после этого валового дохода уплачивает налоги, рассчитывается с банками и другими кредиторами.

Оставшаяся чистая прибыль кооператива делится на

долю, предназначенную на оплату труда членов кооператива и лиц, работающих в нем по трудовым договорам, и на долю, идущую на производственные и социальные нужды кооператива как целого. Эта вторая часть и образует собственность самого кооператива, распределяемую по соответствующим фондам и резервам (производственным, социальным и пр.). Ее размер, а также размеры и порядок формирования и использования имущественных фондов кооператива определяются самим кооперативом (в соответствии с его уставом и решениями общего собрания). Производственные кооперативы теперь обязаны создавать страховой (резервный) фонд в размере не менее 5% прибыли (остающейся после расчетов с бюджетом и банками) и производить в него ежегодные отчисления (п. 1 ст. 20 Закона о кооперации в редакции Закона от 6 июня 1990 г.).

В потребительских кооперативах основным источником образования кооперативной собственности являются **паевые взносы** их членов, образующие паевой фонд кооператива. Основная особенность данного фонда состоит в том, что член кооператива («пайщик») в случае выхода вправе потребовать возврата ему суммы пая за счет указанного фонда.

Поскольку до принятия Закона о кооперации господствующим типом кооперативов у нас в стране были именно потребительские, сложилось мнение о том, что именно паевые отношения и характеризуют специфику кооперативной собственности. Однако сам по себе «пай» и в названном случае является не долей в праве собственности на имущество кооператива, а лишь **правом требования** выплаты определенной суммы («пая», «паенакопления») при определенных условиях (выход из кооператива, прекращение членства в нем по иным основаниям, например в связи со смертью).

В производственных же кооперативах, получивших теперь наибольшее распространение, основу собственности составляет прежде всего доход (его соответствующая часть) от результатов хозяйственной деятельности, а паевые отношения не имеют решающего значения. Поэтому и Закон о кооперации говорит о паевых взносах лишь применительно к членству в потребительском обществе (кооперативе) (п. 1 ст. 48), не вынося правила о них в общие положения.

Таким образом, распространение положений о паевых отношениях на всю кооперативную собственность необоснованно, а с учетом появившейся возможности по существу

автоматического преобразования права собственности потребительских кооперативов в право собственности их бывших членов (после полной выплаты паевых взносов) оно нуждается в существенных оговорках даже в отношении кооперативов потребительского типа.

С учетом изложенных особенностей права кооперативной собственности применительно к потребительским и производственным кооперативам можно оценить и характер **колхозной собственности**.

Действующим законодательством колхозы объявлены кооперативами (п. 1 ст. 33 Закона о кооперации, п. 1 Примерного устава колхоза 1988 г.). Однако это вызывает большие сомнения, ибо характер их имущественной обособленности не соответствует большинству признаков, свойственных кооперативной собственности.

Прежде всего, Примерный устав колхоза не предусматривает уплаты денежных или иных взносов при вступлении в колхоз и вообще не называет взносы членов колхоза в качестве первоочередного источника образования собственности колхоза (ср. пп. 3 и 12).

В имуществе колхоза выделяются неделимые производственные фонды, не подлежащие распределению между членами колхоза и образующие основу его имущественной самостоятельности (п. 13 Примерного устава колхоза). Даже при ликвидации колхоза его имущество, оставшееся после расчетов с кредиторами (в том числе после завершения расчетов по оплате труда его бывших членов!), не распределялось между его бывшими членами, как предусматривается для кооперативов п. 2 ст. 13 Закона о собственности, а передавалось другим колхозам и организациям для сельскохозяйственного производства (п. 77 Примерного устава колхоза). Лишь новой редакцией п. 3 ст. 36 Закона о кооперации от 6 июня 1990 г. впервые установлено, что при ликвидации колхоза его имущество, оставшееся после расчетов с кредиторами, «распределяется между членами кооператива». В колхозах фактически сохраняется система обязательно образуемых за счет их доходов имущественных фондов, подобно фондам государственных предприятий. Вряд ли поэтому можно утверждать, что колхозы самостоятельно определяют направления распределения своих доходов (что свойственно кооперативам).

Несмотря на содержащееся в п. 4 Примерного устава колхоза утверждение о том, что члены колхоза получают «долю доходов или продукции, подлежащих распределению» на их денежные и имущественные взносы, фактиче-

ски они получают заработную плату по принятой в колхозе системе оплаты в соответствии с количеством и качеством вложенного в общественное хозяйство труда (п. 35 Примерного устава колхоза), причем несмотря на подробную регламентацию оплаты труда в Примерном уставе колхоза, в нем даже не упоминается об их «взносах» (ср. пп. 34—37).

Все сказанное не только сближает колхозную собственность с государственной, но и порождает одинаковые по сути проблемы, и прежде всего — проблему отчужденности колхозника от колхозного имущества. Ведь в сущности колхозники являются не членами кооператива, а наемными работниками.

Ярким, хотя и косвенным, свидетельством этого, стало введение правила о создании долевого фонда членов колхоза (п. 2 ст. 36 Закона о кооперации, пп. 4 и 14 Примерного устава колхоза). В соответствии с указанным правилом часть ежегодной стоимости прироста основных производственных фондов колхоза распределяется между членами колхоза и зачисляется на их личные счета «пропорционально конкретному трудовому вкладу».

На данные средства начисляются ежегодные проценты, которые могут использоваться «по усмотрению самих членов колхоза». Изложенное означает, что данное имущество (денежные средства) становятся собственностью колхозников, однако в период существования колхоза получить можно лишь проценты на соответствующую сумму. Полностью получить ее можно лишь при ликвидации колхоза (п. 77 Примерного устава), либо при выходе из колхоза.

Иными словами, правовой режим данного имущества аналогичен режиму «вклада» работника коллективного предприятия и преследует те же социально-экономические цели. Ничего подобного нет (и не может быть) ни в одном кооперативе.

Сказанное свидетельствует о своеобразии отношений колхозной собственности, не укладывающейся в рамки обычной кооперативной собственности. Не случайно и Закон о кооперации, регулируя особенности отдельных видов кооперативов, наряду с кооперативами в сферах производства и услуг и потребительскими кооперативами отдельно выделил колхозы (ст. ст. 33—39).

Они были кооперативами в момент образования, а в настоящее время утратили многие важные свойства кооперативов, и прежде всего — в отношении собственности. В нынешнем положении собственность кооперативов не мо-

жет включать колхозную собственность в качестве разновидности (если не прибегать к очень большим натяжкам).

Право собственности кооперативных союзов. Особенностью имущественных отношений, складывающихся при создании кооперативных союзов, является возникновение нового субъекта права собственности со своим имуществом — кооперативного союза (объединения кооперативов) как самостоятельного юридического лица.

Правда, п. 3 ст. 7 Закона о кооперации предусматривает, что имущество создаваемых кооперативами союзов (объединений) может либо принадлежать на праве общей собственности этим кооперативам, либо быть собственностью союза (объединения).

В первом случае объединение кооперативов как юридическое лицо получает вещное право на объединенное (переданное ему учредителями) имущество (типа права полного хозяйственного ведения), а во втором становится собственником.

Но в любом случае союз не имеет права собственности (и даже какого-либо иного вещного права) на имущество входящих в него членов: его правомочия касаются лишь переданного ему кооперативами имущества (например, централизованных фондов). Здесь важно заметить, что если кооператив может функционировать только как собственник своего имущества, то кооперативный союз может действовать и как обладатель иного вещного права.

Типичным примером кооперативного союза у нас является потребительская кооперация, охватывающая потребительские общества (кооперативы) по территориальному признаку. Низовые ячейки этой системы образуют потребительские общества как объединения граждан, проживающих или работающих в определенном населенном пункте.

Они вправе на добровольных началах объединиться в районный союз потребительских обществ (райпотребсоюз); те, в свою очередь, — в областные, краевые и республиканские союзы потребительских обществ, а возглавляет эту систему Центросоюз, объединяющий на добровольной основе союзы потребительских обществ союзных республик.

Каждое звено этой системы является собственником имущества, переданного ему в виде добровольных взносов нижестоящими членами (а также доходов от собственной хозяйственной деятельности), но не имеет прав на имущество своих учредителей.

Соответственно этому примерные уставы потребитель-

ских союзов предусматривают отдельную ответственность по обязательствам союза и его членов.

К сожалению, за долгое время функционирования в условиях огосударственной, командно-административной экономики система потребкооперации превратилась в жестко централизованную, во многом бюрократическую структуру. Начала добровольности в значительной мере стали фиктивными, вышестоящие кооперативные союзы фактически превратились в органы управления нижестоящими звеньями.

Свидетельством этих процессов является правило о передаче имущества ликвидируемого звена потребкооперации (оставшегося после удовлетворения кредиторов) кооперативному союзу, в состав которого входило ликвидируемое потребительское общество или союз, а не бывшим членам этого общества (или союза), как того следовало бы ожидать.

Так, при ликвидации райпотребсоюза оставшееся имущество передается облпотребсоюзу или иному кооперативному союзу, в который входил райпотребсоюз, а не создавшим его низовым потребительским обществам (п. 60 Примерного устава райпотребсоюза 1989 г.).

Аналогичное положение установлено и п. 60 Примерного устава областного, краевого, республиканского потребсоюза 1989 г. Однако данное правило распространяется лишь на потребкооперацию, а не на другие виды кооперативных союзов, составляя ее отличительную черту.

Кооперативные союзы как собственники могут иметь имущество, необходимое им для выполнения уставных задач и осуществления других видов деятельности (п. 3 ст. 16 Закона о кооперации). Это означает, что помимо задач, для решения которых они созданы учредителями-кооперативами, кооперативные союзы вправе самостоятельно заниматься хозяйственной деятельностью и создавать собственные предприятия и организации, становясь их собственниками.

Лишь порядок и направления использования централизованных фондов и резервов, создаваемых за счет отчислений кооперативов-учредителей, определяют не сами кооперативные союзы, а собрания представителей создавших их кооперативов «на демократической основе» (п. 2 ст. 23 Закона о кооперации).

С этой точки зрения очевидно, что данные централизованные фонды и резервы не становятся собственностью кооперативного союза как юридического лица, поскольку

он не вправе самостоятельно распоряжаться ими. По смыслу абз. 3 п. 3 ст. 7 Закона о кооперации следует считать, что данное имущество принадлежит на праве общей собственности кооперативам, хотя распоряжение им осуществляется «на демократической основе», т. е. по большинству голосов участников, а не по принципу единогласия всех собственников.

5. Право собственности хозяйственных ассоциаций (объединений)

Субъект права собственности хозяйственных ассоциаций (объединений). Статьей 3 Закона о предприятиях в СССР и п. 7 ст. 5 Закона о госпредприятии государственным предприятиям, объединениям и организациям, независимо от ведомственной принадлежности, предоставлено право самостоятельно создавать на договорных началах концерны, консорциумы, межотраслевые государственные объединения, государственные производственные (отраслевые) объединения, различные ассоциации и другие крупные организационные структуры, в том числе с участием кооперативов и совместных предприятий, создаваемых с фирмами иностранных государств, т. е. иных (негосударственных) собственников. Такое же право предоставлено арендаторам ст. 6 Основ законодательства об аренде и кооперативам — п. 3 ст. 10 Закона о кооперации.

Речь, таким образом, идет о различных добровольных организационных формах объединения государственных и иных юридических лиц, создающих новую правосубъектную организацию (объединение).

К сожалению, наше законодательство не проводит различий между перечисленными организационными формами, более того, зачастую рассматривает их как равнозначные, чем ставит в тупик при выборе той или иной формы: какой из них отдать предпочтение и по какой причине?

Ведь по прямому указанию закона предприятие или организация, добровольно вошедшая в любую из перечисленных форм объединений, сохраняет юридическую и экономическую самостоятельность. Следовательно, отличия надо искать в правовом положении данных объединений, а при их отсутствии существование таких разнообразных форм теряет смысл.

При этом можно учесть, что некоторые из названных категорий уже давно используются в коммерческой прак-

тике и приобрели более или менее устоявшееся содержание (а в ряде случаев и нормативное закрепление), пренебрежение которым может привести к путанице и практическим затруднениям.

С точки зрения добровольного объединения материальных и иных ресурсов для достижения тех или иных хозяйственных целей наименьшей степенью концентрации характеризуется (или во всяком случае должен характеризоваться) консорциум.

Он обычно представляет собой временное соглашение (договор) организаций-участниц об объединении ресурсов, как правило, с целью создания или финансирования единого, крупного хозяйственного объекта.

Сам консорциум не является юридическим лицом как целое, но управляется по взаимному согласию всех участников, подчиняющихся общему согласованному руководству только в части достижения совместных целей. По достижении общих целей консорциум прекращает действие.

Каждый из участников в соответствии с договором вносит свою долю, расходуемую на общие нужды, и несет ответственность по общим обязательствам консорциума в пределах этой доли, а при недостатке общего имущества — и другим имуществом (как участник договора о совместной хозяйственной деятельности, каковым по сути и является консорциум).

Фактически консорциум может рассматриваться и как простое товарищество с той лишь разницей, что его участниками всегда являются только юридические лица и масштаб их хозяйственной деятельности достаточно велик.

Попытка в нормативном порядке определить понятие консорциума, а также ассоциации и концерна, пожалуй, впервые в нашем законодательстве предпринята в постановлении Совета Министров Литовской ССР от 25 сентября 1989 г. № 199 «О порядке создания и регистрации объединений, предприятий и организаций вневедомственного статуса хозяйства Литовской ССР, а также ассоциаций, концернов и консорциумов» (Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской ССР, 1989. № 29. Ст. 386).

В п. 3 данного постановления говорится о праве организаций создавать консорциумы, в которых «несколько банков или предприятий договариваются совместно использовать заем или проводить коммерческие операции большого масштаба».

При всем его несовершенстве данное определение может служить известной иллюстрацией к понятию консор-

циума. Конкретным примером может служить созданный в одном из районов Киевской области агропромышленный консорциум «Володарка», участниками которого стали киевский политехнический институт, облагрострой, областное отделение Агропромбанка и районное агропромышленное объединение, а целью деятельности — строительство крупного комбината стройматериалов (см.: Экономика и жизнь. 1990. № 5. С. 2).

Следующей, более высокой ступенью является **ассоциация (союз)** как добровольное объединение предприятий и организаций по отраслевому, территориальному или иному признаку.

В отличие от консорциума ассоциация — более устойчивое образование, носящее постоянный, а не срочный характер.

В п. 2 постановления Совета Министров Литовской ССР от 25 сентября 1989 г. ассоциация определяется как добровольный общественный союз или другое формирование самостоятельных объединений, предприятий, организаций, который создан для осуществления совместной хозяйственной, научной, социальной, культурной или другой цели.

Ассоциация как целое может и не быть юридическим лицом. Однако на практике возможно и создание ассоциации с правами юридического лица как целого. Такова, например, Государственная агрохимическая ассоциация «Агрохим», созданная постановлением Совета Министров СССР от 5 августа 1989 г. № 611 (СП СССР. 1989. Отд. 1. № 28. Ст. 112), в которую вошли предприятия бывшего Министерства по производству минеральных удобрений и объединения «Союзсельхозхимия».

В данном случае участники возлагают на ассоциацию централизованное выполнение определенных производственно-хозяйственных функций, а она начинает играть по отношению к ним роль органа управления.

Фактически эти функции выполняет обособленный аппарат управления ассоциации, выступающий, однако, не от своего имени, а от имени ассоциации в целом (и соответственно — под ее имущественную ответственность).

Более предпочтителен поэтому вариант ассоциации, в которой юридическим лицом является, по крайней мере, обособленный аппарат управления, выступающий от своего имени и под собственную имущественную ответственность.

В случае же с «Агрохимом», объявленным в п. 2 названного постановления правительства юридическим лицом как целое, по существу произошла очередная «смена выве-

ски», превратившая аппарат бывшего министерства в аппарат управления «ассоциации», а нечеткость законодательства лишь содействовала этим «бюрократическим играм».

В настоящее время наиболее распространены у нас «ассоциации делового сотрудничества», представляющие добровольные объединения советских производственных предприятий и объединений и внешнеэкономических организаций, образованные с целью содействия экспортно-импортным операциям.

Таковыми ассоциациями являются также «торговые дома», образуемые специализированными организациями, которым разрешено осуществлять розничную торговлю и оказывать услуги на иностранную валюту (см.: гл. 1—4 постановления Совета Министров СССР от 20 июля 1990 г. № 712 «О совершенствовании розничной торговли и оказания услуг на иностранную валюту на территории СССР»// СП СССР. 1990. Отд. 1. № 17. Ст. 92).

Еще более централизованную структуру представляют собой **концерн** и **межотраслевое государственное объединение (МГО)** как его разновидность. (МГО, как можно судить уже по названию, является объединением государственных организаций межотраслевого характера, тогда как концерн может быть и отраслевым, и негосударственным объединением, включающим в себя, например, кооперативы или арендные предприятия.)

Литовское законодательство также рассматривает концерны как «более высокие формы объединения предприятий, когда предприятия формально остаются независимыми, однако в финансовом отношении подчиняются господствующей группе участников концерна» (п. 3 постановления Совета Министров Литовской ССР от 25 сентября 1989 г.).

Концерн является добровольным объединением предприятий и организаций, обычно по производственному признаку, но всегда с **правами юридического лица как целого** (хотя и не обязательно с обособленным аппаратом управления, ибо централизованные функции могут быть возложены участниками на головную организацию концерна).

Организации, вошедшие в состав концерна или МГО, составляют единый хозяйственный комплекс, но внутренние взаимоотношения строят на основе взаимных договоров, а не иерархической подчиненности, сохраняя экономическую и юридическую самостоятельность.

В концерне обычно образуются централизованные фон-

ды и создаются общие «хозрасчетные фирмы» (внешнеторговые, рекламно-сбытовые и др.), а нередко — и свой коммерческий (отраслевой) банк.

Таков, например, государственный концерн «Норильский никель», созданный Норильским горно-металлургическим комбинатом, комбинатами «Североникель», «Печенганикель», Красноярским заводом цветных металлов и Оленегорским механическим заводом, ранее входившими в систему Министерства металлургии СССР (см.: Эконом. газ. 1989. № 47. С. 8).

Форму концерна избрали и получившие права юридического лица шахты бывшего объединения «Интауголь» (см.: Экономика и жизнь. 1990. № 6. С. 5), рассматривающие его как «союз равноправных производителей».

Вместе с тем более жесткую, чем в других объединениях, структуру управления концерном вновь использовали для сохранения прежнего аппарата управления некоторых министерств.

Например, в бывшем Министерстве промышленности стройматериалов входившие в его состав всесоюзные промышленные объединения преобразованы в 8 «концернов» («Цемент», «Асбест», «Асбестоцемент», «Техстекло», «Стромтепломаш», «Спецжелезобетон», «Союзминерал», «Строминноцентр»), а их объединили в Государственную ассоциацию «Союзстройматериалы», которой фактически объявили бывшее Минстройматериалов (см.: Правительственный вестник. 1989. № 24. С. 2). А на базе бывшего Министерства газовой промышленности «возник» государственный концерн «Газпром», объявленный добровольным объединением предприятий данного министерства.

Из этого, между прочим, видно, что министерство, принимая любую форму — «ассоциации» (Минудобрений), «концерна» (Мингазпром) и т. д., стремится к введению в принципе одинаковой, традиционной управленческой структуры, смазывая различия указанных организационных форм и используя для этого недостатки законодательства.

В связи с созданием всех перечисленных объединений возникает вопрос об их имущественной обособленности и правомочиях относительно переданного им участниками объединений имущества.

Такой вопрос не возникает лишь при создании консорциума, поскольку он, как правило, неправосубъектен и речь может идти только о праве общей долевой собственности участников (либо о соответствующем долевом вещном праве, если участники консорциума сами не являются

собственниками имущества, как, например, государственные организации).

Что же касается ассоциаций и концернов, а также отраслевых, межотраслевых, региональных и иных хозяйственных объединений — юридических лиц, то, становясь самостоятельными субъектами права — новыми юридическими лицами, — данные организации получают и соответствующую их статусу имущественную самостоятельность. При этом возможные сомнения относительно характера прав хозяйственной ассоциации, созданной исключительно несобственниками (государственными организациями в первую очередь), теперь прямо разрешены законом.

Согласно п. 1 ст. 16 Закона о собственности, любая хозяйственная ассоциация (в том числе и созданная исключительно государственными организациями) обладает **правом собственности** на имущество, добровольно переданное ей предприятиями и организациями, а также полученное в результате ее хозяйственной деятельности. (Обращает на себя внимание, что в числе хозяйственных ассоциаций Законом о собственности обоснованно не упомянут консорциум.)

С этой точки зрения добровольное создание государственными предприятиями различных хозяйственных ассоциаций, осуществляемое ими «самостоятельно на договорных началах», как говорил п. 7 ст. 5 Закона о госпредприятии (в редакции 1989 г.), можно рассматривать как еще одну **форму «разгосударствления» экономики**, ибо передаваемое ассоциации имущество по прямому указанию Закона тем самым выбывает из государственной собственности и превращается в коллективную собственность ассоциации.

Последняя, следовательно, становится самостоятельным субъектом отношений собственности, а принадлежащее ей право собственности — самостоятельной разновидностью права собственности юридических лиц.

Но если такое решение может быть оправдано применительно к имуществу, добровольно объединенному производственными предприятиями для общих хозяйственных нужд, то оно вызывает большие сомнения в отношении имущества объявивших себя «ассоциациями» и «концернами» министерств и их главков (ВПО). Ведь такое имущество во многих случаях не было им добровольно передано предприятиями и объединениями, оно не было ни заработано, ни арендовано, ни выкуплено ими, а получено от государства практически безвозмездно.

Все это напоминает почти анекдотическую историю с

созданием в Ленинском районе Москвы в 1989 г. кооператива «Дорожник». В собственность кооператива, согласно его уставу, зарегистрированному райисполкомом, безвозмездно перешли «все основные и производственные фонды райдоруправления Ленинского исполкома, как и прочее имущество», причем членами кооператива, не внося ни копейки взносов, стали 6 человек: бывший начальник управления, его заместитель, главный инженер, главный экономист, секретарь партбюро и председатель профкома, а остальные 310 работников стали его сотрудниками «по договору» (см.: Графов Д. Кооператив узкого круга//Московская правда. 1989. 19 сент.).

По существу, и здесь аппарат управления стал собственником государственного имущества (в форме столь своеобразного «кооператива»). Все это в значительной мере стало возможно благодаря недостаткам и непродуманности ряда законодательных решений.

Более правильно было бы рассмотрение государственных хозяйственных объединений такого типа не в качестве собственников, а в качестве субъектов ограниченного вещного права на переданное им государственное имущество.

Объекты права собственности хозяйственных ассоциаций. Здесь важно обратить внимание на то, что объектом права собственности хозяйственной ассоциации является лишь добровольно переданное ей организациями-учредителями имущество (и имущество, полученное в результате собственной хозяйственной деятельности), но не имущество входящих в ассоциацию предприятий и организаций (п. 2 ст. 16 Закона о собственности).

Поскольку последние сохраняют полную экономическую и юридическую самостоятельность, даже находясь в составе концернов, никаких вещных прав на их имущество объединение в целом (и тем более его аппарат управления) не приобретает.

Ассоциация становится собственником полученных ею в результате хозяйственной деятельности доходов и приобретенных имущественных комплексов (предприятий и организаций). Если эти предприятия и организации получают права юридического лица, то они одновременно становятся субъектами ограниченного вещного права на хозяйствование с имуществом, остающимся собственностью ассоциации. Что касается централизованных фондов, создаваемых участниками ассоциации, то они в зависимости от договоренности учредителей могут рассматриваться и как их общая собственность, и как собственность ассоциации.

6. Право собственности общественных и религиозных организаций

Субъекты права собственности общественных и религиозных организаций. Общественные организации — весьма широкое понятие, охватывающее, во-первых, политические партии и организации, причем не только строящиеся на началах членства, но и не имеющие жестко очерченных членством границ политизированные «общественные движения» («Саюдис» в Литве); во-вторых, добровольные организации (ДОСААФ) и общества (спортивные, культурно-просветительные — любителей книги, защиты памятников истории и культуры, борьбы за трезвость), в том числе общества по защите интересов тех или иных групп населения (например, слепых, глухих); в-третьих, творческие и аналогичные им союзы и объединения (театральных деятелей, журналистов, юристов и т. д.). К ним можно отнести благотворительные и иные фонды (Советский фонд культуры, Детский фонд, Фонд мира), особо выделяемые в п. 1 ст. 17 Закона о собственности. Наконец, к ним можно приравнять и религиозные организации (с имущественно-правовой точки зрения, по крайней мере), впервые за долгое время получившие нормативный имущественный статус на уровне закона (ст. 18 Закона о собственности).

Общественные организации существуют как в виде простых, **однозвенных структур** (например, московский клуб любителей животных «Фауна»), так и в виде гораздо более распространенных **многозвенных централизованных структур** (например, профсоюзов — от профкомов организаций до федерации профсоюзов страны).

Данное различие юридически важно потому, что однозвенные общественные организации признаются юридическими лицами как целое и в силу этого становятся обычными субъектами правоотношений, в том числе и правоотношений собственности. Что касается многозвенных организаций, то в них дело обстоит значительно сложнее.

Большие, массовые общественные организации с разветвленной структурой как целое не могут стать субъектами гражданского права — юридическими лицами, ибо столь громоздкая конструкция крайне осложнила бы реальное участие в имущественных отношениях низовых звеньев организации.

Юридическими лицами в многозвенных общественных организациях обычно признаются их отдельные звенья, начиная с районных, городских, а иногда — и с первичных

(например, профсоюзные комитеты на предприятиях и в учреждениях). Вместе с тем эти звенья не могут быть признаны собственниками находящегося у них имущества, ибо оно должно принадлежать общественной организации в целом.

Принцип «единства фонда собственности» общественной организации, означающий принадлежность на праве собственности всего имущества общества (системы) в качестве единого фонда одному, единому собственнику — обществу (системе) как целому, общепризнан в нашей правовой науке (см.: Масляев А. И. Право собственности профсоюзов СССР. М., 1976. С. 52). Более того, он прямо закреплен в уставах некоторых общественных организаций (см., например, пп. 75 и 77 Устава Всероссийского общества глухих, п. 63 Устава Всероссийского общества слепых// Уставы добровольных обществ, Сборник нормативных актов. В двух частях. Ч. 2. М., 1986. С. 57, 67). (К сожалению, большинство уставов общественных организаций либо вообще обходит вопрос об их имущественной обособленности, либо решает его крайне нечетко и расплывчато.)

В результате возникает определенная коллизия между признанием гражданской правосубъектности за отдельными звеньями общества и признанием права собственности за обществом в целом, не являющимся субъектом гражданского права (такая коллизия отсутствует лишь в однозвенных общественных организациях и в фондах).

Ясно при этом, что отдельные звенья организации, не будучи собственниками, но являясь имущественно обособленными субъектами гражданских правоотношений, должны быть признаны обладателями **ограниченного вещного права** на закрепленное за ними имущество общества. Правда, данное положение прямо зафиксировано лишь в п. 78 Устава общества глухих, но отсутствие таких указаний в уставах других общественных организаций можно отнести исключительно на счет упущений, допущенных их составителями в силу неосведомленности.

Признание крупных (многозвенных) общественных организаций едиными собственниками принадлежащего им имущества обладает, однако, не только недостатками чисто юридического характера, связанными с признанием субъектом права собственности неправосубъектного с точки зрения гражданского права образования. Традиционная и общепризнанная модель имущественных отношений, складывающихся внутри таких общественных организаций, по сути своей является слепком, копией традиционной мо-

дели государственной собственности со всеми присущими ей недостатками (сверхцентрализация, отчужденность рядовых участников и нижестоящих звеньев от реального использования имущества и т. д.).

Они еще более усугубляются отсутствием четкой нормативной регламентации рассматриваемых отношений, позволяющей, с одной стороны, фактически бесконтрольно распоряжаться данным имуществом центральным органам управления общественных организаций, с другой — не создавшей формальных препятствий для его фактического раздела или передела по национально-территориальному или любому другому принципу.

Отмеченное обстоятельство подтверждают и широко развернувшиеся в последнее время споры относительно принадлежности имущества КПСС и ВЛКСМ, особенно в связи с усилением федеративных начал в их внутренней организации.

С этой точки зрения более предпочтительной в современных условиях представляется **«модель кооперативного союза»**, когда собственником признается каждое звено организации, причем верхние звенья на сугубо добровольных началах объединяют часть имущества нижестоящих звеньев. Тогда, например, областные и приравненные к ним звенья организации первоначально получают в собственность только то имущество, которое им добровольно передадут районные и аналогичные им звенья, а соответственно республиканские и всесоюзные — лишь то имущество, которое им подобным же образом передают областные звенья.

Очевидно, что при таком подходе отпадает надобность в признании имущественной правосубъектности за организацией в целом, но одновременно устраняются и противоречия и недостатки, вызванные использованием для общественных организаций «принципа единства фонда», ранее свойственного государственной собственности.

Здесь важно подчеркнуть, что в качестве правосубъектного «звена» общественной организации следовало бы рассматривать не ее орган управления (комитет, совет и т. п.) соответствующего уровня, а саму организацию — районную, областную (как совокупность районных), республиканскую (как совокупность областных) и т. д.

Закрепленная же во многих действующих уставах общественных организаций конструкция «юридическое лицо — орган», как справедливо подметил А. И. Масляев, во-первых, противоречит закону, признающему юридическими лицами организации, а не их «органы» (ст. 11 Основ

гражданского законодательства 1961 г.); во-вторых, способствует подавлению демократических начал и усилению бюрократизации управления имуществом общественных организаций, ограничивая возможность рядовых членов активно участвовать в этом процессе (см.: Масляев А. И. Основные проблемы правового регулирования собственности общественных организаций//Сов. государство и право. 1989. № 1. С. 114).

Следовательно, правами юридического лица необходимо наделять сами районные, областные, республиканские и аналогичные им организации, а их соответствующие органы управления рассматривать в качестве органов этих юридических лиц — собственников своего имущества.

Разумеется, общественные организации в основном должны сами решать вопросы имущественной обособленности в своих уставах и положениях, однако существующая до сих пор практика показала свою полную несостоятельность.

Закон о собственности, признавая в п. 1 ст. 17 общественные организации собственниками имущества, не решил (да и не должен был решать) вопроса о **субъекте права собственности многозвенных общественных организаций**. Поэтому предложенное выше решение не противоречит этому закону, а предполагает установление большей четкости в имущественно-организационных отношениях с учетом очевидной необходимости их демократизации.

С учетом сказанного можно оценить установленное п. 1 ст. 17 Закона о собственности в РСФСР признание собственниками лишь тех общественных организаций (объединений), которые являются юридическими лицами.

Важно также отметить, что в силу многообразия разновидностей общественных организаций вряд ли можно найти и обосновать какой-либо единый подход к их структуре и соответственно — к имущественной (гражданской) правосубъектности.

Например, признание собственниками религиозных организаций в ст. 18 Закона о собственности само по себе тоже не предрешает вопроса о субъекте этой собственности, хотя и однозначно требует решения вопроса о **правосубъектности религиозных организаций**.

Ведь, как известно, с момента принятия одного из первых декретов Советской власти (от 23 января 1918 г.) церковные организации в нормативном порядке были лишены прав юридического лица и, следовательно, возможности нормально участвовать в имущественных отношениях.

Лишь в постановлении Совета Министров СССР от 10 января 1967 г. № 28 о хозяйственном снабжении церкви религиозные центры и епархиальные учреждения были наделены правами юридических лиц, но только в части приобретения транспортных средств, аренды, строительства и покупки строений в собственность для своих нужд, производства церковной утвари, предметов культа и продажи их обществам верующих, т. е. главным образом для участия в некоторых, строго определенных обязательственных (договорных) отношениях.

При этом низовые звенья церковных организаций (религиозные общины (приходы), монастыри и т. п.) прав юридического лица вообще не получили. Имущество же церкви, например православной, по-прежнему характеризуется принципом «единства фонда», т. е. именно православная церковь как целое считается собственником своего имущества (значительная часть имущества находится у религиозных организаций на правах арендованного у государства).

С этой позиции понятие «религиозная организация» как субъект права собственности (ст. 18 Закона о собственности) нуждается в легальном истолковании, которое должно последовать в готовящихся законодательных актах.

Не случайно эстонский Закон о собственности в ч. 1 ст. 27 рассматривает в качестве собственников лишь религиозные общины и их объединения (как юридические лица). Аналогичное решение предусмотрено и п. 1 ст. 19 Закона о собственности в РСФСР, признающей собственниками только религиозные организации, получившие права юридического лица.

С учетом того, что речь идет об отношениях коллективной собственности, субъектами которой сам закон объявил **юридических лиц** (п. 2 ст. 4 Закона о собственности), именно последние и должны, по общему правилу, рассматриваться в качестве юридических собственников. Поэтому столь важна четкая регламентация юридической личности общественных организаций, в значительной мере предопределяющая и характер их имущественной обособленности.

Сказанное, конечно, не означает, что всякое юридическое лицо в системе общественных организаций непременно должно быть собственником принадлежащего ему имущества.

Так, благотворительный фонд как юридическое лицо обладает имуществом на праве собственности, а созданные им юридические лица, например, его отделения обладают

имуществом на ином (ограниченном) вещном праве. Но если организация как целое не имеет прав юридического лица, то признание ее собственником может повлечь самые неблагоприятные экономические и юридические последствия.

Можно также констатировать, что новейшее законодательство стало в большей мере учитывать эти обстоятельства. В частности, теперь юридически удовлетворительно разрешена довольно острая проблема **имущественного положения органов территориального общественного самоуправления** (советов и комитетов микрорайонов и т. п.), которые не только бурно росли в последнее время, но и приобрели имущество как за счет добровольных взносов и пожертвований населения и находящихся на их территории предприятий и организаций, так и частично за счет передачи им некоторых ресурсов местных Советов.

На базе этого имущества данные организации развернули определенную хозяйственную деятельность (например, в Ленинском районе Москвы они вообще создавались не в виде советов микрорайонов, а в виде «социально-производственных комплексов»), включая создание новых, чисто хозяйственных организаций («хозрасчетных центров», кооперативов и т. д.).

Законом СССР от 9 апреля 1990 г. об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР (Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 16. Ст. 267) органы территориального общественного самоуправления не только признаны в качестве составной части системы местного самоуправления (п. 1 ст. 2), но и наделены правами юридического лица (п. 6 ст. 6).

Это дало возможность квалифицировать их правомочия по обладанию и самостоятельному использованию имеющихся в их распоряжении финансовых ресурсов (включая переданные местными Советами), а также право открывать банковские счета для денежных операций (ст. 21).

Ясно, что эти органы общественного самоуправления, будучи юридическими лицами, являются коллективными собственниками находящегося у них имущества.

Объекты права собственности общественных и религиозных организаций. Поскольку общественные и религиозные организации создаются не для коммерческих, а для политических и социально-культурных целей, их хозяйственная деятельность имеет вспомогательный характер, подчиненный главным целям. Поэтому находящееся у них

имущество служит материальному обеспечению их основной уставной деятельности и имеет **целевой характер (назначение)**, причем в его составе обычно преобладают объекты **непроизводственного назначения**.

С этой точки зрения можно сказать, что экономические отношения собственности общественных организаций (как принадлежность, присвоенность ими соответствующих материальных благ) вообще формируются не в сфере производства, а в сфере распределения и обмена и уже в силу этого не могут считаться «равноправной» формой собственности.

Не случайно в экономической литературе господствует отрицание собственности общественных организаций как самостоятельной разновидности (формы) экономических отношений собственности.

Вместе с тем крупные общественные организации создают самостоятельные производственные предприятия и обладают ими (например, типографиями, фабриками по производству спортивного и охотничьего снаряжения, созданными спортивными и охотничьими обществами и союзами, производственными мастерскими и т. п., соответствующими, однако, их «профилю деятельности»).

Указанные организации, приобретая права юридического лица, одновременно становятся обладателями **ограниченных вещных прав** (типа права полного хозяйственного ведения) на закрепленное на их самостоятельном балансе имущество общественных организаций.

Более того, они вправе взять это имущество в аренду у общественных организаций-собственников и преобразоваться в арендное предприятие в соответствии со ст. 24 Основ законодательства об аренде.

Практике известны и случаи выкупа имущества у общественной организации коллективом ее предприятия и создание затем самостоятельного коллективного предприятия-собственника. Это объясняется тем, что крупные общественные организации-собственники (профсоюзы, ДОСААФ и т. п.), обладавшие имуществом «на принципе единства фонда», столкнулись с теми же проблемами, что и государство-собственник, принципы хозяйствования которого они восприняли.

Существуют **особенности формирования имущества общественных организаций**. В тех из них, которые строятся на началах формального членства, важнейшим источником образования объектов общественной собственности становятся **членские взносы**

При создании благотворительных и иных общественных фондов их учредители должны передать в их собственность определенное имущество («первоначальный капитал»), правовой режим которого по сути аналогичен вступительным взносам.

Вторым важным источником создания этого имущества являются **добровольные пожертвования** организаций и граждан, а нередко — и безвозмездная **материальная помощь государства** (за счет которой, например, была сформирована значительная часть имущества профсоюзов).

Существенным источником обычно являются и **доходы** от собственной производственно-хозяйственной деятельности (например, издательской, полученной в виде значительной части прибыли собственных издательств или других производственных организаций), которая, однако, должна сохранять целевую направленность на обеспечение уставных задач организации.

Имущество общественной организации подразделяется на **фонды** в соответствии с ее уставом и в определенном им порядке. Даже при наличии формального членства общественная организация и ее члены несут **раздельную ответственность** по имущественным обязательствам.

Необходимо подчеркнуть, что при прекращении деятельности организации оставшееся у нее имущество идет на цели, предусмотренные ее уставом, а не распределяется между ее бывшими членами, как в кооперативах (п. 2 ст. 17 Закона о собственности). Данное положение прямо закреплено, например, в ч. 2 ст. 22 эстонского Закона о собственности.

Оно, в частности, служит существенным отличием имущественного положения членов общественной организации и членов кооператива. При выходе из общественной организации никаких имущественных расчетов с нею у бывшего члена не возникает. Следовательно, никаких паевых, долевых и тому подобных отношений данная форма коллективной собственности не предусматривает.

Законодательством могут определяться некоторые виды имущества, которые вообще не могут находиться в собственности общественных организаций, например, по соображениям безопасности. Вместе с тем определенные виды имущества, принадлежащие указанным организациям, забронированы от взыскания кредиторов. Например, их претензии не могут быть обращены на имущество культурного назначения, принадлежащее религиозным организациям.

ЛИТЕРАТУРА:

Басин Ю. Г. Некоторые существенные особенности аренды государственного имущества//Сов. государство и право. 1990. № 5.

Бондарь Л., Бокарева М. Концерн по-министерски//Хозяйство и право. 1990. № 4.

Гражданское и торговое право капиталистических стран/Под ред. В. П. Мозолина и М. И. Кулагина. М., 1980. § 4 гл. 4.

Кудрявцева Г. А. Собственность общественных организаций в структуре социалистической собственности. — В кн: Право собственности в условиях совершенствования социализма. М., 1989.

Кудрявцева Г. А. Имущественные права органов общесоюзных фондов и движений//Сов. государство и право. 1990. № 4.

Кулагин М. И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо. М., 1987. Гл. II.

Масляев А. И. Основные проблемы правового регулирования собственности общественных организаций//Сов. государство и право. 1989. № 1.

Право собственности в СССР/Под ред. Ю. К. Толстого, В. Ф. Яковлева. М., 1989. Разд. II (гл. гл. 3 и 4), разд. V.

Правовое положение совместных предприятий на территории СССР. М., 1988.

Прозоров В. Аренда предприятий (объединений)//Хозяйство и право. 1990. № 4.

Рахмилович В., Пугинский С. Аренда государственных предприятий//Сов. юстиция. 1990. № 16.

Сафиуллин Д. Общие положения об аренде//Хозяйство и право. 1990. № 3.

Суханов Е. Консорциум? Концерн? Акционерное общество?//Коммерческий вестник. 1990. № 3.

Суханов Е. Коллективная собственность//Коммерческий вестник. 1990. № 13.

Сыродоева О. Рыночная экономика и законодательство о совместной хозяйственной деятельности//Сов. юстиция. 1990. № 16.

1. Правовые формы индивидуального присвоения

Экономические формы индивидуального присвоения. Используемая Законом о собственности категория «собственность граждан» по существу представляет собой не юридическое, а экономическое понятие, практически тождественное понятию «индивидуальное присвоение».

Но индивидуальное присвоение (принадлежность) материальных благ может стать результатом самых разных экономических отношений. Во-первых, оно может быть **производственным**, т. е. представлять собой присвоение индивидуально произведенной продукции (результатов труда) на собственных (или арендованных) средствах производства. Во-вторых, речь может идти об индивидуальном присвоении собственником средств производства **результатов чужого труда**, без непосредственного участия в процессе производства. В-третьих, присвоение возможно в **процессе распределения (и перераспределения)**, а не производства (в том числе в таких формах, как доходы от ценных бумаг, получение имущества по наследству и т. п.).

В первом случае складываются отношения **мелкой частной (индивидуально-трудовой) собственности**; во втором — появляется **крупная частная собственность**.

Ведь частная собственность, по Марксу, существует именно там, где средства производства (труда) принадлежат частным лицам, причем в зависимости от того, являются ли они сами одновременно и работниками, или нет, т. е. участвуют ли непосредственно в процессе производства, существенно меняется и характер самой частной собственности.

Известно, что К. Маркс требовал не смешивать «два очень различных рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой — на эксплуатации чужого труда» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 774).

В третьем случае возникают экономические отношения **индивидуальной собственности (личной собственности)** как результат участия субъекта в распределительных, а не в непосредственно производственных отношениях.

С этой точки зрения можно сказать, что до сих пор у нас существовали в качестве признанных законом (легальных) две формы индивидуального присвоения: индивидуально-трудовая (мелкая частная) и личная собственность. Теперь стало возможным появление и других форм собственности (частной).

Личная собственность как форма индивидуального присвоения материальных благ. В условиях господства общественной собственности на средства и результаты производства (которая в наших условиях в основном отождествлялась с государственной собственностью) основной формой индивидуального присвоения стала личная собственность. Она, как форма индивидуального присвоения, полностью зависима (производна) от общественной собственности, чем и определяются все ее отличия и особенности (по сравнению с другими формами индивидуального присвоения).

Во-первых, личная собственность характеризуется особым источником возникновения — **труд в общественном производстве** (или в широком смысле слова — участие в общественном разделении труда), условиями принадлежности средств и результатов производства не отдельным лицам, а обществу (государству) в целом или отдельным крупным коллективам (колхозам, общественным организациям). С этой точки зрения она не может возникнуть у наемного работника, трудящегося у индивидуального предпринимателя.

Во-вторых, по экономической природе личная собственность представляет собой часть (долю) совокупного общественного продукта, предназначенную для **личного потребления**, а не для производственных нужд. Поэтому объектами личной собственности могут быть исключительно **предметы потребления**.

Таким образом, по содержанию и назначению (целям) отношения личной собственности являются индивидуальным присвоением материальных благ потребительского характера для удовлетворения личных потребностей. Иными словами, личная собственность характеризуется **производностью (зависимостью)** от общественной собственности и носит **потребительский**, а не производственный характер.

Такова суть традиционной трактовки отношений личной

собственности, и надо сказать, что в этом качестве личная собственность сохранится и далее (для той значительной части населения, которая по-прежнему будет работать исключительно или преимущественно на государственных или общественных предприятиях и в учреждениях).

Однако личная собственность — не единственно возможная форма индивидуального присвоения при социализме. Ведь некоторая часть населения и ранее вела мелкое индивидуальное хозяйство, т. е. мелкотоварное производство — индивидуальное производство товарной продукции (некооперированные кустари, крестьяне-единоличники и т. п.).

С точки зрения перечисленных выше признаков надо сказать, что доход этих лиц является результатом их личного труда (носит **трудовой характер**), но не в общественном, а в **индивидуальном** производстве; соответственно ими присваиваются не только предметы потребления, но и **мелкие средства производства**, а часть полученного дохода направляется на **производственные**, а не только на потребительские нужды.

Данные отношения экономически выступают уже не как личная, а как индивидуально-трудовая (мелкая частная) собственность.

Строго говоря, указанные две различные формы индивидуального присвоения требовали и различного правового опосредования. Однако наше законодательство (как, впрочем, и гражданское законодательство большинства восточноевропейских стран) распространило на данные отношения правила о личной собственности, учитывая трудовой характер обоих названных форм. Согласно ст. 115 ГК РСФСР (в редакции 1987 г.) и соответствующим статьям гражданских кодексов других союзных республик, к собственности граждан, занимающихся различными видами хозяйственной деятельности, «основанными исключительно на личном труде этих граждан и членов их семей», применяются правила о личной собственности, если законом не установлено иное.

Лишь в ст. 19 эстонского Закона об основах хозрасчета 1989 года впервые была четко проведена граница между личной собственностью как «основой удовлетворения личных потребностей» и мелкой частной собственностью как «экономической основой товарного производства, осуществляемого частными лицами».

Таким образом, различие этих экономических форм и их правового регулирования заключается не в объеме или

характере возможностей (правомочий) субъектов, а в основаниях возникновения, сферах действия и объектах.

Частная собственность как форма индивидуального присвоения материальных благ. Выше уже отмечено различие двух видов частной собственности и трудовой характер одного из них, обосновывающий принципиальную приемлемость для нас индивидуально-трудовой (мелкой частной) собственности, например, крестьянского хозяйства, что, правда, практически никто и не оспаривает.

Спор идет о другом виде частной собственности — **эксплуататорской**, связанной с использованием чужого наемного труда и присвоением его результатов. (Следует подчеркнуть, что ее признание автоматически повлечет и признание другого вида индивидуального присвоения — **индивидуальной**, а не личной собственности наемных работников.)

Вокруг этого вопроса развернулись наиболее острые дискуссии в ходе обсуждения и принятия Закона о собственности, тем более что он вообще отказался от идеологизированных понятий «социалистическая собственность», «личная собственность», «частная собственность», предоставив тем самым широкий простор для толкования.

Решение вопроса частной собственности должно опираться на содержательный анализ данной категории, а не на идеологические догмы. Из марксистского понимания частной собственности следует, что главный, коренной ее порок — **эксплуататорский характер** присвоения собственником средств производства результатов чужого (наемного) труда.

Однако здесь прежде всего следует оговорить, что наемный труд — не труд по найму. В экономическом понимании наемный труд — категория, парная капиталу, а потому в качестве политэкономического понятия она вообще неприменима к нашему обществу, где такой капитал просто отсутствует.

Труд по найму — совершенно иное социально-экономическое явление. Современное крупное машинное производство вообще невозможно без коллективного труда многих людей, которые далеко не всегда одновременно становятся и собственниками средств производства.

Труд по найму, т. е. труд, основанный на свободном договоре с собственником, в ходе которого и реализуется «исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду» (п. 2 ст. 6 Закона о собственности), в наших современных усло-

виях — не зло, а благо, социальное достижение по сравнению с принудительными формами организации труда.

Эти последние, свойственные рабовладельческой и феодальной формациям, до сих пор до конца не изжиты в нашей экономике (если вспомнить о принудительном труде учащихся и инженерно-технических работников на сельхозработах, овощебазах, уборке улиц, широком распространении труда осужденных и т. д.). Сам по себе «запрет наемного труда» при таком подходе теряет смысл.

Пороком, следовательно, является не «наемный труд» как таковой, а его «эксплуатация», понимаемая как неоправданное присвоение собственником средств производства прибавочной стоимости в форме присвоения определенной (большей) части произведенного работником продукта.

Здесь надо учесть, во-первых, высказанное еще Марксом соображение о невозможности отдать работнику «полный», «неурезанный» продукт труда, ибо известная часть его все равно должна идти и на производственные, и на общественные нужды (см. полемику с Ф. Лассалем в «Критике Готской программы»).

Видимо, и некоторый предпринимательский доход собственника, по крайней мере как организатора производства, тоже не противоречит представлениям о социальной справедливости.

Во-вторых, и социалистическое государство, будучи главным работодателем, также фактически использует в тех или иных рамках изъятие данной прибавочной стоимости.

И, наконец, в-третьих, получается, что если «убрать» указанный «элемент эксплуатации», то оказывается оправданным и возможным существование и частной собственности.

Как справедливо отмечено в литературе, «мерой эксплуатации можно управлять вплоть до практического ее уничтожения в любых формах собственности. Но не путем заклинаний и ущемлений» (Денисов А. Догматизм — идеология застоя//Правда. 1990. 1 марта. С. 3).

Для устранения пороков частной собственности необходимо не демагогический запрет «эксплуатации наемного труда», без которого немисливо современное производство, а его четкое регулирование, реально исключающее социальную несправедливость.

С этой целью представляется достаточным соблюдение трех основных условий использования всяким собственни-

ком (государством, коллективным или индивидуальным предпринимателем) **труда по найму**: во-первых, собственник обязан платить за нанятых им работников **налоги и вносить платежи** в местный и государственный бюджеты; во-вторых, он должен делать взносы на их **социальное страхование и социальное обеспечение**; в-третьих, направлять на оплату их труда **долю от общей прибыли (дохода)**, получаемого за счет их труда.

Размер указанной доли можно определять в трудовом (индивидуальном или коллективном) договоре с работодателем, заключаемом и исполняемом под контролем профсоюзов.

Конкретный ее объем будет колебаться в зависимости от результатов всей производственно-хозяйственной деятельности и тем самым усиливать заинтересованность работника в результатах его труда. Тогда наемный работник по сути будет поставлен в положение сохозяина, а не поденщика. Распространение **указанных принципов в равной мере на всех собственников, использующих наемный труд**, на деле поставит их в равные экономические условия.

Данный подход нашел известное отражение в п. 4 ст. 1 Закона о собственности, разрешающем **любому** собственнику заключать договоры с гражданами об использовании их труда при осуществлении принадлежащего ему права собственности. Требуется **одновременно**, чтобы, «независимо от формы собственности, на основе которой используется труд гражданина», ему обеспечивались бы «оплата и условия труда, а также другие социально-экономические гарантии, предусмотренные действующим законодательством».

А п. 3 ст. 6, в свою очередь, разрешает работнику «с согласия собственника внести денежный или иной вклад в имущество предприятия, иной хозяйственной организации, крестьянского или другого трудового хозяйства, в котором он работает по трудовому договору, и участвовать в распределении прибыли (дохода) такого предприятия (организации) или хозяйства пропорционально размеру этого вклада».

Тем самым сделан важный шаг на пути признания работника при определенных условиях совладельцем предприятия (хозяйства), в котором он трудится.

Иное дело, как оценивать эти условия. Согласно настоящей редакции Закона о собственности, они включают в себя, во-первых, особый **вклад работника** (денежный или иной, например, в форме его исключительного права на изобретение, рационализаторское предложение), помимо

его трудового участия, и, во-вторых, **обязательное согласие собственника**. При отсутствии любого из них возможность участия в доходах (прибылях) для работника исчезает.

Между тем, главным основанием такого участия должен был бы стать самый факт производительного труда работника, собственно говоря, и создающего доход предприятия, на котором он трудится. С этой позиции более предпочтительна обсуждавшаяся в процессе разработки законопроекта о собственности идея о необходимости лишь одного условия — годовичного стажа работы на предприятии — для того, чтобы работник мог получить некую долю от его доходов (хотя и здесь могли бы появиться попытки собственников прибегать преимущественно к срочной форме трудового договора с тем, чтобы исключить долевое участие работников в их доходах).

Так или иначе, использование предложенного пути способно снять вопрос об «эксплуатации наемного труда» и допустимости частной собственности в рамках социалистического выбора.

Правовые формы индивидуального присвоения. Таким образом, за формулой «собственность граждан» скрываются не только различные формы индивидуального присвоения, но и соответствующие им различные правовые формы их опосредования. Можно сказать, что индивидуальное присвоение (собственность граждан), будучи самостоятельной формой собственности (наряду с коллективной и государственной), проявляется не в одной, а в **нескольких** правовых формах.

В их числе следует назвать: **право личной собственности** (в традиционном понимании), **право индивидуально-трудовой (мелкой частной) собственности**, **право частной собственности** (возникающее при определенных, прямо предусмотренных законом условиях), а также иные **вещные права граждан** (например, право пожизненного наследуемого владения земельным участком в соответствии с п. 4 ст. 6 Закона о собственности, или право пользования объектами кооперативной собственности в соответствии с п. 2 ст. 7).

Несмотря на отсутствие в Законе о собственности ряда из перечисленных категорий, содержание его конкретных правил дает все основания для такой дифференциации.

Следует отметить, что все упомянутые институты (личной, индивидуально-трудовой и частной собственности) об-

ладают рядом общих юридических черт, позволивших объединить их в общую категорию.

В качестве субъекта права собственности в данных отношениях всегда выступает отдельный гражданин (физическое лицо) либо простая совокупность граждан (супруги, семья), но не организация.

Основа возникновения этих отношений в конечном счете всегда **трудовая** (даже для «частной собственности» в изложенном выше понимании, предполагающей непосредственное участие собственника по крайней мере в предпринимательской деятельности).

Наконец, наличие тех или иных **ограничений объектов названных прав** (определенные виды имущества в соответствии с правилами п. 3 ст. 7 Закона о собственности и абз. 4 ст. 7 постановления Верховного Совета СССР о введении его в действие не могут находиться в собственности граждан).

С этой точки зрения наличие в Законе о собственности общего понятия «собственности граждан» дает возможность **свободного перехода** от одних допускаемых законом форм индивидуального присвоения к другим.

Ведь содержание правомочий всех собственников теперь одинаково, а правовой режим различных форм индивидуального присвоения максимально сближен (хотя и не полностью тождествен). Поэтому возможные «пограничные ситуации» не должны вызывать больших практических затруднений и тем более породить негативные общественные оценки.

Основным и практически единственным последствием такого «перехода» (например, от личной к «частной» собственности) должно быть изменение налогообложения имущества (доходов) собственника (которое, как известно, является важнейшей экономико-правовой предпосылкой функционирования всякой собственности в условиях развитого товарообмена).

Основное внимание, следуя Закону о собственности, необходимо уделить двум главным правовым институтам, оформляющим сегодня экономические отношения индивидуального присвоения в нашей стране: праву личной собственности и праву индивидуально-трудоустроенной собственности граждан. При этом важно подчеркнуть, что их юридическое содержание практически одинаково.

В объективном смысле они представляют собой совокупность правовых норм, закрепляющих и охраняющих принадлежность соответствующих материальных благ

гражданам (для личной собственности — предметов потребления, полученных в результате участия в общественном производстве, а для индивидуально-трудовой — соответствующих средств производства и результатов труда).

В субъективном смысле они вообще ничем не отличаются от других прав собственности (п. 2 ст. 1 Закона о собственности). Поскольку основное различие данных форм составляет **правовой режим их объектов** (а также, разумеется, источников их возникновения), последние и станут предметом дальнейшего рассмотрения.

2. Объекты права личной собственности граждан

Общая характеристика объектов права личной собственности. Все эти объекты в экономическом смысле характеризуются **трудовым** происхождением. Их главный источник — трудовые доходы и сбережения, полученные от участия в общественном производстве (или в общественном разделении труда).

Речь идет не только о зарплате, пенсии и тому подобных доходах и приобретенном за их счет имуществе, но и о доходах от средств, вложенных в кредитные учреждения (отделения банка) и ценные бумаги (акции трудового коллектива, облигации госзаймов и т. п.).

Все они по указанному признаку должны быть отнесены в одну группу объектов гражданских прав. Более того, в новых условиях данная группа будет расширяться, охватывая безусловно трудовые по характеру доходы, например, в виде процентов, начисляемых на «вклад» (долю) работника коллективного или государственного предприятия «в размере, определяемом трудовым коллективом исходя из результатов хозяйственной деятельности предприятия» (п. 2 ст. 12, п. 2 ст. 25 Закона о собственности). Сюда же следует, кроме того, отнести и имущество, полученное гражданами по наследству и по другим законным основаниям.

Закон о собственности внес принципиальную новеллу в правовой режим всех перечисленных объектов. Им впервые в нашем законодательстве предусмотрено, что состав и стоимость имущества, приобретенного гражданином за счет его трудовых доходов и сбережений и по другим основаниям, допускаемым законом, **не ограничиваются** (п. 3 ст. 7).

Тем самым **отпали все ограничения количественного**

характера, устанавливаемые ранее, например, на размер и количество жилых домов, которые могут находиться в собственности гражданина, правила о предельном количестве скота, которое он вправе содержать, о количестве легковых автомобилей, регистрируемых на одно лицо, и т. п. (если, конечно, законодательными актами Союза ССР, союзных и автономных республик те или иные виды объектов не отнесены к имуществу, которое не может находиться в собственности граждан, прежде всего, по соображениям общественной безопасности, либо в соответствии с международными договорами СССР).

В этой связи вызывает большие сомнения обоснованность Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 января 1990 г. «О внесении изменений в Земельный и Гражданский кодексы РСФСР» (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1990. № 3. Ст. 78), в соответствии с которым размер жилого дома, принадлежащего гражданину на праве личной собственности, должен определяться не законом (ст. 106 ГК РСФСР), а «в порядке, устанавливаемом Советом Министров РСФСР», т. е. подзаконными актами.

С точки зрения закона единственным ограничением объектов права личной собственности теперь должен стать именно характер доходов или иных оснований, по которым они приобретены (**законный**).

Данное обстоятельство важно подчеркнуть потому, что количественные ограничения объектов права личной собственности в нашем законодательстве традиционно служили одним из главных регуляторов экономических отношений индивидуального присвоения, прямо нацеленным на сохранение и строгое поддержание их потребительской направленности и исключаящее их преобразование в производственное присвоение.

Их отмена свидетельствует о признании нашим законодателем принципиальной однородности отношений индивидуального присвоения, независимо от их производственной или потребительской направленности (характера), ставшей базой для их единообразного правового регулирования в рамках института «собственности граждан».

Другим важнейшим регулятором отношений личной собственности, также традиционно служившим обеспечению ее социально-экономической специфики, является закрепленный гражданским законодательством запрет извращения ее потребительского характера, т. е. жестоко установленная **граница (предел) осуществления права**

личной собственности. Такой границей стал **запрет извлечения нетрудовых доходов** (ст. 25 Основ гражданского законодательства 1961 г., ст. 111 ГК РСФСР и аналогичные статьи гражданских кодексов других союзных республик).

Законодательство не давало определения нетрудового дохода. В теоретической литературе и правоприменительной практике нетрудовой доход обычно рассматривался как разновидность незаконного (неправомерного) дохода, полученного гражданином-собственником либо без приложения собственного труда, либо с присвоением в той или иной форме результатов чужого труда (см.: Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. С. 121—122).

Классическим примером нетрудового дохода является доход, полученный гражданином от сдачи внаем своего или государственного имущества, например жилья, по повышенным («спекулятивным») ставкам.

В истории нашего гражданского законодательства было несколько этапов усиленной борьбы с нетрудовыми доходами. Так, еще в начале 60-х годов были приняты правила об изъятии у граждан не только нетрудовых доходов, а некоторых, наиболее ценных видов имущества, нажитых на нетрудовые доходы, хотя бы оно и использовалось собственниками для чисто потребительских нужд.

Такой порядок, например, был предусмотрен ст. 110 ГК Латвийской ССР для домов, дач, других строений и автомобилей, а ст. 105 ГК Казахской ССР — также и для любого вообще ценного имущества. В РСФСР были приняты Указы Президиума Верховного Совета от 26 июля 1962 г. «О безвозмездном изъятии домов, дач и других строений, возведенных или приобретенных гражданами на нетрудовые доходы» и от 28 сентября 1963 г. «О безвозмездном изъятии автомашин у собственников домов, дач и других строений, возведенных или приобретенных на нетрудовые доходы» (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 30. Ст. 464; 1963. № 39. Ст. 699). При этом бремя доказывания источников приобретения перечисленных объектов возлагалось на гражданина.

Последний по времени «всплеск» произошел в 1986 году с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 мая 1986 г. «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов» (Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 22. Ст. 364) и постановления Совета Министров СССР от 15 мая 1986 г. № 575 «О мерах по уси-

лению борьбы с нетрудовыми доходами» (СП СССР. 1986. Отд 1. № 21. Ст. 121).

В экономической литературе он получил даже развернутое теоретическое обоснование (см.: Нетрудовые доходы и экономические методы борьбы с ними//Вопросы экономики. 1987. № 6. С. 105—115).

Между тем все эти кампании показали крайнюю неэффективность и даже вредоносность. Ведь практически под указанную категорию подводили едва ли не любой источник **Дополнительного дохода**, выходящего за рамки «общепринятого» в тогдашнем общественном сознании (вплоть до получения имущества по наследству).

В настоящее время те неблагоприятные социально-экономические явления, борьба с которыми осуществлялась в рамках запрета извлечения нетрудовых доходов, достаточно четко дифференцировались на допущенные законодательством (и, стало быть, **законные**) и прямо запрещенные им, т. е. **незаконные**.

Использование своего и тем более государственного имущества для хозяйственной деятельности без надлежащего оформления (например, аренды, права на занятие индивидуальной трудовой или другой разрешенной законом деятельностью производственно-хозяйственного характера) осталось по-прежнему неправомерным.

Некоторые формы «дополнительной» и даже «инициативной» предпринимательской деятельности получили прямое разрешение, в том числе как источники образования мелкой частной (индивидуально-трудовой) собственности (личное подсобное хозяйство, индивидуально-трудовая и кооперативная деятельность и т. д.). В обоих случаях надобность в применении понятия «нетрудовой доход» исчезает.

С признанием необходимости многообразия форм собственности, включая допустимость при известных условиях частной собственности с присвоением результатов чужого труда (в предусмотренных законом рамках), данное понятие должно исчезнуть, ибо оно было рассчитано исключительно на личную собственность как единственно свойственную социализму форму индивидуального присвоения.

Поэтому законодательство о нетрудовых доходах следует признать противоречащим основным направлениям экономической и правовой реформы нашего общества. Не случайно Закон о собственности вообще не упоминает о «нетрудовых доходах». Более того, по смыслу п. 1 ст. 6 этого Закона источником «собственности граждан» явля-

ются любые доходы, допускаемые Законом (законные), и противопоставить им можно лишь незаконные (неправомерно полученные) доходы. «Трудовые доходы» рассматриваются Законом лишь как один из возможных, хотя и первостепенный по значению, источник «собственности граждан».

Жилые дома как объекты права личной собственности. В перечне объектов собственности граждан, установленном в п. 1 ст. 7 Закона о собственности, жилые дома, дачи, садовые дома поставлены на первое место как обеспечивающие удовлетворение важнейших потребностей граждан.

Здесь следует подчеркнуть, что право собственности на жилой дом неразрывно связано с использованием земельного участка, на котором он находится. Это особенно важно в условиях отсутствия индивидуальной собственности на землю, при которых собственник дома и собственник земли не могут совпасть в лице гражданина или группы граждан.

Отсюда — и требование об обязательной регистрации всех сделок с жилыми домами и дачами в исполкоме местного Совета, обычно распоряжающегося земельными участками, а потому имеющего законную возможность отказать в совершении такой сделки.

С этой точки зрения важно подчеркнуть ряд принципиальных новелл, внесенных новым законодательством в регулирование отношений собственности граждан на жилой дом.

Прежде всего, ст. 20 новых Основ законодательства о земле теперь прямо предусмотрено **право граждан на получение в пожизненное наследуемое владение земельных участков** для строительства и обслуживания жилого дома, для садоводства и дачного строительства и, наконец, — специально для случаев получения по наследству или приобретения жилого дома, что особенно важно для граждан, постоянно проживающих в другой местности и не желающих менять место жительства, а предполагающих использовать полученный дом как дачу для отдыха.

Ранее такая возможность была затруднена и впервые законодательно признана лишь в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1987 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 32. Ст. 514).

Вместе с тем следует иметь в виду, что последовавшее в 1987 году **разрешение гражданам использовать пустующие жилые дома и приусадебные участки в сельской мест-**

ности (постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июля 1987 г. № 854//СП СССР. 1987. Отд. 1. № 41. Ст. 134) не предусматривало возможности приобретения таких домов в собственность граждан.

«Продажа» указанных домов гражданам для сезонного или временного проживания обуславливалась не только необходимостью заключения договора с колхозом или совхозом на выращивание и продажу сельхозпродукции «с приусадебных участков или других выделяемых для этих целей земель», но и строго целевым характером возникающего у гражданина права и невозможностью свободного распоряжения приобретенным имуществом (в частности, последующая перепродажа допускалась в таком же порядке, как и первоначальное приобретение, т. е. с согласия правления колхоза или администрации совхоза, в свою очередь зависящего от согласия приобретателя на выращивание сельхозпродукции; ничего не говорилось о возможности наследования данного имущества и т. д.).

Хотя названный нормативный акт и говорил о «собственнике дома», характер имевшихся у владельца правомочий заставляет серьезно усомниться в этом.

Вместе с тем законодательством последовательно проводится линия на развитие **индивидуального жилищного строительства** как важнейшего основания приобретения права собственности на жилой дом.

В частности, п. 20 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 февраля 1988 г. № 197 (СП СССР. 1988. Отд. 1. № 11. Ст. 28) отменены все ранее действовавшие правительственные решения, ограничивающие такое строительство, а данным постановлением в целом установлен ряд условий и льгот, призванных содействовать ускорению указанного процесса.

Важное практическое значение приобретает разрешение разнообразных и довольно многочисленных споров, возникающих в связи с индивидуальным жилищным строительством (например, созастройщиков и других лиц, в той или иной мере помогавших в строительстве жилого дома, бывших супругов или членов их семей о разделе дома и т. д.).

Все они достаточно четко освещены в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1981 г. «О судебной практике по разрешению споров, связанных с правом личной собственности на жилой дом» (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1981. № 5. С. 13 и сл.), которое и содержит обязательные указания о порядке их разреше-

ния. Опубликованы и материалы конкретной судебной практики по данной категории дел (см.: Разрешение споров, связанных с правом личной собственности на жилой дом//Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 3. С. 40—48).

Квартиры в государственном, кооперативном или общественном жилом доме как объект права личной собственности. Новое законодательство предусматривает возможность появления права собственности граждан на занимаемые ими квартиры в домах, принадлежащих государству, общественной организации или кооперативу, если квартиры предоставлены по договору жилищного найма (в домах государственного и общественного жилищного фонда) либо на праве пользования как члену соответствующего жилищного или жилищно-строительного кооператива (п. 2 ст. 7 Закона о собственности).

Такая возможность также является принципиальной новеллой нашего современного гражданского права.

Впервые она была закреплена постановлением Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 г. № 1400 «О продаже гражданам в собственность квартир в домах государственного и общественного жилищного фонда» (СП СССР. 1989. Отд. 1. № 1. Ст. 4) и последовавшими в его развитие республиканскими Положениями о порядке такой продажи (см., например: СП РСФСР. 1989. № 13. Ст. 72; Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР. 1989. № 10. Ст. 115 и др.).

При этом предполагалось, что одна семья сможет приобрести только одну квартиру (при соблюдении действующих жилищных норм), а в качестве покупателей будут выступать прежде всего граждане, либо уже использующие квартиру по договору жилищного найма, либо нуждающиеся в улучшении жилищных условий.

Для граждан предусматривались возможность рассрочки оплаты и другие льготы. Договор оформлялся в нотариальной конторе с последующей регистрацией и получением «регистрационного удостоверения на право собственности». С момента регистрации в местном Совете (бюро технической инвентаризации) у приобретателя возникает право собственности на квартиру. Он вправе распоряжаться ею по своему усмотрению — продавать, завещать, сдавать в аренду и совершать иные сделки, не противоречащие закону (абз. 3 п. 2 ст. 7 Закона о собственности).

По сути аналогичное правило предусмотрено в абз. 1 п. 2 ст. 7 Закона о собственности для **кооперативных**

квартир. Член кооператива, полностью внесший паевой взнос за квартиру, предоставленную ему в пользование, становится ее собственником со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, данное правило распространено и на **дачу, гараж, иное строение** или помещение, предоставленные члену кооператива (дачного, гаражного, садоводческого товарищества и т. д.).

Этим, в частности, окончательно разрешен длительный спор в науке и правоприменительной практике о субъекте права собственности на садовый домик (было распространено мнение о том, что собственником садового домика следует признавать садоводческое товарищество как кооператив, поскольку сам садовод не обладал возможностями самостоятельного и свободного распоряжения указанным имуществом).

Следует подчеркнуть, что ранее были сняты ограничения по обустройству садовых участков и разрешено возводить отапливаемые садовые домики площадью застройки до 50 кв. м без учета площади террасы (веранды) и мансарды (см. п. 7 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 сентября 1987 г. № 1079//СП СССР. 1987. Отд. 1. № 46. Ст. 153), а размер садового участка увеличивать до 1000 кв. м (п. 10 постановления Совета Министров РСФСР от 5 июля 1989 г. № 216//СП РСФСР. 1989. № 18. Ст. 104).

Иные объекты права личной собственности. В собственности граждан может находиться и иное имущество потребительского, а также и производственного назначения. Это — транспортные средства, денежные средства (наличные деньги, в том числе в установленных законом случаях и пределах — иностранная валюта, и вклады в кредитных учреждениях, как известно, представляющие собой по существу права требования), акции и другие ценные бумаги, предметы домашнего хозяйства и личного потребления.

Их правовой режим подробно рассматривается в теме «Объекты гражданских прав» и пока не претерпел сколько-нибудь существенных изменений. Следует лишь напомнить об ограниченной оборотоспособности ряда перечисленных объектов, особенно находящихся у граждан ценных бумаг (акций, облигаций, чеков, сертификатов и т. п.), многие из которых, во всяком случае, пока имеют именной характер и потому практически неотчуждаемы, хотя и не перестают быть объектами права собственности их владельцев.

Некоторые новшества можно ожидать в связи с повы-

шением ставок госпошлины за удостоверение сделок с автотранспортными средствами, принадлежащими гражданам (см. постановление Совета Министров СССР от 25 октября 1989 г. № 894//СП СССР. 1989. Отд. 1. № 35. Ст. 161). Поскольку эти ставки за удостоверение договоров дарения автомобилей и мотоциклов составляют теперь те же 7%, что и в комиссионных магазинах (если не считать дарения детям, супругу или родителям собственника), отпадают целесообразность совершения притворных сделок дарения, прикрывающих договоры купли-продажи с целью сэкономить разницу между комиссионным вознаграждением магазина и госпошлиной, и соответствующие им споры.

Что касается упомянутых Законом о собственности в качестве объектов собственности граждан средств производства для ведения крестьянского и другого трудового хозяйства, личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества, индивидуальной и другой хозяйственной деятельности, а также произведенной продукции и полученных доходов (и иного имущества производственного назначения), то перечисленное имущество следует относить к объектам права индивидуальной трудовой (мелкой частной) собственности.

Конечно, четкое юридическое разграничение объектов личной и мелкой частной собственности весьма затруднительно (в связи с чем Закон о собственности отказался от него). Поэтому в особом рассмотрении нуждаются такие «пограничные» явления, как личное подсобное хозяйство и индивидуальная трудовая деятельность — источники образования личной и мелкой частной собственности.

3. Личное подсобное хозяйство и индивидуальная трудовая деятельность как правовые формы индивидуального производства и присвоения

Личное подсобное хозяйство и его правовая регламентация. В нашей стране личным подсобным хозяйством занимаются десятки миллионов граждан. Они выращивают сельхозпродукцию, причем не только для индивидуального и семейного потребления, но и для сбыта на так называемых колхозных рынках, а также для последующей продажи колхозам и совхозам в соответствии с предварительно заключенными договорами. Таким образом, осуществляется **мелкотоварное производство.**

В условиях господства личной собственности потребительского характера как практически единственной прямо допускаемой законом формы индивидуального присвоения личное подсобное хозяйство, в той или иной мере связанное с производственно-хозяйственной деятельностью, нуждалось в специальной регламентации.

Такая развернутая регламентация личных подсобных хозяйств граждан последовала в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 января 1981 г. № 27 «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан» (СП СССР. 1981. Отд. 1. № 6. Ст. 37), а затем в пп. 1—3 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 сентября 1987 г. № 1079 «О дополнительных мерах по развитию личных подсобных хозяйств граждан, коллективного садоводства и огородничества» (СП СССР. 1987. Отд. 1. № 46. Ст. 153). Кроме того, личное подсобное хозяйство члена колхоза особо регулируется разд. IX (пп. 57—61) Примерного Устава колхоза 1988 года.

Основные принципы законодательного регулирования данных отношений следующие: 1) основная направленность на удовлетворение **собственных потребностей** жителей и членов их семей в продуктах питания; 2) сбыт **излишков** на рынках, по договорам с организациями потребительской кооперации и заготовителями; 3) всемерное развитие взаимосвязей и кооперации личных подсобных хозяйств с **общественным производством** (на договорных условиях); 4) **учет участия в общественном производстве** лиц, ведущих личное подсобное хозяйство, при предоставлении им земельных участков, заключении договоров на откорм и продажу сельскохозяйственных животных, предоставлении различных льгот.

Речь, следовательно, шла о том, что личное подсобное хозяйство остается именно **личным** (ведущимся исключительно личным трудом граждан и членов их семей) и **подсобным** (вспомогательным по сравнению с трудом в общественном производстве — колхозе или совхозе, — остающимся основным источником доходов).

При таком подходе личное подсобное хозяйство оставалось **источником личной собственности** граждан в традиционном понимании, не меняя ее потребительской направленности и производного характера.

Товарная сторона личного подсобного хозяйства еще в начале 80-х годов не имела большого значения. Уровень

его товарности (доля продукта, производимого в качестве товара, для продажи, по сравнению с долей продукта, непосредственно потребляемого самим производителем и членами его семьи) в этот период в нашей стране в среднем составлял всего 25%, хотя и довольно сильно колебался по отдельным регионам.

Это означало, что в среднем три четверти сельхозпродукции, производимой личными подсобными хозяйствами граждан, ими же и потреблялось, да и полученный от продажи излишков продукции доход опять-таки в основном шел на потребительские, а не на производственные нужды.

Вместе с тем в теоретической литературе с принятием специального законодательства о личных подсобных хозяйствах, прямо разрешившего им производственно-хозяйственную деятельность, стали широко обосновываться идеи о новом, «производственном» характере личной собственности (см.: Козырь М. И. Правовое регулирование личного подсобного хозяйства граждан. М., 1981; Рубанов А. А. Конституционные основы права личной собственности в СССР//Сов. государство и право. 1981. № 4).

В рамки традиционно понимаемой личной собственности иногда пытались включить все отношения индивидуального присвоения, в том числе и мелкую частную (индивидуально-грудовую) собственность. Это можно было объяснить лишь отсутствием прямого признания в гражданском законодательстве иных правовых форм индивидуального присвоения, кроме права личной собственности граждан.

Личное подсобное хозяйство при сохранении вспомогательного (подсобного) характера, личного характера труда (при безусловном исключении найма работников), тесной связи с общественным производством, отсутствии отношений расширенного воспроизводства и сравнительно низкого уровня товарности, а также достижении **социальных, а не только чисто экономических целей** (разумная организация досуга, трудовое воспитание детей и т. п.) не выходило в целом за традиционные рамки личной собственности. В этом качестве оно может и должно рассматриваться как еще один, **дополнительный** (по сравнению с доходами от участия в общественном производстве) экономический источник образования личной собственности граждан.

В середине 80-х годов начался **рост уровня товарности** личных подсобных хозяйств. По некоторым видам сельхоз-

продукции (мясо, овощи) он стал приближаться к 50%, а в ряде регионов превысил и этот рубеж. Оказалось, что значительная часть этих хозяйств функционирует преимущественно или даже исключительно как мелкотоварное производство, причем дающее производителю основную долю его доходов и превращающее в дополнительное уже его участие в общественном производстве.

Причины этой ситуации следует искать в недостатках механизма общественного производства сельхозпродукции и ухудшении экономической ситуации в стране, особенно с продуктами питания. Но в результате личные подсобные хозяйства в ряде случаев уже перестали отвечать перечисленным выше критериям, позволявшим рассматривать их как источники личной собственности. В них сохранился лишь личный характер труда, но стала преобладать товарная направленность.

В данных условиях необходимо говорить об эволюции социально-экономической природы личных подсобных хозяйств. Какая-то их часть сохранила подсобный характер, а какая-то перешла в новое качество.

В условиях нарастания экономических трудностей было бы, конечно, неправильным добиваться сохранения их традиционной природы с помощью ужесточения правового режима. Напротив, несомненная хозяйственная польза от их деятельности дала основания для их дальнейшего развития, но уже в качестве источника другой формы собственности. Вместе с тем практическая дифференциация личных подсобных хозяйств на источники личной и мелкой частной собственности с самостоятельным правовым режимом вряд ли целесообразна.

С учетом их трудового и одновременно производственного характера Закон о собственности распространил на все личные подсобные хозяйства граждан режим собственности крестьянского хозяйства (п. 3 ст. 9), т. е. по сути объявил их объектом индивидуально-трудовой (мелкой частной) собственности.

Индивидуальная трудовая деятельность и ее правовая регламентация. Аналогичная ситуация сложилась и с индивидуальной трудовой деятельностью. Она, как известно, получила развернутое законодательное регулирование в общесоюзном Законе об индивидуальной трудовой деятельности от 19 ноября 1986 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 47. Ст. 964).

При этом необходимо подчеркнуть, что ч. 2 ст. 1 этого Закона дала **особое определение индивидуально-трудовой**

деятельности, отнюдь не совпадающее с экономическим понятием индивидуального труда или индивидуального производства.

В смысле Закона об индивидуальной трудовой деятельности таковой считалось лишь «общественно полезная деятельность граждан по производству товаров и оказанию платных услуг», не связанная с их трудовыми отношениями, а также исключавшая привлечение наемного труда, «извлечение нетрудовых доходов» или причинение ущерба общественным интересам (чч. 2 и 4 ст. 1).

Таким образом, речь могла идти лишь об «общественно полезной деятельности» в строго определенных законом сферах (кустарно-ремесленные промыслы, бытовое обслуживание населения, социально-культурная сфера, народные художественные промыслы); выражавшейся в самостоятельно организованном труде гражданина (исключавшем любые коллективные формы труда); носившей возмездный и систематический характер (следовательно, не охватывавшей эпизодические и тем более безвозмездные действия граждан, хотя бы и производственной направленности); с соблюдением отмеченных запретов использования наемного труда и извлечения «нетрудовых доходов». (Названный закон утратил силу с принятием 2 апреля 1991 г. Закона СССР «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР»//Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 16. Ст. 442).

Закон предполагал, что субъектами индивидуальной трудовой деятельности по преимуществу должны стать совершеннолетние граждане, участвующие в общественном производстве (и осуществляющие ее в свободное от основной работы время), а также лица, для которых участие в общественном производстве затруднено по объективным причинам — домохозяйки, инвалиды, пенсионеры, студенты и учащиеся (ч. 1 ст. 3). Лишь как исключение, прямо предусмотренное законодательством Союза ССР и союзных республик «с учетом общественных потребностей», допускалось участие в этой деятельности и «других граждан, не занятых в общественном производстве» (ч. 2 ст. 3).

Поскольку такая деятельность в основном должна носить дополнительный, вспомогательный, характер, полученные от нее доходы по смыслу закона также считались дополнительным, а не основным источником образования собственности граждан. Подобно личному подсобному хозяйству в первоначальном замысле и индивидуальная тру-

довая деятельность должна была иметь **определенное внешнеэкономическое значение.**

Все это принципиально отличало индивидуальную трудовую деятельность, предусмотренную Законом о ней, от классической частнопредпринимательской деятельности, позволяя рассматривать ее, как и личное подсобное хозяйство, в качестве **дополнительного источника образования личной собственности граждан,** не изменяющего в принципе основных свойств этой собственности.

Однако и здесь практика впоследствии пошла по пути значительного развития индивидуальной трудовой деятельности как основного или преимущественного занятия граждан и превратилась в форму **индивидуального товарного производства.** С этой точки зрения индивидуал как единоличный производитель материальных благ, не связанный с общественным производством, уже не являлся субъектом отношений личной собственности в ее обычном понимании.

Это обстоятельство отразилось уже в редакции ГК РСФСР от 24 февраля 1987 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1987. № 9. Ст. 250), включившего особую статью о собственности граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью.

На данные отношения были распространены правила о личной собственности, но лишь «поскольку законом не установлено иное» (ст. 115 ГК). С учетом названных обстоятельств Закон о собственности фактически приравнял индивидуальную трудовую деятельность к другой хозяйственной деятельности граждан (ср. п. 1 ст. 7), т. е. объявил ее **источником мелкой частной (индивидуально-трудовой) собственности.**

4. Трудовое хозяйство и его правовая регламентация

Понятие и объекты трудового хозяйства. Наряду с традиционными объектами личной собственности и такими переходными, «пограничными» явлениями, как личное подсобное хозяйство и индивидуальная трудовая деятельность, Закон о собственности прямо предусмотрел и иную форму индивидуального (а точнее — семейного) присвоения и производства — **собственность трудового хозяйства (и крестьянского хозяйства как его важнейшей разновидности).**

Речь идет о **мелкой частной собственности (или инди-**

видуально-трудовой собственности в экономическом смысле). В отличие от индивидуальной трудовой деятельности ее основной организационной формой является не индивидуальное в строгом смысле слова, а **семейное производство и присвоение**, не исключаяющее, впрочем, и **дополнительного наемного труда** (п. 4 ст. 1 Закона о собственности). Оно допускается в сферах бытового обслуживания, торговли, общественного питания «и иных областях хозяйственной деятельности» (п. 1 ст. 8 Закона о собственности), т. е. и по сфере распространения не совпадает с индивидуальной трудовой деятельностью в смысле Закона 1986 г.

С учетом широких возможностей индивидуальной или групповой аренды средств производства и иного имущества, необходимого гражданам для ведения хозяйственной деятельности (п. 1 ст. 26 Основ законодательства об аренде), и **чисто коммерческой (товарной) направленности** этой деятельности можно сказать, что трудовое хозяйство представляет собой узаконенную **форму семейного предпринимательства**, являющуюся одним из основных источников образования мелкой частной собственности.

Возможность привлечения наемных работников, отсутствие прямой связи с общественным производством и других признаков, характерных для индивидуальной трудовой деятельности, делает трудовое хозяйство самостоятельной формой производства и присвоения, требующей особой правовой регламентации (и исключаяющей режим личной собственности даже по аналогии).

К объектам собственности трудового хозяйства относятся, во-первых, **средства производства**, в том числе целые производственно-хозяйственные (имущественные) комплексы в виде «малых предприятий» (мастерских, ателье, магазинов и т. п.), хозяйственные постройки, машины, оборудование, транспортные средства, сырье, материалы; во-вторых, **произведенная продукция и полученные доходы**; в-третьих, **жилые дома и имущество потребительского назначения** (ср. ст. 8 и п. 1 ст. 7 Закона о собственности).

Поскольку речь идет о семейном хозяйстве, т. е. в известном смысле, коллективном ведении дел и соответствующем распределении доходов, закон устанавливает, что все имущество трудового хозяйства является **общей долевой собственностью совместно ведущих его лиц**, если только договором между ними специально не предусмотрено иное (п. 2 ст. 8 Закона о собственности).

В этом — существенная специфика правового режима

имущества трудового хозяйства, конкретные черты которой будут рассмотрены далее, при характеристике института общей собственности.

Крестьянское хозяйство и его правовая регламентация. Крестьянское хозяйство составляет особую разновидность трудового хозяйства граждан. Общие черты этих форм производства и присвоения состоят в преимущественно трудовом характере, не исключая, однако, использования наемного труда в предусмотренных законом рамках; товарной направленности производства; семейной форме организации.

Крестьянские хозяйства рассматриваются как форма общественно полезной деятельности, пользующаяся всемерной поддержкой и защитой со стороны государства.

Важнейшей особенностью крестьянского хозяйства является его ведение на предоставленной государством земле. Если другие разновидности трудовых хозяйств могут прибегать к аренде государственного или общественного имущества лишь по мере надобности, то крестьянское хозяйство невозможно без закрепления за ним земельного участка.

В отсутствие индивидуальной собственности на землю в нашем законодательстве предусматриваются особые вещные права крестьян (крестьянского хозяйства) на предоставленный им земельный участок. В соответствии со ст. 20 Основ законодательства о земле речь идет о праве пожизненного наследуемого владения землей. Данный институт с теми или иными вариантами воспроизведен и в законодательстве многих союзных республик.

Так, ст. 3 п. 5 Закона Латвийской ССР от 6 мая 1989 г. о крестьянских хозяйствах (Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской ССР, 1989. № 20. Ст. 257) земля предоставляется крестьянину в «вечное пользование», причем право пользования землей переходит к его наследникам. В соответствии с п. 2 постановления Совета Министров Эстонской ССР от 16 февраля 1989 г. № 71 «О первоначальных мерах по развитию крестьянских хозяйств» (Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР, 1989. № 11. Ст. 121) для ведения крестьянского хозяйства земля предоставляется в «бессрочное (вечное) пользование». Законом Эстонской ССР от 6 декабря 1989 г. о хуторском хозяйстве закреплены наследные и арендные хуторские хозяйства (ч. 1 ст. 5), причем в первом случае земля предоставляется хозяйству «в вечное пользование с правом передачи по наследству» (ч. 2

ст. 5, ч. 1 ст. 11), а во втором — по обычному договору аренды (Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР, 1989. № 39. Ст. 611).

Только в Литовской ССР земля объявлена объектом собственности крестьянского хозяйства, однако без права продажи, найма и залога (ст. 5 Закона Литовской ССР от 4 июля 1989 г. о крестьянском хозяйстве//Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской ССР, 1989. № 20. Ст. 242), что принципиально не отличается от права «вечного пользования».

Таким образом, крестьянское (хуторское) хозяйство можно рассматривать как **«форму сельскохозяйственного предпринимательства»**, которое базируется на предоставленной государством земле и принадлежащих крестьянской семье средствах производства (ч. 1 ст. 2 эстонского Закона о хуторском хозяйстве).

Семейная форма организации производства и распределения доходов и убытков влечет признание субъектом этих отношений **крестьянской семьи**, т. е. группы лиц, связанных семейно-трудовой общностью.

Только латвийский Закон о крестьянских хозяйствах рассматривает в качестве субъектов отдельных крестьян, ведущих крестьянское хозяйство, а не их семьи как целое. Сделано это намеренно, с целью допустить возможность наследования имущества крестьянина по общим правилам наследственного права, в том числе, следовательно, и раздел его имущества между наследниками (за исключением права пользования землей, которое целиком переходит к одному из наследников в соответствии с правилом п. 2 ст. 4 данного Закона).

Законодательство других союзных республик, как и общесоюзные законы, исходит из признания единым субъектом имущественных отношений крестьянского хозяйства в целом и соответственно устанавливает для его имущества режим **общей совместной собственности**, если иное не предусмотрено законом (п. 2 ст. 9 Закона о собственности).

Объектами права совместной собственности членов крестьянского хозяйства являются как необходимые им **средства производства** (хозяйственные постройки, сельхозтехника, инвентарь, транспортные средства), продуктивный и рабочий скот, птица, насаждения на земельном участке, имущество, необходимое для переработки и реализации своей продукции, так и **жилые дома и предметы домашнего обихода**, а также, разумеется, **произведен-**

ная продукция и полученные доходы (п. 1 ст. 9 Закона о собственности, ч. 1 ст. 20 эстонского Закона о хуторском хозяйстве, ср. ст. 113¹ Гражданского кодекса Латвии).

Особенности правового режима совместной собственности будут рассмотрены в следующей лекции. Здесь же необходимо подчеркнуть, что в отличие от трудового хозяйства, имущество которого, включая продукцию и доходы, находится, по общему правилу, в общей долевой собственности ведущих его лиц, имущество крестьянского хозяйства принадлежит его членам на праве общей **совместной** собственности.

Закон о собственности (п. 3 ст. 9) распространил режим общей совместной собственности и на имущество личного подсобного хозяйства граждан. Тем самым и последнее следует рассматривать как форму сельскохозяйственного товарного производства, основанного на семейно-трудовой общности ведущих его лиц. Как и крестьянское хозяйство, оно становится источником образования индивидуально-трудовой (или семейно-трудовой), т. е. мелкой частной собственности.

5. Предпринимательская деятельность и частная собственность

Предпринимательская деятельность как источник частной собственности граждан. Закон о собственности впервые прямо разрешил всем собственникам, в том числе, следовательно, и гражданам, использовать принадлежащее им имущество для любой хозяйственной или иной деятельности, не запрещенной законом (п. 2 ст. 1). В сочетании с правом использовать труд других граждан при осуществлении своего права собственности (п. 4 ст. 1) он по сути открыл путь к возрождению различных форм частно-предпринимательской деятельности как источника образования частной собственности отдельных граждан.

Законы о собственности, принятые в отдельных республиках (например, в Эстонии и в РСФСР), непосредственно закрепили такое положение, назвав в качестве одного из основных источников собственности гражданина его **доходы от участия в предпринимательской деятельности.**

Очевидно, что речь здесь должна идти именно о частной собственности в ее традиционном, классическом понимании. Вместе с тем предусмотренные законодательством рамки и условия использования частными собствен-

виками труда по найму призваны создать известные ограничения для ее функционирования. Однако такие границы, устанавливаемые главным образом трудовым законодательством, определяются теперь не столько идеологическими, сколько экономическими соображениями.

Предпринимательская деятельность может осуществляться гражданином и путем использования принадлежащего ему имущества в качестве **вклада** в хозяйственное общество или товарищество, коллективное или иное предприятие и другое юридическое лицо, в котором гражданин выступает в качестве учредителя или участника, т. е. без непосредственного найма им работников.

Типичным случаем такой деятельности является выступление гражданина в качестве акционера, получающего доход по акциям хозяйственного общества.

Иные источники права частной собственности граждан. Необходимо отметить и готовящиеся законодательные меры по «**приватизации**» **небольших и отчасти средних государственных предприятий**, главным образом, в сфере обслуживания населения, путем их прямой (возмездной) передачи в собственность отдельных граждан (или их семейных и других коллективов). Такое основание возникновения права собственности является принципиально новым для нашего законодательства.

Кроме того, принятый 4 июня 1990 г. Закон СССР «О предприятиях в СССР» (Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 25. Ст. 460) допустил возможность свободного функционирования **индивидуальных и семейных предприятий, основанных на собственности граждан** и являющихся самостоятельными юридическими лицами (п. 1 ст. 2). Иначе говоря, производственные предприятия как имущественные комплексы становятся объектами права частной собственности граждан.

Разумеется, в ближайшее время реально можно предполагать приобретение или создание гражданами лишь **«малых предприятий»** (даже с учетом того, что последние могут быть созданы совместно юридическими лицами и гражданами — в соответствии с п. 4 постановления Совета Министров СССР от 8 августа 1990 г. № 790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий»//СП СССР. 1990. Отд. 1. № 19. Ст. 101).

С этой точки зрения необходимо различать две ситуации: малое предприятие как форму организации совмест-

ной трудовой деятельности граждан и малое предприятие как объект их права собственности.

В первом случае граждане, совместно ведущие хозяйственную деятельность, образуют «малое предприятие» (а по сути — хозяйственное товарищество), т. е. фактически их трудовое хозяйство получает права юридического лица. В качестве хозяйственного товарищества «малое предприятие» становится собственником имеющегося у него имущества, и возникает уже коллективная собственность, а не собственность граждан.

Во втором же случае граждане — учредители «малого предприятия» сохраняют единоличное или общее право собственности на него как на имущественный объект, а само это предприятие как юридическое лицо должно быть признано обладателем особого вещного права (в соответствии с п. 2 ст. 10 Закона о предприятиях в СССР оно становится субъектом права полного хозяйственного ведения имуществом собственника или собственников).

В обоих случаях предполагается личное участие граждан-учредителей (собственников) в деятельности создаваемых ими «малых предприятий» и возможность привлечения дополнительных наемных работников в установленных пределах.

Конкретный порядок создания, деятельности и ликвидации «малых предприятий» регулируется специальным законодательством и их уставами. В уставах таких предприятий (а также в учредительных договорах об их создании) определяется порядок образования и расходования их имущества, распределения прибыли (дохода) и характер их имущественной обособленности.

Как при создании «малого предприятия», так и при организации иной хозяйственной (предпринимательской) деятельности граждане могут брать в аренду у государственных и других организаций средства производства и иное необходимое им имущество (п. 1 ст. 26 Основ законодательства об аренде).

Индивидуальная и групповая аренда тоже становятся источником образования частной, в том числе и индивидуально-трудовой собственности граждан.

Объекты права частной собственности граждан. В соответствии с изложенным объектами права частной собственности граждан становятся предприятия и иные имущественные комплексы в сфере производства товаров народного потребления, бытового обслуживания населения, розничной торговли или в иной области предпринима-

тельской деятельности, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, иные средства производства и любое другое имущество производственного и потребительского назначения (за исключением тех видов имущества, которые в силу предусмотренных законом правил не могут находиться в собственности отдельных граждан).

Предпринимательская деятельность может осуществляться гражданами как индивидуально, так и сообща, причем **без образования для данной цели нового юридического лица**. В таком случае участники предпринимательской деятельности как субъекты договора приобретают право общей собственности на совместно используемое ими имущество и полученные доходы (строго говоря, трудовые и крестьянские хозяйства как раз и представляют собой разновидности такой деятельности).

Если же индивидуальный предприниматель приобретает или создает **юридическое лицо (предприятие)**, то он обязан наделить его по меньшей мере самостоятельным вещным правом на свое имущество (обычно — правом полного хозяйственного ведения).

Создание индивидуальными предпринимателями хозяйственных обществ и товариществ или других юридических лиц (например, производственных кооперативов), как уже отмечалось, влечет прекращение их права собственности на переданное соответствующему юридическому лицу имущество и образование на этой базе коллективной собственности (с сохранением за учредителем права на получение дохода от деятельности созданного им юридического лица).

Частная собственность отдельных граждан в рассмотренном аспекте пока лишь намечена, предусмотрена законодательством как одна из возможных форм индивидуального присвоения. Ее конкретное развитие, несомненно, потребует последующего изменения и уточнения законодательства.

Предполагается пока, что эта разновидность собственности будет функционировать наряду со всеми другими, не получая ни привилегий, ни ущемлений и не вытесняя их, во всяком случае, искусственно. Ее наличие в общей системе законодательно признанных форм присвоения (собственности) должно подчеркнуть их действительное многообразие и полную свободу граждан как собственников в выборе способов хозяйствования с принадлежащим им имуществом.

В настоящее время индивидуальное предпринимательство законодательно признано в качестве разрешенной и поощряемой государством деятельности, становящейся одним из важных источников образования собственности граждан. Под предпринимательством понимается инициативная, самостоятельная деятельность граждан, осуществляемая ими от своего имени, на свой риск и под собственную имущественную ответственность, направленная на получение прибыли или личного дохода.

Самостоятельный характер такой деятельности, «предпринимаемой» гражданином на свой риск и под собственную ответственность, отличает ее от иной трудовой деятельности, например от работы по найму. Коммерческая направленность позволяет отграничить ее от благотворительной, социально-культурной, общественно-политической и других видов инициативной деятельности граждан.

С этой точки зрения индивидуальная трудовая деятельность (как известно, допускавшаяся законом в строго ограниченных сферах и без применения наемного труда) представляет собой лишь одну из разновидностей индивидуального предпринимательства.

Новые союзный и республиканские законы о предпринимательстве граждан закрепили широкие возможности такой деятельности, в том числе осуществляемой гражданами и с наймом работников, но без создания особых организационных форм (юридических лиц), поглотив тем самым особую регламентацию «индивидуальной трудовой деятельности». Разновидностями индивидуального предпринимательства являются ведение «трудового», в том числе крестьянского (фермерского) или личного подсобного хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА:

Звягин Ю. Крестьянские хозяйства в Латвии//Хозяйство и право. 1989. № 9. С. 93—100.

Кабалкин А. Ю., Савенко Л. И. Индивидуальная трудовая деятельность и закон. М., 1987.

Суханов Е. Собственность граждан//Коммерческий вестник. 1990. № 14.

Шешко Г. Продажа квартир в личную собственность//Хозяйство и право. 1989. № 11.

1. Понятие и виды общей собственности

Понятие общей собственности. Общая собственность охватывает такие отношения принадлежности материальных благ, когда имущество принадлежит на праве собственности **одновременно нескольким лицам** (субъектам гражданского права). Возможность появления таких правоотношений предусмотрена п. 4 ст. 4 Закона о собственности (ср. ст. 46 Основ гражданского законодательства).

Следует подчеркнуть, что общая собственность — отнюдь не «смешанная форма собственности», которая может образовываться путем объединения имущества, находящегося в собственности граждан, юридических лиц и государства (п. 2 ст. 4 Закона о собственности).

«Смешанная форма собственности» — категория сугубо экономическая. Если при объединении имущества разных собственников ими создается новая правоспособная организация для использования такого имущества (например, государственно-кооперативная, или «совместное предприятие» с иностранным участием), то в большинстве случаев именно она и становится **новым и единственным собственником** имущества (см., например, п. 1 ст. 14, п. 1 ст. 15, п. 1 ст. 16, ст. 27 Закона о собственности).

Поэтому **юридически** здесь появляется один, хотя и новый собственник (организация) и никаких отношений общей собственности обычно не возникает. Лишь в случаях, когда по воле самих собственников, объединяющих то или иное имущество, либо по прямому указанию закона создаваемая ими для использования объединенного имущества организация не становится собственником (или собственники вообще не создают новой правоспособной организации, а заключают договор о совместной хозяйственной деятельности), между ними могут возникнуть отношения общей собственности.

Например, кооператив в соответствии с п. 3 ст. 7 За-

кона о кооперации остается собственником создаваемых с его участием организаций «в соответствии с его долевым участием». Таким образом, экономические отношения «смешанной собственности» юридически могут реализоваться как в единоличной собственности отдельных юридических лиц, так и (реже) в общей собственности.

В отношениях общей собственности имеется право собственности на определенный объект (имущество), но у данного права **нет единого субъекта**.

Иными словами, общая собственность характеризуется, во-первых, тем, что она не имеет единого носителя (субъекта) права, а принадлежит **одновременно нескольким лицам**; во-вторых, она не может рассматриваться как самостоятельная форма собственности (наряду с собственностью граждан, юридических лиц и государства).

Она — не особое экономическое отношение принадлежности материальных благ, а всего лишь вариант, разновидность какого-либо самостоятельного экономического отношения собственности, заключающийся в одновременной присвоенности материальных благ несколькими лицами, сохраняющими полную имущественную самостоятельность по отношению друг к другу (не образующими никакого особого коллектива).

В зависимости от конкретных обстоятельств это могут быть и «смешанные» отношения (например, государственно-кооперативной или иной государственно-коллективной собственности), и «однородные» (например, собственность нескольких граждан или нескольких юридических лиц-собственников).

Можно сказать, что общая собственность в сущности является **особым юридическим способом** закрепления одновременной принадлежности материальных благ не одному, а нескольким вполне самостоятельным лицам. С этой точки зрения общая собственность всегда представляет собой **юридическое**, а не экономическое отношение.

Виды общей собственности. В отличие от ранее действовавшего законодательства, прямо предусматривавшего (перечислявшего) допустимые варианты общей собственности (ст. 26 Основ гражданского законодательства 1961 г.) Закон о собственности в п. 4 ст. 4 допускает **любые варианты** общей собственности, исходя из равенства всех форм собственности.

Поэтому теперь стало возможным появление общей собственности граждан и государства, граждан и юридических лиц и любых других сочетаний собственников. Все

прежние ограничения отпали. Следовательно, с точки зрения субъектного состава разрешены и возможны любые виды общей собственности.

Вместе с тем с точки зрения характера взаимоотношений самих участников (субъектов) общей собственности различается общая собственность с определением долей или долевая, и без определения долей, или совместная (п. 4 ст. 4 Закона о собственности, п. 1 ст. 46 Основ гражданского законодательства 1991 года).

Конкретное имущество в зависимости от нахождения в общей долевой или в общей совместной собственности приобретает различный правовой режим (независимо от субъектного состава).

Именно различие долевой и совместной собственности имеет решающее значение для определения конкретного порядка владения, пользования и распоряжения соответствующим имуществом несколькими собственниками одновременно, поскольку каждый из них в отдельности, очевидно, не может решать указанные вопросы только «по своему усмотрению» (как единоличный собственник), а должен учитывать волю других сособственников. Данное различие и составляет основу классификации видов общей собственности.

2. Общая долевая собственность

Понятие общей долевой собственности. Общая долевая собственность характеризуется тем, что право собственности на конкретное имущество принадлежит нескольким лицам сообща по долям, т. е. каждый участник общей собственности имеет определенную долю в праве собственности на имущество. Иначе говоря, между участниками общей долевой собственности делится именно право собственности, а не само имущество в натуре.

Такое понимание права общей долевой собственности соответствует его смыслу как праву собственности нескольких лиц на одно и то же имущество. Если бы по долям делилось конкретное имущество (вещь), то у каждого участника был бы собственный объект права и никакой общей собственности вообще не возникло бы.

Если, например, двум братьям по наследству достался жилой дом, то с момента оформления наследственных прав каждый из них становится собственником равной доли, т. е. имеет $\frac{1}{2}$ долю в праве собственности на дом. Как

только дом будет разделен между ними в натуре (например, каждый из них будет иметь отдельный вход в дом), это будет означать прекращение общей собственности, но каждый станет собственником определенного имущества — половины дома. Пока такой раздел не произведен, между ними сохраняются отношения общей собственности.

Притом не всегда дом имеет две равные комнаты. Чаще всего дело обстоит как раз по-другому: двоим наследникам достается дом с одной или с тремя комнатами или с двумя комнатами неравной площади. Тогда, сохраняя равенство долей в праве собственности на дом, наследникам придется определить конкретный порядок пользования находящимися в нем помещениями (особенно если дом невозможно переоборудовать и перепланировать в точном соответствии с приходящимися на новых собственников долями). За кем-то из них придется закрепить одни (или одно) помещения, а за другим — другие, отнюдь не обязательно строго равные по площади.

Такая практически наиболее часто встречающаяся ситуация будет означать несовпадение долей в праве на дом и на его конкретные помещения (точнее, долей в праве собственности и конкретных прав пользования). Поэтому в правоприменительной практике доли в праве собственности на общее имущество принято называть **идеальными**, а доли в конкретном имуществе (т. е. распределение прав пользования) — **реальными**.

«Реальные доли», т. е. конкретный порядок пользования общим имуществом, устанавливаются по соглашению сособственников, а при его недостижении — судом (или арбитражем) по иску любого из участников (ст. 117 ГК РСФСР).

Определение «реальных долей» означает, следовательно, что имущество по-прежнему принадлежит на праве общей собственности нескольким лицам (в «идеальных долях»), но его отдельные части закреплены в пользование («реальная доля») за отдельными сособственниками.

Такое «закрепление в пользование» ничего не меняет в существе отношений долевого собственности. Если, например, соответствующая часть имущества («реальная доля») погибла не по вине пользовавшегося ею сособственника (часть дома в виде, положим, верхнего этажа сгорела от пожара), он все равно остается сособственником уменьшившегося имущества — участником общей собственности.

Сказанное означает, что в «идеальных долях» подле-

жат распределению между всеми сособственниками и страховое возмещение, и расходы по восстановлению дома, а также пользование сохранившимися жилыми и другими помещениями. Это происходит именно потому, что, несмотря на определение порядка пользования имуществом (т. е. установление «реальных долей»), сособственники продолжают сохранять свою долю в праве собственности на общее имущество («идеальную долю»), а вовсе не разделяют имущество в натуре. Ведь общая долевая собственность и означает установление долей в праве на имущество, а не в конкретном имуществе.

Данное обстоятельство, к сожалению, не учитывает эстонский Закон о собственности. Согласно ст.ст. 3 и 39 названного Закона, общей собственностью считается не право, а имущество, принадлежащее одновременно нескольким собственникам. Тем самым в регламентацию отношений общей собственности вносится неразрешимая путаница.

Более того, принятый одновременно с ним, 13 июня 1990 г., Закон «О внесении изменений в Гражданский кодекс Эстонской ССР» (Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской Республики. 1990. № 20. Ст. 300) установил новую редакцию ч. 1 ст. 121 ГК. Она допускает возможность принимать решения о владении, пользовании и распоряжении «общей долевой собственностью» большинством голосов ее участников, т. е. полностью игнорируя мнение одного или меньшинства сособственников, касающееся в том числе и принадлежащего ему (или им) имущества.

Осуществление права общей долевой собственности. Из сказанного выше становится ясным решающее значение «идеальной доли», т. е. доли в праве собственности на имущество. Именно в соответствии с ней определяется объем прав и обязанностей, принадлежащих каждому из сособственников. В соответствии с этими долями между участниками общей долевой собственности делятся все расходы и доходы, приносимые общим имуществом. Пропорционально им, хотя бы приблизительно, определяется и порядок пользования общим имуществом («реальные доли»).

Поскольку каждый из сособственников имеет здесь определенную часть правомочий владения, пользования и распоряжения общим имуществом, т. е. ему в определенном объеме принадлежат все правомочия собственника, осуществляются они не иначе, как по **принципу единогла-**

сия (взаимного согласия) всех сособственников. Каждый из сособственников, независимо от размера своей доли, участвует в реализации права общей собственности. При отсутствии его согласия спор может быть разрешен в судебном или арбитражном порядке.

Правовой режим общей долевой собственности лучше всего рассматривать на примере общей долевой собственности граждан на жилой дом. При этом надо иметь в виду, что данные отношения, помимо общих норм закона (Основ и ГК), специально регулируются также постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1981 г. «О судебной практике по разрешению споров, связанных с правом личной собственности на жилой дом» (см.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1981. № 5) и постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 10 июня 1980 г. «О некоторых вопросах, возникших в практике рассмотрения судами споров о выделе доли сособственнику и определении порядка пользования домом, принадлежащим гражданам на праве общей собственности» (в редакции от 20 декабря 1983 г. — см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1980. № 9; 1984. № 4).

В случае невозможности выделить каждому из сособственников в пользование часть имущества, строго соответствующую его доле в праве на имущество, например, предоставить соответствующую жилую комнату или комнаты в жилом доме, возникает несовпадение «идеальных» и «реальных» долей. Тогда такое несовпадение, неравенство по соглашению участников может быть ликвидировано, например, путем выкупа некоторой части доли одним сособственником у другого (при соответствующем изменении долей) либо компенсировано путем взыскания платы за пользование одним из сособственников частью помещения, превышающей его долю (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1981 г., п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 10 июня 1980 г.).

Такая ситуация чаще всего складывается из-за невозможности раздела или переоборудования дома в натуре в точном соответствии с «идеальными» долями сособственников (например, по причине ветхости дома, его малого размера и т. п.).

Если же из-за незначительной доли одного из сособственников выделить ему в пользование конкретное помещение вообще не представляется возможным, ему может быть выплачена денежная компенсация другими сособст-

вещниками при одновременном прекращении его доли в праве общей собственности на дом. В исключительных случаях это может быть сделано в судебном порядке даже и без согласия такого сособственника, особенно когда он обеспечен другим жильем для постоянного проживания.

Так, дом, состоявший из двух жилых комнат площадью 13 и 11 кв. м, оказался во владении трех собственников, из которых одному принадлежало $\frac{2}{3}$, а двум другим — по $\frac{1}{6}$ права на дом каждому. При этом первый собственник постоянно проживал в доме, а двум другим жилье было нужно лишь для летнего отдыха.

Однако народный суд, рассматривавший первоначально спор сособственников об определении порядка пользования жилыми помещениями в доме, принял решение о закреплении за двумя сособственниками в соответствии с их долями 8 кв. м в 11-метровой комнате дома, а за первым из сособственников, имевшим $\frac{2}{3}$ доли, — комнаты в 13 кв. м и дополнительно 3 кв. м в 11-метровой комнате, добившись тем самым полного совпадения «идеальных» и «реальных» долей.

Это «соломоново решение» было, разумеется, впоследствии отменено Верховным Судом РСФСР и возвращено на новое рассмотрение с предложением обсудить вопрос о выплате двум соответчикам денежной компенсации и прекращении их долевой собственности на спорный дом (см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1981. № 12. С. 9—10).

В аналогичном споре сособственнице, обладавшей $\frac{23}{200}$ права общей собственности на жилой дом, также было отказано в иске о выделении в пользование конкретного жилого помещения, так как общая площадь дома немногим превышала 32 кв. м, а на ее долю приходилось всего 4,2 кв. м, причем и ее она не собиралась использовать для постоянного проживания (см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1989. № 1. С. 2—3).

Доля в праве на имущество сама по себе является объектом права собственности (для ее обладателя), может быть предметом различных сделок — купли-продажи, мены, дарения, передачи по наследству и т. д., а также объектом претензий кредиторов. Следовательно, сособственник вправе сам распоряжаться своей долей в праве общей собственности. Однако отчуждение доли всегда затрагивает и право общей собственности в целом, касается интересов всех остальных сособственников. Поэтому продажа такой доли регулируется законом особо.

В данном случае у других участников отношений долевой собственности возникает **преимущественное право покупки** отчуждаемой одним из сособственников доли. Оно состоит в том, что сособственник, желающий продать свою долю в праве общей собственности постороннему лицу, должен в письменной форме предварительно предложить ее по той же цене и на тех же условиях другим сособственникам (ч. 3 ст. 120 ГК РСФСР). Если они откажутся от преимущественного права на покупку доли либо не осуществят его в течение месяца в отношении дома, а в отношении прочего имущества — в течение 10 дней со дня извещения, продавец вправе продать свою долю любому лицу.

Установлены и своеобразные последствия нарушения данного права — участник долевой собственности в течение трех месяцев вправе требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя (ч. 4 ст. 120 ГК). Право преимущественной покупки не возникает, если сособственник желает продать свою долю другому (конкретному) сособственнику, либо подарить ее постороннему лицу или обменять на иное имущество. Такое право распространяется только на случай **продажи** доли.

Следует упомянуть и о том, что к числу оснований прекращения общей долевой собственности относится выдел доли или раздел общего имущества между его участниками.

При выделе доли (ст. 121 ГК) прекращается общая собственность на выделенную одним из сособственников часть (которая затем может отчуждаться собственником свободно, без соблюдения правил о преимущественном праве покупки бывшими сособственниками). Доля должна выделяться без нанесения несоразмерного ущерба хозяйственному назначению имущества (ч. 2 ст. 121 ГК), а для жилого дома требуется наличие изолированной части с отдельным входом, либо, по крайней мере, технической возможности превращения выделяемой части в изолированное помещение путем переоборудования (п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1981 г., п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 10 июня 1980 г.). В случае отсутствия этих условий выделяющийся сособственник может получить только денежную компенсацию.

Раздел общего имущества происходит путем выделения долей каждому из сособственников (по тем же пра-

вилам), что означает прекращение общей собственности на имущество в целом.

Разновидности права общей долевой собственности. В настоящее время обособились некоторые разновидности общей долевой собственности. Среди них в первую очередь следует назвать **собственность трудового хозяйства** граждан (членов семьи и других лиц, совместно занимающихся производственно-хозяйственной деятельностью). В соответствии с п. 2 ст. 8 Закона о собственности их имущество, в том числе произведенная продукция и полученные доходы, составляют общую долевую собственность членов такого хозяйства (если договором между ними не предусмотрено иное).

Следовательно, право собственности этих лиц на данное имущество (постройки, машины, оборудование, сырье, материалы, готовая продукция, денежные средства и т. п.) делится между ними по долям. За каждым из участников сохраняется возможность выдела с соблюдением указанных выше правил, а за другими участниками — преимущественное право покупки доли выделяющегося. Право собственности такого хозяйства осуществляется на основе единогласия всех его участников (как сособственников).

Другую разновидность долевой собственности представляет собой **собственность членов трудового коллектива государственного предприятия** (ст. 25 Закона о собственности). В соответствии с п. 1 ст. 25 Закона о собственности (и п. 3 ст. 21 Закона о предприятиях в СССР) часть остающейся у государственного предприятия чистой прибыли (после уплаты налогов и других платежей в бюджет) передается в собственность членов его трудового коллектива.

По смыслу п. 2 ст. 25 Закона о собственности (и абз. 2 п. 3 ст. 21 Закона о предприятиях в СССР), она делится на «вклады» отдельных членов трудового коллектива, т. е. на принадлежащие им доли в праве собственности на указанную часть прибыли предприятия. Такие «вклады» могут быть оформлены выдачей ценных бумаг («акций»), на них ежегодно выплачиваются проценты («дивиденды»).

Все сказанное означает, что данное имущество (часть чистой прибыли предприятия) находится в долевой собственности его работников, и пропорционально долям («вкладам») распределяются и доходы от имущества (или их часть, определяемая по соглашению между администрацией предприятия и его трудовым коллективом).

Работник вправе получить сумму его вклада («стои-

мость акций»), т. е. по сути выделить свою долю. Однако в соответствии с абз. 2 ст. 25 Закона о собственности (и абз. 3 п. 3 ст. 32 Закона о предприятиях в СССР) порядок и сроки выдела определяются совместным решением администрации и трудового коллектива (либо уставом предприятия), а не законом. Здесь отсутствует правило о преимущественном праве покупки (тем более, что произвести отчуждение своего «вклада» в пользу постороннего для трудового коллектива лица работник во всяком случае не вправе). Не предусмотрен и раздел такого имущества (кроме случая ликвидации предприятия). Это тоже объясняется тем, что долевая собственность работников составляет лишь часть имущества предприятия и ее полное изъятие в период его работы экономически бессмысленно.

Аналогичный по сути правовой режим приобретают средства долевого фонда членов колхоза или другого сельскохозяйственного кооператива после зачисления на личные счета их членов (п. 2 ст. 36 Закона о кооперации).

Изложенное свидетельствует о большой специфике долевой собственности работников госпредприятия.

Если бы закон прямо не говорил о «собственности членов трудового коллектива» на часть прибыли государственного предприятия, вполне можно было бы рассматривать данные отношения как обязательственные, т. е. связанные с появлением у работников определенных прав требования (на выплату части прибыли предприятия), а не долевого права собственности.

Социально-экономический смысл создания такого института ясен. Он призван способствовать укреплению у работников госпредприятий хозяйского отношения к производству, усиливать их заинтересованность в его результатах. Сказанное особенно важно для работников тех предприятий, которые не могут быть выкуплены их трудовыми коллективами или сданы им в аренду, т. е. для случаев, когда исключается появление коллективной собственности. Институт долевой собственности по сути и выполняет функции коллективной собственности, причем не менее эффективно.

С указанной точки зрения следует подчеркнуть отличие долевой собственности работников госпредприятий от «вкладов» работников коллективных и арендных предприятий, предусмотренных п. 2 ст. 12 Закона о собственности и пп. 2 и 3 ст. 21 Основ законодательства об аренде.

Как уже отмечалось, вклады членов трудового коллектива арендного или коллективного предприятия вообще не

образуют их долевой собственности, а составляют собственность самих предприятий как юридических лиц.

Несмотря на то что данные вклады определяются по отношению ко всему имуществу коллективного или арендного предприятия (а не только к части чистой прибыли, как на госпредприятии), это не означает возможность получить часть имущества в натуре даже в случае ухода с такого предприятия.

В период работы член трудового коллектива арендного или коллективного предприятия может получить лишь процент на свой вклад (часть дохода в денежной форме), а при уходе — его «стоимость» (денежный эквивалент).

Фактически речь идет о признании за членами таких коллективов **права требования** (обязательно-правового, а не вещного характера), а не права собственности, во многом аналогичного правам членов кооператива, акционерного общества или товарищества с ограниченной ответственностью.

Перечисленные организации как юридические лица становятся, как известно, единственными собственниками своего имущества и долевой собственности их членов на имущество организации не возникает. Здесь вновь проявляется отличие долевой собственности как юридической категории и «смешанной» собственности как экономического понятия.

3. Общая совместная собственность

Понятие общей совместной собственности. Как и долевая собственность, совместная собственность характеризуется множественностью субъектов присвоения. И здесь имущество принадлежит одновременно и сообща нескольким лицам, но **без определения долей**.

Можно сказать, что участники общей совместной собственности обладают **равными правами** (но не долями!) на общее имущество, хотя ни у одного из них нет определенной, конкретной доли в праве на имущество.

Следовательно, основная юридическая особенность совместной собственности как раз и состоит в отсутствии долей. Доли устанавливаются лишь при разделе общего имущества, т. е. при прекращении общей собственности, а потому, строго говоря, речь может идти лишь о «реальных», но не об «идеальных» долях. Пока существует совместная собственность, у всех ее участников совершенно

равные права на общее имущество. Сказанное означает, что право собственности не дробится на доли, а целиком принадлежит нескольким лицам одновременно.

Совместная собственность — сложный случай общей собственности. Наличие равных, **одинаковых прав** на одно и то же имущество одновременно у нескольких лиц (сособственников) предполагает наличие между ними особых взаимоотношений. Это подтверждается **незаменимостью** субъектов совместной собственности.

Если в долевой собственности участник может продать свою долю, в том числе и постороннему лицу, вступающему тем самым на его место, то в совместной собственности такое невозможно. Имущество, приходящееся на долю выделяющегося сособственника («реальную долю»), можно либо взять с собой, либо оставить другому сособственнику (или сособственникам), но нельзя передать третьему лицу, «вступающему» на место уходящего, ибо такое «вступление» в обычном гражданско-правовом порядке здесь просто исключено.

Дело в том, что отношения совместной собственности могут возникнуть не между любыми субъектами гражданского права, а только между гражданами, связанными **семейной общностью** (родством).

По действующему законодательству правовой режим совместной собственности возникает только у супругов, состоящих в зарегистрированном браке (ст. 12 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье), у членов крестьянского и личного подсобного хозяйства граждан (пп. 2 и 3 ст. 9 Закона о собственности), а также у членов колхозного двора (ср. ст. 27 Основ гражданского законодательства 1961 г.).

Встречавшиеся ранее в подзаконных актах попытки квалифицировать в качестве совместной собственности некоторые имущественные взаимоотношения юридических лиц всегда оказывались результатом недоразумения и при более тщательном анализе свидетельствовали о наличии отношений общей долевой собственности. Более наглядно специфика совместной собственности проявляется при рассмотрении ее отдельных разновидностей.

Разновидности права общей совместной собственности. Наиболее часто как разновидность рассматриваемых отношений существует **общая совместная собственность супругов**, урегулированная семейным законодательством.

Она характеризуется полным равенством прав супругов на все нажитое ими в браке имущество, независимо

от того, кто его приобрел (даже если один из супругов был занят ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного заработка).

При этом действует **презумпция общности** супружеского имущества, т. е. оно предполагается находящимся в совместной собственности супругов, если один из них не докажет, что то или иное имущество было приобретено им до брака или, например, подарено лично ему (ср. ст. 22 КоБС РСФСР).

Выдел доли одного из участников здесь всегда тождествен разделу общего имущества (ибо участников всегда двое), причем доли супругов самим законом признаются равными, хотя возможны и исключения (практически ставшие правилом), связанные с учетом интересов несовершеннолетних детей или других заслуживающих внимания интересов одного из супругов (ч. 3 ст. 12 Основ законодательства о браке и семье, ст. 21 КоБС РСФСР).

Отличие этого режима от режима общей долевой собственности ярко проявляется в спорах о разделе имущества бывших супругов.

Так, один гражданин предъявил иск о разделе имущества к бывшей жене, ссылаясь на то, что уже после расторжения их брака они еще в течение 6 лет фактически проживали **общей семьей**, имели общий бюджет, вели общее хозяйство и приобретали имущество, а затем он прекратил проживание с ответчицей. Вынося решение о разделе общего имущества, суд обоснованно применил нормы о разделе общей долевой, а не совместной собственности (ст. 121 ГК РСФСР), в соответствии с которыми истцу предстояло доказать свое право собственности на конкретное имущество соответствующими доказательствами, а не исходить из принципа равенства долей, свойственного режиму совместной собственности, поскольку последний прекратился в связи с расторжением брака (см.: **Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 1. С. 12—13).**

Важно подчеркнуть, что режим совместной (бездолевой) собственности распространяется на имущество супругов, но не на имущество других членов семьи (детей, совместно проживающих родителей и других родственников). Ведь речь идет именно о **супружеском**, а не о семейном имуществе.

Именно поэтому суды не признают общей собственностью супругов вклады, внесенные одним из них в период

брака в кредитные учреждения на имя своих несовершеннолетних детей, хотя бы такие вклады и делались за счет их совместного имущества, поскольку собственниками данных вкладов должны считаться несовершеннолетние дети (п. 4² постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 21 февраля 1973 г. «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Кодекса о браке и семье РСФСР» в редакции от 27 сентября 1977 г.// Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 5; 1977. № 12).

Соответственно, при разделе имущества из-за расторжения брака бывший супруг не вправе требовать раздела такого вклада (см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1988. № 3. С. 10).

Своеобразием отличается **общая собственность членов колхозного двора**. Речь идет о **семейно-трудовой общности** лиц, из которых хотя бы один работает в колхозе (ср. ст. 27 Основ гражданского законодательства 1961 г.).

В данном случае все члены его семьи (а не только супруг) признаются участниками отношений общей совместной собственности. Все члены колхозного двора имеют равное, одинаковое право владения, пользования и распоряжения общим имуществом, что предполагает осуществление права собственности на имущество с согласия всех его членов (ст. 127 ГК РСФСР). При определении доли члена колхозного двора при выделе из общей собственности или ее разделе доли всех членов, включая несовершеннолетних и нетрудоспособных, признаются равными (ст. 129 ГК РСФСР).

В общее имущество членов колхозного двора входят подсобное хозяйство, жилой дом и надворные постройки, скот, птица и сельскохозяйственный инвентарь, а также переданные в собственность колхозного двора его членами их доходы и иное имущество, приобретенное на общие средства, включая предметы домашнего обихода и лично-го потребления.

Поскольку все перечисленное имущество составляет совместную собственность всех членов колхозного двора, при смерти одного из них не открывается наследство ни на имущество двора в целом, ни даже на долю умершего, которая могла бы причитаться ему в случае выхода (выдела). В таком случае лишь уменьшается число членов колхозного двора, но все оставшиеся члены по-прежнему являются совместными собственниками общего имущест-

ва. Так происходит до тех пор, пока в колхозном дворе остается хотя бы один человек.

Ясно, что такая конструкция служит сохранению в целостности общего имущества двора, предотвращая его раздробление между посторонними для двора лицами (наследниками).

Отсюда важно разграничить общее имущество колхозного двора и индивидуальное имущество его отдельных членов (которое, в частности, может переходить и по наследству в случае их смерти).

Кроме того, супруги — члены колхозного двора сохраняют совместную собственность на принадлежащее им лично имущество (ч. 6 ст. 12 Основ законодательства о браке и семье). Поэтому ст. 113 ГК РСФСР предусматривает, что личные доходы и сбережения члена колхозного двора, приобретенное на них имущество, а также имущество, полученное им в порядке наследования либо дарения и не переданное в собственность двора, остается в индивидуальной собственности члена колхозного двора (либо соответственно — в общей совместной собственности супругов — членов колхозного двора — ст. 24 КоБС РСФСР).

Чтобы исключить возможную путаницу и недоразумения, ч. 2 ст. 113 ГК запрещает члену колхозного двора иметь в индивидуальной собственности то имущество, которое в соответствии с уставом колхоза может принадлежать только колхозному двору (жилой дом, хозяйственные постройки, продуктивный и рабочий скот, птицу, сельскохозяйственную инвентарь и средства механизации — п. 58 Примерного Устава колхоза).

При выделе доли из имущества колхозного двора имеет значение степень участия трудоспособного члена двора в ведении общего хозяйства. При ее незначительности возможно отступление от принципа равенства долей всех членов колхозного двора (в сторону уменьшения), а при неучастия в ведении общего хозяйства без уважительных причин в течение трех лет подряд такой трудоспособный член колхозного двора может вообще лишиться доли (ч. 3 ст. 129, ст. 132 ГК РСФСР).

Все эти особенности правового режима имущества колхозного двора делают весьма важным определение круга лиц, находящихся в указанных отношениях. В колхозный двор включается семья колхозника (в том числе несовершеннолетние дети и другие нетрудоспособные лица, проживающие с ним одной семьей), а также другие лица, во-

шедшие в состав колхозного двора, например, в силу заключения брака с одним из его членов.

Важно, что все они совместно ведут домашнее и подсобное хозяйство, но не обязательно, чтобы все они работали в колхозе. Поэтому членами колхозного двора могут быть и лица, не работающие в колхозе (см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1987. № 1. С. 4).

Вопрос о том, является ли хозяйство колхозным двором (и соответственно — распространяется ли на его имущество режим совместной собственности), решается в случае спора судом на основании данных похозяйственной книги сельсовета, а также других доказательств.

Работа хотя бы одного из членов семьи в качестве члена колхоза, которому выделен земельный участок для подсобного хозяйства, может сыграть решающую роль в определении правового режима имущества, например жилого дома в случае спора о наследстве.

Так, мать и сын выстроили жилой дом, зарегистрированный на имя сына. После окончания строительства дома сын вступил в брак, а спустя несколько лет погиб от несчастного случая. Мать предъявила иск жене сына о разделе дома, а свою долю завещала другому сыну. Тот вступил в спор свекрови и невестки после смерти матери в качестве ее единственного наследника. Добившись удовлетворения своих требований, он продал дом постороннему (третьему) лицу. А затем вдова предъявила к покупателю иск о признании заключенного им договора недействительным, ссылаясь на то, что ее муж был главой колхозного двора, а после смерти мужа и его матери она осталась его единственным членом и соответственно стала единственной собственницей всего жилого дома. Поскольку суды во всех разбирательствах не обратили внимания на это обстоятельство, дело, тянувшееся свыше 12 лет, вновь пришлось возвращать на новое рассмотрение по указанию Верховного Суда СССР (см.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 6. С. 24—26).

Правовой режим колхозного двора фактически воспринят и Законом о собственности. Он распространен теперь на **собственность крестьянского и личного подсобного хозяйства граждан** (если иное не предусмотрено законодательными актами союзной или автономной республики).

Участники этих разновидностей трудового хозяйства получили тем самым статус совместных, а не долевых собственников, означающий, таким образом, равенство их прав в отношении общего имущества хозяйства, а также

исключение возможности его наследования при наличии хотя бы одного члена крестьянского или личного подсобного хозяйства.

С этой точки зрения юридический режим, обеспечивающий целостность имущества как индивидуального крестьянского хозяйства, так и колхозного двора (личного подсобного хозяйства семьи колхозника) одинаков. Но он вместе с тем существенно отличен от режима имущества трудового хозяйства, являющегося долевой собственностью его членов.

По этому пути пока пошло и республиканское законодательство (см., например, ч. 1 ст. 45 эстонского Закона о собственности). Лишь в Латвии Закон от 6 мая 1989 г. о крестьянских хозяйствах закрепил **личную собственность крестьянина** (а не его семьи) на имущество хозяйства и установил возможность его наследования в общем порядке (ст.ст. 5 и 7 Закона).

Здесь последовал намеренный отказ от «принципа колхозного двора», допускающий возможность обычного наследования имущества крестьянина (см.: Звягин Ю. Крестьянские хозяйства в Латвии//Хозяйство и право. 1989. № 9. С. 93—94).

Вопрос о характере отношений общей собственности в крестьянском (фермерском) и приравненном к нему личном подсобном хозяйстве вызывает едва ли не наибольшие споры и осложнения. Признание всех членов хозяйства субъектами права общей совместной собственности на его имущество в наибольшей мере соответствует его природе как семейно-трудовой общности граждан. Оно не требует специального оформления (кроме регистрации хозяйства в качестве крестьянского) и отличается простой.

Однако и оно не свободно от сложностей. Так, в целях препятствия смешению однородных имущественных объектов неизбежен запрет отдельным членам хозяйства («двора») иметь в собственности имущество, аналогичное находящемуся в их общей собственности (жилой дом, скот и т. п.). Отсутствие возможности наследования общего имущества, пока жив хотя бы один член хозяйства, обычно рассматривавшееся как преимущество его правового режима, не допустившего дробления собственности между наследниками, не всегда соответствует современным хозяйственным условиям.

1. Права на хозяйствование с имуществом собственника

Понятие и виды прав на хозяйствование с имуществом собственника. Вещные права, как уже отмечалось, являются основной правовой формой реализации экономических отношений собственности, особенно с учетом того обстоятельства, что и само право собственности — хотя и важнейшая, но далеко не единственная разновидность указанных прав.

С этой точки зрения отношения присвоения произведенных материальных благ могут опосредоваться, оформляться юридически не только с помощью права собственности, но и путем признания за производителями иных прав.

Признаваемые законом возможности владеть, пользоваться и распоряжаться чужим имуществом, возникающие обычно по воле собственника и имеющие ограниченное данной волей содержание, но защищаемые в период их действия от любого вмешательства всех третьих лиц, включая и самого собственника, создают достаточно надежную правовую базу для вполне самостоятельной производственно-хозяйственной деятельности (даже если она осуществляется с помощью не принадлежащих непосредственному производителю средств производства).

Данные отношения как раз и охватываются группой **вещных прав отдельных юридических лиц на хозяйствование с имуществом собственника.** Существование названных прав предопределено наличием таких крупных собственников имущества, как государство, массовые общественные организации, другие коллективные собственники, которые не в состоянии непосредственно вести хозяйственную деятельность со всем принадлежащим им имуществом, а вынуждены создавать для этого отдельные, самостоятельные хозяйственные организации с правами юридических лиц.

Имущественная обособленность таких организаций от создавших их собственников, дающая им возможность самостоятельного участия в товарно-денежных отношениях, требует признания за ними особых прав на переданное им имущество собственников, но при одновременном сохранении права собственности за их создателями.

С помощью конструкции иных (ограниченных) вещных прав и создается такое положение, когда имущество, находясь (сохраняясь) в собственности учредителя, передается для самостоятельного хозяйственного использования новому юридическому лицу. Сохранение права собственности на имущество служит интересам собственника, а абсолютный характер вещного права, защищаемого в том числе и против собственника, охраняет интересы и самостоятельность пользователя.

В условиях «огосударствления» экономики конструкция особого вещного права на государственное имущество регулировала правовое положение государственных хозяйственных и иных самостоятельных организаций. С этой точки зрения она сохраняет преимущественное значение для отношений государственной собственности.

Не случайно, между прочим, и в зарубежных странах по мере развития государственной собственности и государственного сектора в экономике правовое положение государственных организаций и в первую очередь — государственных предприятий все чаще решается с помощью конструкции особого вещного права, а не путем признания двух «одинаковых» прав собственности (государства и предприятия) на одно и то же имущество (в рамках концепций «разделенной» или «доверительной» собственности — см.: Гражданское и семейное право развивающихся стран. Учебное пособие. М., 1989. С. 100; Зайцев В. М. Природа прав на имущество государственных промышленных предприятий в Мексике. — В кн.: Политические и правовые системы стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1983. С. 148).

По мере укрепления имущественного положения других крупных собственников (например, массовых общественных организаций, крупных производственных кооперативов) необходимость в этой конструкции стала ощущаться и здесь, причем не только для определения характера прав создаваемых ими самостоятельных производственных организаций, но и для ограничения имущественных правомочий отдельных органов управления имуществом

этих собственников (например, профсоюзных комитетов и советов всех уровней).

Наконец, идея вещных прав доказала удачное в целом соответствие и таким ситуациям, когда несколько собственников по договору создавали новую правоспособную организацию при одновременном сохранении долевого права собственности на ее имущество. Более того, когда несколько государственных организаций — несобственников добровольно создавали новую организацию — юридическое лицо для каких-либо общих хозяйственных целей, стало возможным говорить о «производных» и даже «общих» вещных правах (см. Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. С. 71—76).

В новом законодательстве вещные права юридических лиц на хозяйствование с имуществом собственника составляют особую группу.

В нее, как уже отмечалось, следует включать: **право полного хозяйственного ведения** (п. 1 ст. 24 Закона о собственности); близкое к нему по характеру **право арендного предприятия на арендованное имущество** (п. 1 ст. 18 Основ законодательства об аренде); **право госбюджетного учреждения на самостоятельное распоряжение доходами от хозяйственной деятельности** (п. 2 ст. 26 Закона о собственности); **право госбюджетного учреждения на оперативное управление закрепленным за ним имуществом** (п. 1 ст. 26 Закона о собственности).

Все они включают в себя известную триаду правомочий, осуществляемых в зависимости от воли собственника и в установленных им (и законом) пределах, а также защищаемых в абсолютном порядке.

Различие же между ними состоит в **конкретном объеме и пределах** указанных правомочий. Наиболее широкими у обладателя права полного хозяйственного ведения, к которому вообще «применяются правила о праве собственности, если законодательными актами Союза ССР, союзных и автономных республик не предусмотрено иное» (абз. 2 п. 1 ст. 24 Закона о собственности).

Наиболее узки эти правомочия у субъекта права оперативного управления, традиционно использовавшегося нашим гражданским законодательством в качестве основного вида ограниченных вещных прав (ст. 26¹ Основ гражданского законодательства 1961 г.).

Право полного хозяйственного ведения. При характеристике данного права необходимо подчеркнуть, что оно

является наиболее широким по содержанию видом вещных прав, максимально приближенным по объему к правам собственника.

Раскрывая его содержание, п. 1 ст. 24 Закона о собственности исходит из того, что оно не только складывается из триады правомочий владения, пользования и распоряжения чужим (государственным) имуществом, что характерно для всей этой группы вещных прав, но и осуществляется его обладателем «по своему усмотрению» в рамках «любых действий, не противоречащих закону», что характерно уже только для права собственности (ср. п. 2 ст. 1 Закона о собственности), но не для вещных прав.

С учетом принципиальной возможности распространения на этот институт «правил о праве собственности» можно сказать, что субъекту права полного хозяйственного ведения осталось буквально полшага до получения прав собственника.

Такой подход законодателя к формулированию содержания рассматриваемого института становится понятным, если учесть, что основной сферой его действия самим законом объявлены отношения по поводу имущества государственного предприятия, т. е. по существу по поводу принадлежности средств производства (пока в основном сохраняющихся в государственной собственности) непосредственным производителям материальных благ — трудовым коллективам.

Опять-таки не случайно в процессе подготовки и обсуждения законопроекта о собственности рядом ученых настойчиво предлагалось прямо объявить государственные предприятия (или их трудовые коллективы) собственниками закрепленного за ними государственного имущества либо той или иной его части (см.: Мозолин В. П. Право государственной (общенародной) собственности в условиях совершенствования социализма//Сов. государство и право. 1987. № 5; Басин Ю. Г. Правовая модель полного хозяйственного расчета//Сов. государство и право. 1988. № 4; Калмыков Ю. Х. Общественная собственность и трудовой коллектив//Хозяйство и право. 1988. № 12, и др.).

Законодатель в конечном итоге не воспринял этих предложений, ведущих либо к установлению более чем спорной конструкции «двойной» («расщепленной») собственности на одно и то же имущество (и государства и трудового коллектива), либо вообще к полной и автоматической отмене государственной собственности в экономи-

ке. Но он не смог пройти и мимо законных интересов трудовых коллективов госпредприятий, справедливо расширив их правомочия.

Теперь в соответствии с п. 2 ст. 24 Закона о собственности «государственные органы, уполномоченные управлять государственным имуществом» (т. е. обладающие правом государства-собственника в имущественных отношениях), вправе осуществлять в отношении переданного госпредприятиям имущества лишь три основных правомочия: 1) принимать решения о создании предприятий и определении целей их деятельности; 2) принимать решения о реорганизации и ликвидации госпредприятий (причем трудовой коллектив предприятия вправе в этом случае потребовать передачи реорганизуемого или ликвидируемого предприятия в аренду или преобразования его в иное предприятие, основанное на коллективной собственности, если только речь не идет о банкротстве предприятия); 3) контролировать эффективность использования и сохранность вверенного госпредприятию имущества (рамки такого контроля определены законодательными актами Союза ССР — для общесоюзной собственности, республик — для республиканской собственности. Например, п. 1 ст. 35 Закона о предприятиях в СССР разрешает собственнику проводить комплексную ревизию финансово-хозяйственной деятельности принадлежащих ему предприятий по своей инициативе не чаще одного раза в год).

Все иные действия в отношении государственного имущества, переданного в полное хозяйственное ведение госпредприятий, включая возможность изъятия части имущества, выдачи обязательных плановых или иных заданий и т. п., могут предприниматься исключительно на договорной (добровольной) основе. В противном случае они рассматриваются законом как неправомерное вмешательство в хозяйственную деятельность предприятия (ср. особенно абз. 3 п. 1 ст. 30 Закона о предприятиях в СССР) и влекут обязанность государственных органов по возмещению причиненных предприятию убытков (п. 2 ст. 30 Закона о предприятиях).

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что содержание права полного хозяйственного ведения ограничивается теперь законом **через перечень действий, дозволяемых представителю собственника** (субъекту рассматриваемого права разрешается все, что прямо не отнесено законом к компетенции собственника), а не через установление каких-либо пределов его собственным правомочиям

(как было раньше, когда госпредприятию разрешалось делать лишь то, что прямо предусматривалось законодательством).

Это следует рассматривать как прямую конкретизацию принципа «дозволено все, что не запрещено», причем изъять какое-либо правомочие у субъекта права полного хозяйственного ведения и, наоборот, получить какое-либо правомочие на вмешательство в его хозяйственную деятельность собственник может лишь в случаях, предусмотренных законодательными, но не подзаконными актами Союза ССР, союзных и автономных республик (понимание «законодательных актов» как актов высших органов государственной власти, а не подзаконных постановлений союзного и республиканских правительств, особенно четко сформулировано теперь в п. 1 ст. 4 Закона о предприятиях в СССР).

Все это служит дополнительной гарантией соблюдения правомочий полного хозяйственного ведения. Иначе говоря, у собственника, наделившего свое предприятие правом полного хозяйственного ведения, по сути, остается не триада правомочий владения, пользования и распоряжения переданным такому предприятию имуществом, а лишь «управленческие» возможности по созданию, реорганизации (в том числе, ликвидации) и контролю за деятельностью «своего» юридического лица.

Разумеется, как собственник он сохраняет и право получать доход от результатов деятельности созданного предприятия, однако и это право может быть ограничено: например, в одном из вариантов проекта Закона о собственности в РСФСР предполагалось установить предел в размере, не превышающем плату, которую собственник получал бы при сдаче соответствующего имущественного комплекса в аренду. Тем самым обеспечиваются права предприятия (его трудового коллектива) на часть полученного дохода (за вычетом налогов и указанного «предпринимательского дохода» собственника). Значение такого подхода можно оценить, если учесть, что основным собственником такого имущества, как производственные предприятия (объединения), пока, несомненно, остается государство.

В числе субъектов права полного хозяйственного ведения следует назвать не только государственные предприятия, но и предприятия, создаваемые другими собственниками — акционерными обществами и другими хозяйственными обществами и товариществами, кооперативами, об-

ственными и религиозными организациями (ср. п. 1 ст. 2 и п. 2 ст. 10 Закона о предприятиях в СССР), а также отдельными гражданами (индивидуальными и семейными (групповыми) владельцами).

Третью группу субъектов этого права должны теперь составить **«дочерние предприятия»**, т. е. самостоятельные предприятия—юридические лица, созданные другими предприятиями (п. 1 ст. 7 Закона о предприятиях в СССР).

Ясно, что производственные предприятия, большинство из которых не является и, очевидно, не будет являться собственниками своего имущества, по самой логике вещей не могут создать нового собственника, но вправе образовать субъекта иного вещного права.

Наконец, четвертую группу субъектов права полного хозяйственного ведения составляют **«совместные предприятия»**, создаваемые на основе объединения имущества учредителей — собственников (п. 2 ст. 2 Закона о предприятиях в СССР), но только в том случае, если это прямо предусмотрено учредительными документами или законом.

Например, в соответствии с п. 3 ст. 7 Закона о кооперации кооператив сохраняет право собственности (долевой) на имущество создаваемых им совместных предприятий и организаций, в том числе и объединений с его участием, а также на имущество кооперативных союзов, если последнее не становится собственностью союза в целом. Аналогичное правило предусмотрено теперь ст.ст. 24 и 25 эстонского Закона о собственности.

Отсюда следует, что сами организации, создаваемые при имущественном участии кооперативов, не могут быть собственниками, а должны быть признаны обладателями права полного хозяйственного ведения на объединенное имущество учредителей. Следует еще раз подчеркнуть, что право полного хозяйственного ведения по сути может принадлежать только производственным предприятиям.

Объектами права полного хозяйственного ведения прежде всего являются сами производственные предприятия как особые имущественные комплексы.

Имущество предприятия состоит из основных фондов, оборотных средств и иных ценностей, стоимость которых отражается в его балансе (п. 1 ст. 10 Закона о предприятиях в СССР). Их совокупность обычно охватывается понятием **уставного фонда**.

К основным фондам в соответствии с законодательством о бухгалтерских отчетах и балансах, по общему правилу, относится имущество сроком службы более одного

года или стоимостью более 100 руб. за единицу: здания, сооружения (в том числе и непроизводственного характера), оборудование, транспортные средства и тому подобное имущество, не потребляемое в процессе (цикле) производства, а переносящее стоимость на готовую продукцию постепенно, частями — в виде амортизационных отчислений.

К **оборотным средствам** относится иное («потребляемое») имущество — сырье и материалы (мелкие инструменты), готовая продукция, определенные денежные средства («фонды обращения»).

Кроме того, на предприятии образуются и некоторые **специальные фонды** финансового (денежного) характера (ст. 3 Закона о госпредприятии).

Это, во-первых, **поощрительные фонды**, предназначенные для удовлетворения потребностей трудового коллектива предприятия: **фонд зарплаты**, **фонд материального поощрения** (предназначенный для премиальных выплат и оказания материальной помощи работникам), который может объединяться с фондом зарплаты в **единый фонд сплаты труда**, а также **фонд социального развития** (предназначенный на жилищное и социально-культурное строительство и для удовлетворения других социальных потребностей).

Во-вторых, **фонды, предназначенные для производственных нужд**. К ним относятся: **фонд развития производства, науки и техники** и **ремонтный фонд**, цели которых очевидны из их наименования.

Наконец, имеется группа **фондов «смешанного характера»**, например **фонд валютных отчислений** (который, например, может использоваться как для закупки импортной техники, так и для социальных нужд коллектива) и **финансовый резерв**.

При необходимости могут образовываться и иные фонды (подробнее см.: Бибииков А. И. Фонды экономического стимулирования в системе хозяйственного механизма. Экономико-правовые вопросы. Учебное пособие. Иваново, 1989; Заменгоф З. М. Правовой режим материальных и финансовых ресурсов в хозяйственных системах. М., 1987).

Долгое время подзаконные, особенно ведомственные нормативные акты тщательно регулировали порядок образования и использования (расходования) всех имущественных фондов предприятий (с учетом того, что большинство из них составляли государственные предприятия),

включая жесткие нормативы их образования. Особенно строго контролировался запрет использования денежных и иных материальных ресурсов не по целевому назначению (например, пресекались любые попытки израсходовать средства одного фонда на цели, для которых существовал другой фонд, в случае его недостатка). Соблюдение этого запрета считалось одним из важнейших способов поддержания пропорциональности в развитии народного хозяйства.

С принятием Закона о госпредприятии в 1987 году эти запреты и рамки несколько ослабили. Провозгласив в п. 3 ст. 2 возможность для трудового коллектива «самостоятельно решать все вопросы производственного и социального развития», данный Закон разрешил государственным предприятиям продавать, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять бесплатно во временное пользование либо займы другим предприятиям и организациям основные и оборотные средства, а также списывать их с баланса, если они изношены или морально устарели (п. 4 ст. 4).

Однако одновременно им были установлены две модели распределения дохода («модели хозрасчета»), применявшиеся госпредприятиями по решению вышестоящего органа и предусматривавшие довольно жесткий порядок и нормативы образования специальных имущественных фондов (ст. 3 Закона).

Лишь редакцией этого Закона от 3 августа 1989 г. предприятию было предоставлено право самому решать вопрос о том, на какой «модели хозрасчета» ему работать, причем абз. 5 п. 1 ст. 3 было разрешено по своему усмотрению прибегать к использованию и «других форм хозяйственного расчета, а также арендных отношений».

Так, в 1989 году предприятия электротехнической промышленности и геологии проводили эксперимент по использованию системы «налогообложения доходов» (см.: Лаврентьев А. Облагается налогом // Эконом. газ. 1989. № 35. С. 10).

В одном из вариантов этой системы предприятия за счет своих доходов создают любые фонды, которые они считают необходимыми (как традиционные, так и новые, например фонд риска), по самостоятельно определяемым ими нормативам и направлениям использования, а в другом варианте фонды вообще не создаются, а полученный доход расходуется предприятием по единой смете.

Закон о предприятиях в СССР в п. 2 ст. 21 устанавливает, что прибыль, оставшаяся у предприятия после упла-

ты налогов и других необходимых платежей в бюджет (чистая прибыль), поступает в «**полное его распоряжение**», и предприятие самостоятельно определяет направления ее использования, если иное не предусмотрено его уставом.

Иными словами, предприятие само должно решать, какие фонды, в каком объеме (по каким нормативам) и для каких нужд ему создавать, что полностью соответствует характеру его права полного хозяйственного ведения. Разумеется, учетное значение сохраняет деление имущества на основные и оборотные средства, а экономическая целесообразность приводит к созданию на предприятии **производственных, социальных (поощрительных) и иных специальных фондов**.

Воздействие государства на их образование и расходование будет осуществляться не с помощью прямых предписаний органов государственного управления, а «через налоги, налоговые льготы, а также экономические санкции» (абз. 2 п. 2 ст. 21 Закона о предприятиях в СССР).

Более того, предприятия получили теперь право продавать и сдавать в аренду средства производства и иные материальные ценности **не только другим юридическим лицам, но и гражданам** (если иное не предусмотрено их уставами либо не касается имущества, которое в соответствии с законом вообще не может находиться в собственности или в пользовании граждан).

С согласия собственника или уполномоченного им органа допускается и безвозмездная передача имущества в собственность или в пользование граждан (при соблюдении тех же запретов). Ведь граждане как собственники уравниваются в правах с коллективными собственниками.

Таким образом, не будучи собственниками, субъекты права полного хозяйственного ведения имеют весьма широкие правомочия не только по владению и пользованию, но и по распоряжению закрепленным за ними имуществом.

Об этом свидетельствует и характер источников **формирования** находящегося у них имущества. Наряду с материальными взносами учредителей-собственников и доходами от собственной хозяйственной деятельности к ним отнесены и **доходы от ценных бумаг** (п. 3 ст. 10 Закона о предприятиях в СССР).

Государственным предприятиям право выпуска ценных бумаг и осуществления целевых займов для привлечения

дополнительных финансовых ресурсов было предоставлено ранее п. 3 ст. 2 Закона о госпредприятии в редакции от 3 августа 1989 г.

Закон о предприятиях в СССР прямо разрешил сверх того взаимный (коммерческий) кредит предприятий, т. е. реализацию потребителям своей продукции (работ, услуг) с рассрочкой платежа и уплатой за это процентов, оформляемых **векселями** получателей такого кредита (п. 5 ст. 27).

Следовательно, выпуск ценных бумаг (облигаций, векселей, «акций трудового коллектива» и т. п.) и полученный за счет этого доход становятся нормальным, обычным источником образования имущества производственного предприятия.

Важно также подчеркнуть, что широкие полномочия субъекта права полного хозяйственного ведения сочетаются с его **полной имущественной ответственностью** за результаты деятельности.

Здесь важны два обстоятельства. Во-первых, сохраняется **принцип раздельной ответственности** собственника и созданного им юридического лица по обязательствам, если иное специально не предусмотрено законом (абз. 2 п. 1 ст. 5 Закона о собственности).

Сказанное означает, что по долгам юридического лица, получившего от собственника право полного хозяйственного ведения соответствующей частью его имущества, кредиторы данного юридического лица не смогут обратиться с иском на иное имущество собственника (ссылаясь на то, что обязательство возникло на базе имущества, принадлежащего собственнику).

Во-вторых, по обязательствам юридического лица взыскание может быть обращено на **любое имущество**, принадлежащее ему на праве полного хозяйственного ведения (абз. 1 п. 1 ст. 5 Закона о собственности). В силу этого прекращается действие всех традиционных для нашего гражданского законодательства правил об ограничении ответственности организаций перед кредиторами только их денежными средствами и оборотными фондами (ст.ст. 22, 23, 24 Основ гражданского законодательства 1961 года). Основные фонды нельзя более считать забронированными от взыскания кредиторов.

Изложенное означает, в частности, что при отсутствии у предприятия, например государственного, денежных средств на уплату санкций и убытков за ненадлежащее исполнение обязательств кредитор вправе потребовать продажи иного имущества предприятия, включая основные

фонды, с публичных торгов (аукциона) и удовлетворения претензий за счет вырученных сумм.

Тем самым понятия «неплатежеспособности» и «убыточности» (ср. п. 1 ст. 23 Закона о госпредприятии), ранее лишь осложнявшие деятельность соответствующих предприятий и являвшиеся лишь одним из теоретически возможных оснований ее прекращения, теперь трансформируются в конкретное понятие **«банкротства»**, как бесспорное и безусловное основание для его ликвидации (ср. п. 2 ст. 37 Закона о предприятиях в СССР).

В свете указанного положение о «полной имущественной ответственности» предприятия по всем его обязательствам (включая, например, и обязательства, возникшие в силу выдачи им векселей и других ценных бумаг), провозглашенное п. 1 ст. 34 Закона о предприятиях в СССР, приобретает новый, реальный смысл, а имущественная обособленность субъекта права полного хозяйственного ведения — законченный характер.

Суммируя изложенное, можно сказать, что право полного хозяйственного ведения представляет собой **особое вещное право юридического лица (производственного предприятия) по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом государства или иного собственника в пределах, установленных законом и целями деятельности данной организации (закрепленными собственником в ее уставе).**

В заключение необходимо отметить одну особенность рассматриваемого института в новых условиях хозяйствования. Как известно, для государственных предприятий установлена обязанность передачи части чистой прибыли в долевую собственность членов его трудового коллектива (ст. 25 Закона о собственности).

Поскольку такое имущество (денежные средства) обычно не изымается его работниками у предприятия, а остается в его распоряжении, следует признать, что государственное предприятие теперь осуществляет полномочия полного хозяйственного ведения по отношению **не только к государственному имуществу, но и к имуществу своих работников** в виде находящейся в их долевой собственности части чистого дохода.

Это — новое явление в нашем законодательстве и хозяйственной практике. На него важно обратить внимание еще и по тому, что Закон о предприятиях в СССР распространил данное положение и на другие (негосударствен-

ные) предприятия в случаях, предусмотренных законом или уставом предприятия (п. 3 ст. 21).

В силу сказанного возможно и более широкое распространение ситуаций, когда в полном хозяйственном ведении юридического лица (предприятия) находится имущество, принадлежащее гражданам, а не государству или коллективным собственникам.

Право арендного предприятия на арендованное имущество. Аренда государственных предприятий их трудовыми коллективами, как уже отмечалось, представляет собой отнюдь не разновидность гражданско-правового договора имущественного найма, а особый способ «разгосударствления» экономики, одну из главных форм преобразования государственной собственности в коллективную (п. 2 ст. 10 Закона о собственности).

Соответственно этому правомочия арендного предприятия на переданное ему в аренду государственное имущество определяются не нормами гражданского права о договоре имущественного найма (аренды) и правах нанимателя (арендатора), а законодательством об аренде, договором с арендодателем и уставом арендного предприятия.

Правомочия арендного предприятия относительно арендованного имущества достаточно широки и близки к правомочиям субъекта права полного хозяйственного ведения. Арендное предприятие также владеет, пользуется и распоряжается арендованным имуществом и, в частности, имеет право продавать его, обменивать, сдавать в субаренду (поднаем), предоставлять бесплатно во временное пользование либо взаймы, не испрашивая согласия собственника (арендодателя), а также самостоятельно вносить изменения в состав арендованного имущества, проводить его реконструкцию, расширение, техническое перевооружение, увеличивающие его стоимость (п. 1 ст. 18 Основ законодательства об аренде).

Однако эти правомочия осуществляются арендным предприятием **не «по своему усмотрению», а в соответствии с договором аренды.**

Арендное предприятие свободно в хозяйственной деятельности и вправе самостоятельно определять ее направления только «за пределами исполнения обязательств по договору аренды» (ст. 11 Основ законодательства об аренде).

Границы распоряжения арендованным имуществом ему также ставят условия договора аренды, которые могут за-

прещать отчуждение или изменение арендованного имущества без согласия собственника (арендодателя). Более того, этим договором арендное предприятие обычно обязуется принимать на себя выполнение госзаказа и других заказов по сложившимся до его образования у арендуемого госпредприятия хозяйственным связям (тогда как на имущество, являющееся его коллективной собственностью, оно принимает госзаказы и иные обязательства в строго добровольном порядке — см. п. 4 ст. 18 Основ законодательства об аренде).

В соответствии с п. 4 ст. 16 Основ законодательства об аренде арендное предприятие рассматривается в качестве правопреемника взятого им в аренду госпредприятия и обладает как его правами, так и несет ряд обязанностей, условия дальнейшего осуществления которых опять-таки предусматриваются в договоре аренды.

Таким образом, арендный договор, в известной мере отражающий и волю собственника-арендодателя, наряду с уставом арендного предприятия (п. 2 ст. 16 Основ законодательства об аренде) устанавливает пределы прав арендного предприятия.

Разумеется, арендный договор отражает и волю арендного предприятия. Более того, оно вправе добиваться от собственника (или уполномоченного им органа) **принудительного заключения** договора аренды через арбитраж (абз. 3 п. 1 ст. 16 Основ законодательства об аренде), и даже требовать через арбитраж включения в условия договора пункта о полном или частичном выкупе арендованного имущества, если только общесоюзным или республиканским законодательством не определены ограничения или запреты такого выкупа (п. 1 ст. 10 Основ законодательства об аренде).

Иными словами, оно может добиваться возникновения особого вещного права на арендуемое государственное имущество с возможностью его последующего преобразования в право собственности (коллективной). Такой специфичный порядок появления вещного права арендного предприятия тоже существенно отличает его от права полного хозяйственного ведения, возникающего по прямому указанию закона.

Субъектом права арендного предприятия на арендованное имущество является **само предприятие как юридическое лицо**. Порядок его образования из трудового коллектива бывшего государственного предприятия предусмотрен п. 1 ст. 16 Основ законодательства об аренде и уже освещен

шался при рассмотрении вопроса о праве собственности такого предприятия.

Здесь важно отметить, что субъектом данного права может стать и арендное предприятие, возникшее на основе трудового коллектива не государственного предприятия, а **предприятия, принадлежавшего общественной организации** (ст. 24 Основ законодательства об аренде). Кроме того, им может стать и **кооператив**, арендующий государственное предприятие (ст. 25 Основ законодательства об аренде). Вместе с тем надо иметь в виду, что во всех других видах аренды (аренда имущества гражданами, «арендный подряд») у арендаторов возникает не вещное право, а обязательственное.

Поскольку вещное право юридического лица-арендатора возникает только в случае аренды государственного (или общественного) предприятия или объединения как целого, следует сказать, что основным **объектом вещного права** арендного предприятия является особый **имущественный комплекс** — производственное предприятие или объединение в целом как определенная совокупность имущества (основных, оборотных и других имущественных фондов, а также имущественных прав и обязанностей арендуемого предприятия).

Здесь необходимо различать **имущество, сохраняющееся в собственности арендатора** (и находящееся у арендного предприятия на особом вещном праве), и **имущество, становящееся коллективной собственностью арендного предприятия**.

К последнему в соответствии со ст. 11 Закона о собственности и п. 1 ст. 9, ст. 19, п. 1 ст. 21 Основ законодательства об аренде относятся готовая продукция, полученные доходы (прибыль) и приобретенное за счет средств данного предприятия имущество. (На обычном государственном предприятии указанные виды имущества находятся в его полном хозяйственном ведении, а не в собственности.)

Вклады членов трудового коллектива арендного предприятия, образуемые в соответствии с п. 2 ст. 21 Основ законодательства об аренде, касаются только имущества, находящегося в собственности арендного предприятия и в силу этого не распространяются на имущество, находящееся у него на самостоятельном вещном праве. Таким образом, арендное предприятие часть имущества имеет в собственности, а часть (главным образом, основные фонды) — на указанном вещном праве.

Арендное предприятие может быть создано на основе аренды имущества отдельного производства (цеха), структурной единицы или другого подразделения предприятия (объединения), что предусмотрено ст. 22 Основ законодательства об аренде. В таком случае объектом рассматриваемого вещного права становится данная структурная единица, цех, иное подразделение предприятия (объединения) как самостоятельный имущественный комплекс.

Вещное право арендного предприятия пользуется абсолютной защитой, приравненной к защите права собственности, причем требования о его защите могут быть предъявлены ко всем лицам, включая арендодателя-собственника (п. 1 ст. 15 Основ законодательства об аренде).

Важной дополнительной гарантией рассматриваемого права является запрет обращения взыскания по долгам арендодателя (собственника) на сданное в аренду имущество (п. 2 ст. 15 Основ законодательства об аренде). Сказанное означает, что в период действия договора аренды собственник имущества не может измениться и соответственно условия договора не могут быть пересмотрены.

Можно сказать, что вещное право арендного предприятия представляет собой особое вещное право юридического лица владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом государственного или общественного предприятия (объединения, его подразделения) в пределах, установленных договором с собственником-арендодателем.

Вещные права госбюджетного учреждения. Находящиеся на бюджетном финансировании учреждения (органы управления, правоохранительные, учебные организации, учреждения культуры, здравоохранения, науки и т. п.) обычно не ведут хозяйственной деятельности, поскольку предназначены для достижения различных социально-культурных, а не коммерческих задач. Вместе с тем они располагают определенным имуществом, необходимым им для обеспечения нормальной работы, и в известных рамках участвуют в гражданских правоотношениях.

Имущество они получают не за счет собственных доходов и не для хозяйственных целей, связанных с получением прибыли. Этим предопределяется достаточно узкий характер их правомочий на закрепленное за ними имущество. Если же закон или собственник предоставляет им право в том или ином объеме дополнительно осуществлять и хозяйственную деятельность, то полученные за счет этого доходы, очевидно, должны приобрести иной право-

вой режим, включающий более широкие возможности самостоятельного использования полученных средств.

На этом и строится дифференциация вещных прав госбюджетных учреждений. Закон о собственности предусматривает возможность возникновения у госбюджетных организаций (учреждений) двух различных видов вещных прав: **права оперативного управления** предоставленным собственником имуществом и **права самостоятельного распоряжения** доходами от собственной хозяйственной деятельности и приобретенным за их счет имуществом (пп. 1 и 2 ст. 26).

Право самостоятельного распоряжения полученными доходами по своей природе близко к праву полного хозяйственного ведения. Оно также возникает в силу прямых указаний закона, охватывает обычную для вещных прав триаду правомочий и реализуется его субъектом **«самостоятельно»** (т. е. без специального предварительного согласия собственника и в этом смысле — по его «усмотрению»).

Вместе с тем доходы от собственной хозяйственной деятельности и приобретенное за их счет имущество не становятся не только объектами права собственности, но даже и объектами права полного хозяйственного ведения госучреждения. Не случайно данная категория не используется здесь законодателем.

Дело в том, что право самостоятельного распоряжения возникает лишь в исключительных, прямо предусмотренных законом случаях (когда учреждениям разрешается вести хозяйственную деятельность) и с этой точки зрения производно не столько от прав собственника имущества, сколько от усмотрения законодателя.

Смысл данного права, его назначение состоит не в определении характера принадлежности (правового режима) имущества, который вполне можно было бы уравнивать с принадлежностью остального имущества учреждения, а в некотором **расширении** содержания правомочия распоряжения конкретным видом имущества.

С этой точки зрения можно сказать, что рассматриваемое право представляется средним, **переходным** между широким правом полного хозяйственного ведения и узким правом оперативного управления.

Право самостоятельного распоряжения — особое вещное право учреждения (юридического лица) на самостоятельное распоряжение, владение и пользование определенными видами государственного или иного имущества в установленных законом и собственником пределах.

Субъектами такого права могут быть не только государственные учреждения, но и аналогичные по характеру деятельности учреждения общественных организаций (например, научные и учебные заведения общественных организаций, выполняющие платные работы по договорам с заказчиками, и т. д.).

Соответственно и объектами этого права могут стать, хотя и строго определенные виды имущества (доходы от самостоятельной хозяйственной деятельности и приобретенное за их счет имущество), но находящиеся как в государственной, так и в общественной (коллективной) собственности и даже в собственности граждан.

Основной формой имущественной обособленности государственных (и иных) учреждений является наделение их имуществом на праве оперативного управления.

Институт права оперативного управления давно известен нашему гражданскому законодательству. Ранее он рассматривался законом как единственная правовая форма обособления, закрепления государственного, а впоследствии — и общественного и даже просто общего имущества за самостоятельными юридическими лицами-несобственниками (ст. 26¹ Основ 1961 г.).

С учетом весьма жестких и узких рамок этого права, сковывающих инициативу хозяйственных организаций, законодатель отказался от его использования по отношению к производственным предприятиям и сохранил для учреждений, не занимающихся хозяйственной деятельностью.

Право оперативного управления представляет собой особое вещное право юридического лица (учреждения) владеть, пользоваться и распоряжаться государственным или иным имуществом в пределах, установленных законом, целями его деятельности, заданиями собственника и назначением имущества.

В легальном определении рассматриваемого права отсутствуют указания на возможность его осуществления «по своему усмотрению» или «самостоятельно», напротив, упор сделан на многочисленные «пределы» (границы) данного права.

К ним, наряду с общими для всей рассматриваемой группы вещных прав границами (зафиксированными законом и целями деятельности соответствующего юридического лица), отнесены еще и рамки, определенные заданиями собственника и назначением имущества.

Под заданиями собственника в данном случае следует понимать необходимость строгого соблюдения сметы рас-

ходов, утверждаемых бюджетным учреждениям их вышестоящими органами (обычно ежегодно). Но наряду со сметой как основной формой управления финансовой деятельностью учреждения используются и иные формы выдачи ему заданий, определяющих направления и порядок его деятельности.

Под назначением имущества подразумевается его деление на определенные имущественные (в том числе и денежные) фонды, имеющие строго целевой характер образования и расходования.

Отсюда, в частности, с необходимостью вытекает важное правило о том, что госбюджетное учреждение отвечает по имущественным обязательствам только находящимися в его распоряжении денежными средствами, но не иным имуществом (например, основными фондами — зданиями, сооружениями, оборудованием и т. д.), которое, следовательно, **забронировано от взыскания кредиторов** (п. 3 ст. 26 Закона о собственности). При недостаточности этих средств ответственность по обязательствам госбюджетной организации несет собственник соответствующего имущества (в субсидиарном порядке).

Отсутствие раздельной ответственности по долгам собственника и оперативного управителя вновь доказывает весьма ограниченный характер этого вещного права. Правда, субсидиарная ответственность собственника по долгам оперативного управителя установлена лишь для госбюджетных учреждений и может быть исключена для нехозяйственных организаций, созданных другими собственниками (абз. 1 п. 1 ст. 5 Закона о собственности), что свидетельствует о несколько более широком характере их прав (а тем самым — о возможности дальнейшей дифференциации внутри самого института оперативного управления).

Из сказанного вытекает, что госбюджетные учреждения могут одновременно обладать двумя разными вещными правами на находящееся у них имущество: правом оперативного управления — на основную его часть (и прежде всего — на основные фонды), и правом самостоятельного распоряжения — на доходы, полученные от хозяйственной деятельности и приобретенное за их счет имущество.

Это обстоятельство важно иметь в виду для тех учреждений, которые в том или ином объеме осуществляют такую деятельность и используют элементы хозрасчета, как, например, учреждения культуры (театры, клубы, кинотеат-

ры и т. п.), деятельность которых, несмотря на это, полностью или частично финансируется из госбюджета.

За счет полученных доходов они образуют различные специальные фонды финансового характера (фонд зарплаты и фонд материального поощрения, или единый фонд оплаты труда; фонд творческо-производственного и социального развития) и распоряжаются ими (см. пп. 4—6 Основных положений перевода культурно-просветительных учреждений на новые условия хозяйствования, одобренных Комиссией по совершенствованию хозяйственного механизма при Совете Министров СССР 25 мая 1989 г. // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1989. № 9. С. 4—5; Коротков П. Сколько стоит спектакль? // Экономика и жизнь. 1990. № 3. С. 12).

Сами эти доходы образуются как за счет бюджетного финансирования (из государственных фондов развития культуры и искусства), так и за счет поступлений и сборов от оказания платных услуг населению или организациям. Однако созданный в результате хозрасчетный доход учреждения культуры распределяют самостоятельно (в рамках избранного их трудовым коллективом способа).

Следует полагать поэтому, что на хозрасчетный доход и образуемые за его счет фонды учреждения культуры располагают правом самостоятельного распоряжения, а не правом оперативного управления.

2. Права ограниченного пользования чужим имуществом

Понятие и виды прав ограниченного пользования чужим имуществом. Особенность этой группы вещных прав заключается в их более ограниченном содержании по сравнению с правами на хозяйствование с имуществом собственника.

В подавляющем большинстве случаев анализируемые права не охватывают всех трех правомочий владения, пользования и распоряжения, а касаются лишь некоторых из них. Следовательно, здесь можно вести речь не о пределах, а просто об **ограниченном характере** таких прав.

Осуществление данных прав строго ограничено как предписаниями закона, так и волей собственника, и невозможно по свободному «усмотрению» их обладателя. Не зря сам закон говорит о возможности **«ограниченного пользо-**

вания» имуществом собственника со стороны других лиц «в случаях, на условиях и в пределах, предусмотренных законом» (п. 3 ст. 1 Закона о собственности).

Наконец, рассматриваемая группа прав в большинстве своем имеет не хозяйственное (коммерческое), а потребительское назначение, а потому не требует широких имущественных правомочий.

Исключение здесь представляют некоторые права, связанные с землепользованием, осуществляемым с хозяйственными целями. Они включают возможность «самостоятельно хозяйствовать на земле» (ч. 1 ст. 16 Основ законодательства о земле), и с данной точки зрения являются наиболее широкими по содержанию из рассматриваемой группы вещных прав.

Однако и они в целом не выходят за рамки ограниченных вещных прав, ибо не предоставляют своим субъектам сколько-нибудь широкой возможности (правомочия) распоряжения земельными участками.

Это и понятно, поскольку право собственности на землю в классическом понимании с позиций Закона о собственности вообще отсутствует, и правомочия по распоряжению землей принадлежат только органам государственной власти в пределах их компетенции (если не считать нескольких, сугубо конкретных и опять-таки во всех отношениях ограниченных исключений, прямо предусмотренных законом, например, передачи земли во временное пользование («субаренду») или по наследству).

С учетом специфики земли и других природных ресурсов как объектов имущественных прав вещные права по их использованию можно выделить в особую подгруппу среди ограниченных вещных прав.

Субъектами ограниченных вещных прав, в отличие от вещных прав на хозяйствование с государственным или коллективным имуществом, могут быть **не только юридические лица, но и отдельные граждане**, причем некоторые ограниченные вещные права по самой природе могут принадлежать только гражданам, но не юридическим лицам.

Объектами таких прав обычно являются не целые имущественные комплексы (предприятия, учреждения), а **отдельные вещи** (жилой дом, другое строение или помещение, земельный участок и т. п.).

Вместе с тем, и ограниченные вещные права сохраняют **абсолютный характер защиты** против всех возможных нарушителей, включая и собственника имущества.

Право ограниченного (личного) пользования граждан.

Это право наиболее широко используется для оформления отношений, связанных с удовлетворением жилищных потребностей граждан.

В силу прямых указаний абз. 1 п. 2 ст. 7 Закона о собственности право пользования (в проекте Закона оно прямо называлось **правом личного пользования**) возникает у граждан как членов жилищных, жилищно-строительных, дачных и других потребительских кооперативов относительно предоставленных им квартир, дач, иных строений или помещений. Его юридическим основанием служат отношения членства гражданина в кооперативе.

Характер правомочий по целевому владению и пользованию, а также ограниченному распоряжению предоставленным в пользование кооперативным имуществом (последнее включает в себя, в частности, возможности обмена имущества с согласия собственника, его раздела, вселения иных лиц и т. д.) не оставляет сомнений в его вещно-правовой природе. Она подтверждается и абсолютным характером защиты этого права.

Нет никаких препятствий и для признания вещного характера права отчуждателя (продавца) жилого дома, сохраняющего за собой пожизненное право пользования одним или несколькими помещениями в нем (независимо от возможной в будущем смены собственника).

В научной литературе уже давно обосновывается целесообразность признания вещным правом прав нанимателя жилого помещения в домах государственного или общественного жилого фонда. Данный подход не только в большей мере соответствует реальной природе таких отношений (учитывая их фактически бессрочный характер, возможность передачи помещений по наследству члену семьи совместно проживающему с нанимателем, и ряд других обстоятельств, включая и особый порядок защиты его прав), но и мог бы стать еще одной гарантией прочности, стабильности жилищных прав граждан.

По данному пути уже давно пошло законодательство некоторых восточноевропейских стран, прежде всего, чехословацкое жилищное законодательство, успешно использующее институт права личного пользования для удовлетворения жилищных потребностей граждан (см.: Гражданско-правовое регулирование отношений по удовлетворению потребностей граждан. М., 1989. С. 205—220).

С этих позиций право личного пользования можно определить как особое **вещное право гражданина с целью удовлетворения определенных личных потребностей вла**

деть и пользоваться отдельными объектами государственной или коллективной (кооперативной) собственности, а в установленных законом случаях и пределах — также и распоряжаться ими с согласия собственника.

Субъектом этого права являются отдельные граждане (и члены их семей), объектом — индивидуально определенное имущество потребительского назначения, находящееся, как правило, в государственной или коллективной собственности (хотя, в случае продажи дома гражданином при условии сохранения за ним права пожизненного пользования отдельными помещениями, право личного пользования может возникнуть и в отношении имущества граждан).

Содержание этого права характеризуется не только ограниченным характером правомочий, но и их **целевым (потребительским) назначением**. Размер объектов этого права пока нормируется законодательством с учетом недостатка в них и сугубо потребительского назначения.

В будущем вполне возможно появление ограниченных вещных прав такого типа и на другое имущество граждан, в том числе и производственного назначения. Однако действующее законодательство их пока не предусматривает, а это в соответствии с п. 3 ст. 1 Закона о собственности исключает их существование.

Право пожизненного наследуемого владения земельным участком. Это вещное право граждан впервые предусмотрено п. 4 ст. 6 Закона о собственности, ст. ст. 5 и 20 Основ земельного законодательства. Данное право имеет целевой характер, однако цели, для которых оно предоставляется, могут быть как потребительские, так и производственные.

В соответствии с ч. 1 ст. 20 Основ законодательства о земле земельные участки предоставляются гражданам в пожизненное наследуемое владение для ведения крестьянского хозяйства, личного подсобного хозяйства, для садоводства и животноводства, традиционных народных промыслов (производственные нужды); для строительства и обслуживания жилого дома, дачи, а также в случае получения по наследству или приобретения жилого дома (потребительские нужды). Республиканским законодательством могут быть предусмотрены и иные цели данного института.

Содержание права пожизненного наследуемого владения складывается не только из правомочий владения, но и пользования землей, включая возможность использования в установленном порядке общераспространенных полезных ископаемых, торфа, лесных угодий и водных объ-

ектов, а также эксплуатацию других полезных свойств земли, и право на возведение жилых, производственных и иных строений и сооружений.

При этом посе́вы и посадки сельскохозяйственных культур и насаждения, сельскохозяйственная продукция и доходы от ее реализации, а также возведенные на участке строения и сооружения являются собственностью земельного владельца (ч. 1 ст. 16 Основ законодательства о земле).

Субъект права пожизненного наследуемого владения имеет и некоторые возможности распоряжения земельным участком — главным образом, в виде права передачи его по наследству. Однако раздел земельных участков граждан, ведущих крестьянское хозяйство, прямо запрещен (ч. 5 ст. 25 Основ законодательства о земле). По существу это право носит **бессрочный характер**.

Следует отметить, что долгосрочная наследуемая аренда (эмфитевзис) является институтом, хорошо известным еще классическому римскому праву.

Как указано в литературе, именно существенное ограничение прав собственника земли при эмфитевзисе дало основание средневековым юристам создать концепцию «разделенной» собственности (см.: Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения). М., 1989. С. 120). В дореволюционном русском законодательстве этот институт назывался чиншевым правом (искаженное немецкое слово *Zins* — арендная плата, процент) (подробнее об этом см.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. СПб., 1907. С. 338—341).

В этом отношении наше законодательство обоснованно следует старым, оправдавшим себя традициям.

Объектом пожизненного наследуемого владения является земельный участок, размер которого в зависимости от целей предоставления нормируется законодательством. Предполагается, что у одного гражданина (его семьи) для одной и той же цели одновременно не может быть более одного земельного участка на праве пожизненного наследуемого владения. Это, впрочем, не исключает возможности при необходимости прибегнуть к дополнительной аренде земли (ср., например, ч. 2 ст. 25 Основ законодательства о земле), однако уже на ином правовом основании (тителе) — по договору.

Таким образом, право пожизненного наследуемого владения можно определить как особое вещное право граждан с определенной хозяйственной или потребительской целью **бессрочно владеть и пользоваться земельным участком**

установленного размера в предусмотренном законом порядке.

Иные ограниченные вещные права граждан по пользованию земельными участками. Для конкретных хозяйственных и иных нужд гражданам могут предоставляться земельные участки на праве пользования (ограниченного землепользования).

Речь идет о предоставлении земли под огороды, для сенокосения, выпаса скота и тому подобных временных нужд (ст. 21 Основ законодательства о земле). Такого рода землепользование носит **срочный характер** (сравнительно кратковременный) и весьма ограничено по содержанию.

Кроме права использования самой земли в строгом соответствии с условиями ее предоставления (включая возможность использования общераспространенных полезных ископаемых, торфа, лесных и водных угодий и других полезных свойств земли), обладатель права ограниченного землепользования вправе также возводить на данном земельном участке жилые, производственные и иные строения с обязательного предварительного согласия предоставившего землю местного Совета (ч. 1 ст. 17 Основ законодательства о земле). Никаких возможностей распоряжения земельным участком он вообще не приобретает. Вместе с тем его вещное право защищается законом наравне с правом землевладельца (ср. ст. 18 Основ законодательства о земле).

Фактически речь идет о краткосрочной аренде земли, возникающей, однако, не по договору (так как юридический собственник земли отсутствует), а в порядке земельного отвода (ч. 1 ст. 8 Основ законодательства о земле).

Ограниченное землепользование представляет собой, следовательно, особое **вещное право гражданина владеть и пользоваться конкретным земельным участком для строго определенных нужд на условиях и в пределах, предусмотренных законом.**

Основы законодательства об аренде в п. 2 ст. 27 предоставляют право гражданам-арендаторам строить на арендованном земельном участке необходимые помещения производственного и непроизводственного назначения, в том числе жилые дома, но по согласованию с арендодателем и при соблюдении правил застройки. При этом такие здания и сооружения становятся собственностью арендатора, если иное не предусмотрено договором аренды.

Речь, таким образом, идет о давно известном **праве застройки** (до 1948 г. оно было закреплено у нас ст.ст. 71—

84 ГК РСФСР 1922 г. В юстиниановом праве это вещное право, известное под названием «суперфиций», стало даже наследственным и отчуждаемым — см.: Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения). С. 306).

Ограниченный характер данного права прямо следует из его содержания, предоставляющего обладателю не триаду правомочий, а лишь единственную, хотя и достаточно важную, возможность.

Республиканскому законодательству известны и иные виды ограниченных вещных прав граждан, касающихся использования земли (типа опять-таки давно известных еще римскому праву **сервитутных прав**). Так, ст. 14 эстонского Закона от 6 декабря 1989 г. о хуторском хозяйстве (Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР. 1989. № 39. Ст. 611) предусматривает возможность установления **права пользования водоемом**, который «окружен землевладениями хутора», **право прохода по хуторской земле, право ведения на ней охоты, сбора ягод и грибов на хуторской земле и в лесах хутора, право ловли рыбы, временного проживания и передвижения по земле хутора, возникающих с согласия (по договору) владельца хуторского хозяйства.**

Несмотря на договорный порядок возникновения, большинство перечисленных прав имеет вещный характер (в том числе и с точки зрения возможностей их защиты). С развитием отношений индивидуального и коллективного землевладения надобность в такого рода правах сервитутного типа, особенно регулирующих отношения владельцев и пользователей соседствующих земельных участков, несомненно, резко повысится, что потребует и более тщательной законодательной разработки.

Ограниченные вещные права юридических лиц. Данная группа вещных прав касается возможностей использования земли организациями. Последние, в зависимости от целей деятельности, могут получить земельные участки либо **на праве землевладения, или постоянного владения землей** (ч. 3 ст. 5, ч. 1 ст. 16, ч. 1 ст. 24 Основ законодательства о земле), либо **на праве землепользования, или постоянного или временного пользования** (ст. 6, ч. 1 ст. 17 Основ законодательства о земле). Оба этих права представляют собой ограниченные вещные права.

Субъектами постоянного владения (землевладения) являются колхозы, совхозы и другие организации, использующие землю для сельскохозяйственного производства. **Субъекты права постоянного или временного пользования**

(землепользования) — организации, использующие землю для несельскохозяйственных (производственных и непроизводственных) нужд.

Землевладельцы-организации имеют несколько более широкие по содержанию правомочия, чем землепользователи (их конкретное различие охарактеризовано ранее, при освещении отличий прав граждан-землевладельцев и землепользователей), которые к тому же всегда носят **бессрочный характер**, тогда как права землепользователей могут быть **временными**.

Однако и те, и другие возникают в одинаковом порядке предоставления земельного отвода (а не по договору) и в равной мере защищаются от посягательств любых посторонних (третьих) лиц в соответствии со ст. 18 Основ земельного законодательства.

Кроме того, субъекты обоих прав имеют хотя и очень ограниченные, но тем не менее вполне конкретные возможности **распоряжения** предоставленными им участками — путем передачи во временное пользование в случаях и в порядке, предусмотренных законодательством (в своего рода «субаренду»).

Теоретически ограниченные вещные права могут возникнуть у юридических лиц и в отношении иного имущества, принадлежащего государству, другим юридическим лицам или гражданам. Однако пока действующее законодательство не предусматривает прямо таких возможностей.

ЛИТЕРАТУРА:

Бибиков А. И. Фонды экономического стимулирования в системе хозяйственного механизма. Экономико-правовые вопросы. Учебное пособие. Иваново, 1989.

Гражданско-правовое регулирование отношений по удовлетворению потребностей граждан/Под ред. В. П. Грибанова, З. Чешки. М., 1989. § 2 гл. 4 (С. 203—220).

Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. § 2 гл. 2 (С. 48—79).

Заменгоф З. М. Материально-техническая база и средства предприятия (комментарий ст. 4 Закона)//Хозяйство и право. 1987, № 11.

Иванов А. А., Медведев Д. А. Право государственного предприятия на имущество//Правоведение. 1991. № 1.

Право собственности в СССР. М., 1989. Гл. I разд. II.

Право собственности в условиях совершенствования социализма. М., 1989. Разд. II.

Толстой Ю. К. Социалистическая собственность и оперативное управление. — В кн.: Проблемы гражданского права. Л., 1987. С. 39—91.

1. Понятие и основные гражданско-правовые способы защиты права собственности

Понятие защиты права собственности. Экономические отношения собственности (присвоения) составляют основу, базис любого общества, а правовое регулирование (право) появляется и сохраняется прежде всего как система норм, закрепляющих, регламентирующих и охраняющих данные отношения (их волевою сторону). Поэтому охрана существующих отношений собственности — важнейшая задача всякой правовой системы, ее стержень в конечном счете.

Можно сказать, что право собственности, т. е. закрепленное законом определенное состояние принадлежности (присвоенности) материальных благ, охраняется нормами едва ли не всех отраслей права: уголовным, устанавливающим ответственность за преступные посягательства на имущество государства, юридических лиц и граждан; административным, наказывающим мелкие проступки такого рода; трудовым, регулирующим, например, материальную ответственность работников за причиненный ими работодателю имущественный ущерб; земельным, семейным и, разумеется, гражданским.

Очевидно, что в таком понимании охрана отношений собственности выходит за рамки гражданско-правовой науки. Здесь речь может идти лишь о **гражданско-правовых способах (средствах)** защиты.

Но в деле охраны права собственности различные нормы и институты гражданского права играют неодинаковую роль. Одни из них устанавливают или закрепляют принадлежность (присвоенность) материальных благ тем или иным субъектам и этим охраняют их, берут под защиту закона.

Таковы, в частности, нормы Закона о собственности, четко определившие возможность появления права собственности акционерных обществ, хозяйственных това-

риществ, религиозных организаций, трудовых хозяйств, ранее не признававшихся законом собственниками (принадлежность материальных благ для некоторых из них в исключительном порядке иногда закреплялась в подзаконных актах).

Другие правила обеспечивают условия для осуществления собственниками принадлежащих им прав и в этом смысле тоже весьма важны для охраны (например, нормы, устанавливающие конкретный гражданско-правовой режим отдельных объектов права собственности — необходимость их регистрации, возможности отчуждения и т. д.).

Третьи устанавливают ответственность за совершение незаконных действий с чужим имуществом, за причинение материального ущерба собственнику и т. п., т. е. непосредственно охраняют и защищают правомочия собственника от противоправных посягательств. Поэтому можно сказать, что большинство норм гражданского права так или иначе связано с охраной отношений собственности, но есть и **специальные меры гражданского права** по их непосредственной защите.

В связи с этим в гражданском праве принято различать, во-первых, **охрану** отношений собственности в широком смысле слова с помощью всех норм гражданского права, обеспечивающих нормальное и беспрепятственное развитие экономических отношений; во-вторых, охрану отношений собственности в узком смысле, или их **защиту** — как совокупность тех гражданско-правовых средств (способов), которые применяются в связи с совершением против отношений собственности правонарушений (см.: Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 472—473).

Система гражданско-правовых способов защиты права собственности. В зависимости от характера нарушений права собственности и содержания предоставляемой защиты в гражданском праве используются различные способы, юридически обеспечивающие интересы собственника.

При непосредственном нарушении права собственности (например, похищении или изъятии имущества) вступает в действие его **абсолютная защита** от всяких посягательств на имущество, носящая, как и само право собственности, **вещно-правовой характер**.

При иных нарушениях имущественного характера, затрагивающих основанные на собственности правомочия (например, в случае невозврата арендатором принадлежащей собственнику вещи в обусловленный договором срок,

или при причинении имущественного вреда объекту права собственности путем его порчи или уничтожения), применяются способы защиты **обязательно-правового характера**, учитывающие предшествующее нарушению существование между правонарушителем и собственником определенных правоотношений (договорных или обязательственных).

Наконец, некоторые средства защиты права собственности, имеющие особый характер и в силу этого не могущие быть включенными ни в одну из указанных двух групп (например, нормы о последствиях явки гражданина, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим), выделяются в **иные гражданско-правовые способы** защиты права собственности (см.: Советское гражданское право. Т. I. М., 1979. С. 306).

В связи с усилением защиты отношений собственности в условиях создания правового государства Закон о собственности ввел новую категорию исков (гражданско-правовых способов) по защите права собственности. Пунктом 1 ст. 33 и ст. 34 Закона предусмотрена возможность предъявления собственниками **исков к государственным органам** об оспаривании законности их индивидуальных или нормативных решений, нарушающих право собственности (и о возмещении причиненных этими решениями убытков).

Такого рода иски не могут быть отнесены не только к вещно-правовым или к обязательно-правовым, но даже и к иным способам защиты права собственности, ибо направлены не против равноправных участников гражданских правоотношений, а против обладающих властными полномочиями государственных органов. Вместе с тем по содержанию и последствиям применения они носят безусловно гражданско-правовой (а не государственно-правовой или административно-правовой) характер. Все это говорит в пользу необходимости выделения еще одной, четвертой по счету, группы гражданско-правовых способов защиты права собственности.

Обязательно-правовые способы защиты собственности рассматриваются при изучении обязательственного права, а «иные» способы — при освещении соответствующих конкретных институтов гражданского права. Применительно к праву собственности обычно освещаются лишь вещно-правовые способы его защиты, наиболее близкие юридической природе самого этого права.

В современных условиях представляется необходимым

рассматривать здесь и новую группу гражданско-правовых способов защиты права собственности — иски к государственным органам об оспаривании законности их решений, нарушающих право собственности.

2. Вещно-правовые способы защиты права собственности

Виндикационный иск является одним из наиболее древних и вместе с тем эффективных гражданско-правовых способов защиты собственности, четко урегулированных еще в римском частном праве. Его название происходит от латинских слов *vim dicere* — «объявляю о применении силы». Он представляет собой **иск невладельца вещи к владеющему ею несобственнику**.

Иными словами, виндикационный иск установлен на случай утраты собственником владения своей вещью и состоит, как говорит закон, в истребовании своего имущества «из чужого незаконного владения» (п. 1 ст. 32 Закона о собственности, п. 1 ст. 54 Основ гражданского законодательства). Например, колхоз оставил на поле после уборки принадлежащий ему комбайн. Весной его обнаружили работники совхоза, забрали, отремонтировали и стали эксплуатировать, а руководство колхоза, узнав об этом спустя еще год, предъявило требование о возврате комбайна.

Для четкого решения всех возникающих при этом вопросов необходимо, прежде всего, определить **условия предъявления виндикационного иска**.

Субъектом права на виндикацию является собственник имущества (либо иной его законный владелец), который, следовательно, должен доказать свое право на истребуемую вещь (**титул**).

Субъект обязанности — незаконный владелец, обладающий вещью на момент предъявления иска. Если он докажет свое право на вещь (не обязательно право собственности), т. е. законность обладания ею, либо к моменту предъявления иска вещь у него вообще не окажется, виндикационный иск предъявлять нельзя, поскольку отсутствует сам предмет виндикации (но можно предъявить обязательственно-правовое требование о возмещении убытков).

Объект виндикации — всегда индивидуально-определенная вещь, сохранившаяся в натуре. Поскольку содержа-

нием виндикации становится требование о восстановлении владения вещью, а не о замене ее другой или вещами того же рода и качества, виндикационный иск нельзя предъявлять относительно вещей, определенных только родовыми признаками, либо не сохранившихся в натуре (например, когда спорное строение капитально перестроено, а не просто отремонтировано новым владельцем).

Так, передвижная механизированная колонна (ПМК) межколхозной строительной организации и один из заводов приобрели у строительного треста трубы для прокладки водопровода. Представители ПМК вывезли со склада треста-продавца трубы, предназначавшиеся заводу, по ошибке посчитав их своими, и использовали по назначению. В иске завода к ПМК о возврате труб обоснованно было отказано, хотя последняя и была обязана оплатить заводу причиненные убытки.

Наконец, важным условием предъявления виндикационного иска является **отсутствие между его сторонами договорных отношений**. В ином случае речь надо вести об обязательственно-правовых требованиях, вытекающих из договорных условий. Так, завод художественного литья, изготовивший по договору с организацией-заказчиком памятник, из-за несвоевременной оплаты его работы оставил у себя закладной камень для памятника, принадлежащий заказчику. Требование заказчика о возврате камня нельзя считать виндикационным иском, поскольку его передача вытекала из имевшихся между сторонами договорных отношений.

Суммируя изложенное, можно сказать, что **виндикационный иск — требование невладельца (или иного управомоченного лица — титульного владельца) о возврате имущества в натуре (индивидуально-определенной вещи) из незаконного владения других лиц**.

Если собственник обнаружил свою вещь в обладании непосредственного нарушителя, ясно, что он вправе истребовать ее (при наличии изложенных выше условий). Но дело значительно осложняется в тех, практически наиболее значимых случаях, когда вещь, выбывшая из владения собственника или иного управомоченного лица, обнаруживается не у непосредственного нарушителя, а у иного лица, которое приобрело ее даже не у незаконного владельца, а у других лиц.

Например, в период расторжения брака между супругами один из них без согласия другого продал через комиссионный магазин автомашину, бывшую их общей сов-

местной собственностью, третьему лицу. Бывшая жена обратилась с иском к приобретателю автомашины об истребовании этого имущества, а народный суд удовлетворил ее требования, признав договор купли-продажи автомобиля недействительным и возвратив стороны в первоначальное положение. Покупатель автомашины, понесший к тому же расходы по ее ремонту, оспаривал обоснованность этого решения (см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1980. № 11. С. 9). Чьи интересы заслуживают здесь предпочтения — интересы собственника или приобретателя имущества?

Закон устанавливает условия удовлетворения виндикационного иска, учитывая два обстоятельства: характер приобретения имущества ответчиком по такому иску и способ выбытия имущества из обладания собственника (ст. 54 Основ гражданского законодательства 1991 года).

С точки зрения характера приобретения спорного имущества различается добросовестное и недобросовестное владение (хотя и то, и другое, строго говоря, являются незаконным владением). Добросовестный приобретатель не знал и не должен был знать о том, что приобретает имущество у лица, которое не имело права его отчуждать.

Ясно, что его поведение морально безупречно по сравнению с поведением недобросовестного владельца, который либо знал (например, скупщик краденого), либо должен был знать о неправомерных действиях отчуждателя (например, приобретатель вещи «с рук» по заведомо более низкой по сравнению с действительной стоимостью цене).

Поэтому у недобросовестного приобретателя имущество может быть истребовано во всех случаях, а у добросовестного — лишь в исключительных. Более того, закон запрещает истребовать у добросовестного приобретателя деньги и ценные бумаги на предъявителя (п. 1 ст. 54 Основ), а также имущество, проданное ему в порядке, установленном для исполнения судебных решений (ч. 2 ст. 152 ГК РСФСР) т. е. с публичных торгов (аукциона).

Случаи истребования имущества у добросовестного приобретателя по виндикационному иску ограничиваются двумя ситуациями: во-первых, когда он приобрел имущество безвозмездно (по договору дарения, в порядке наследования и т. п.), его изъятие не нанесет добросовестному, хотя и незаконному, владельцу имущественных убытков.

Во-вторых, учитывается способ выбытия имущества у собственника (для случаев его возмездного приобретения

добросовестным владельцем). Если у самого собственника имущество выбыло **по его воле** (например, было сдано им внаем, а затем незаконно продано нанимателем третьему лицу), оно не может быть им истребовано, поскольку он допустил неосмотрительность, оплошность в выборе контрагента и должен нести невыгодные последствия этого, ибо добросовестный приобретатель, в отличие от собственника, действовал **субъективно** безупречно.

Поэтому, в частности, в приведенной выше ситуации с продажей автомобиля одним из супругов суд первоначально принял неправильное решение, оставив без внимания то обстоятельство, что общее имущество (автомобиль) бывших супругов находилось в управлении одного из них с согласия другого и таким образом первоначально вышло из его владения по его воле.

Иное дело, когда имущество выбывает из владения собственника или иного управомоченного лица **помимо их воли** (утрачено, похищено и т. п.). В этом случае субъективно безупречно поведение как собственника, так и добросовестного приобретателя, однако **объективно** положение последнего характеризуется противоправностью (ибо он является незаконным, хотя и добросовестным владельцем).

Закон разрешает истребование имущества и в такой ситуации (п. 1 ст. 54 Основ гражданского законодательства).

Все это говорит об **ограничении виндикации** для добросовестного приобретателя чужого имущества. Ранее такие ограничения активно использовались законодателем для особой, повышенной защиты государственного и общественного имущества. Объекты «социалистической собственности», неправомерно отчужденные каким бы то ни было способом, могли быть истребованы соответствующими организациями от всякого приобретателя (ч. 4 ст. 28 Основ гражданского законодательства 1961 г.), т. е. без различия добросовестности и недобросовестности владения (последнее, таким образом, имело значение лишь для имущества, находящегося или отчужденного у граждан).

Более того, на требования государственных организаций о возврате государственного имущества из незаконного владения негосударственных организаций или граждан не распространялось действие исковой давности (ст. 17 Основ гражданского законодательства 1961 г.), что привело к установлению по сути ничем неограниченной виндикации государственного имущества.

В настоящее время в связи с признанием законом ра-

венства всех форм собственности в товарном обороте, установлено, что государство обеспечивает гражданам, организациям и другим собственникам **равные условия защиты права собственности** (п. 3 ст. 31 Закона о собственности). В связи с этим правила о неограниченной виндикации государственной собственности и повышенной гражданско-правовой защите государственной, кооперативной собственности и собственности общественных организаций утратили силу как формально (с введением в действие Закона о собственности), так и по существу (как устанавливающие необоснованные привилегии для отдельных форм собственности).

Негаторный иск. Данный гражданско-правовой способ защиты права собственности — один из наиболее старых и известных еще римскому праву, что прямо вытекает даже из его названия (*actio negatoria* — буквально «отрицающий иск»).

Он представляет собой **требование об устранении препятствий в осуществлении права собственности**, т. е. таких его нарушений, которые не соединены с лишением владения имуществом (п. 2 ст. 32 Закона о собственности, п. 2 ст. 54 Основ гражданского законодательства).

Классический пример такого рода требований представляют собой споры по осуществлению прав владельцев соседствующих строений и земельных участков (когда один из них своими действиями создает помехи для осуществления прав других, например, возводит строения или сооружения, закрывающие доступ света в окна соседа, препятствующие его свободному проходу или проезду на свой участок, и т. п.).

Условиями предъявления и удовлетворения негаторного иска являются следующие обстоятельства.

— Во-первых, **субъект такого иска** — собственник (или иной титульный владелец имущества), **сохраняющий вещь в своем владении**. При отсутствии данного условия (отсутствие самой вещи у собственника) речь может идти о виндикационном или каком-то другом иске, но не о негаторном.

Во-вторых, **субъект обязанности** — нарушитель прав собственника (обычно речь идет о **праве пользования**, а не о праве владения или распоряжения), действующий **незаконно**. Если препятствие в осуществлении правомочий создается правомерными действиями (например, прокладывается траншея вблизи домовладения собственника с разрешения соответствующих государственных органов),

предъявлять негаторный иск нельзя — придется претерпеть последствия таких действий, либо оспаривать их законность (что невозможно с помощью негаторного иска).

Наконец, в-третьих, **объект требований** по негаторному иску — **устранение** длящегося правонарушения, или противоправного состояния, сохраняющееся к моменту предъявления иска. Поэтому отношения по негаторному иску не подвержены действию исковой давности — требование можно предъявить в любой момент, пока сохраняется правонарушение.

Иск об освобождении имущества от ареста (об исключении имущества из описи). Такого рода требования довольно часто встречаются в судебной практике. Арест имущества, т. е. его опись и запрет им распоряжаться, возможны в случаях, прямо предусмотренных законом (как мера, обеспечивающая исполнение судебного решения о возмещении ущерба или приговора о конфискации имущества; как нотариальное действие, используемое при открытии наследства в целях охраны имущественных прав наследников; а также как принудительная мера для обеспечения других имущественных прав граждан и организаций при предъявлении иска в суде).

Подробно порядок ареста имущества и составления описи регулируется подзаконными актами (см. гл. II Инструкции об исполнительном производстве, утвержденной приказом Министра юстиции СССР от 15 ноября 1985 г. // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1987. № 11. С. 16—21).

В опись иногда ошибочно включаются ценности (имущество), принадлежащие другим гражданам. В 70% случаев, как свидетельствует судебная практика, речь идет о требованиях супруга об исключении из описи его доли в общем имуществе или лично ему принадлежащих вещей.

Относительно юридической природы данного иска в литературе ведутся споры. В одних случаях он рассматривается как разновидность виндикации (см.: Советское гражданское право. Ч. I. М., 1986. С. 410—411); в других — как разновидность негаторного иска об устранении препятствий не в пользовании, а в распоряжении имуществом (Там же. С. 416—417; Советское гражданское право. Т. I. М., 1985. С. 407—408; Советское гражданское право. Ч. I. Л., 1982. С. 316); в третьих — как **особый иск о признании права собственности** — разновидность предусмотренных ч. 1 ст. 6 Основ гражданского законодательства исков о признании права (см.: Советское гражданское право. Т. I.

М., 1979. С. 305; Толстой Ю. К. Социалистическая ответственность и оперативное управление. — В кн.: Проблемы гражданского права. Л., 1987. С. 103).

Последняя точка зрения представляется в наибольшей мере соответствующей действительности. О vindикации здесь говорить не приходится потому, что в большинстве случаев имущество (до момента фактического изъятия) находится у собственника. Нельзя такой иск считать и негативным, ибо нарушитель не просто создает препятствия, помехи в реализации правомочий собственника, не связанные с лишением владения, а по сути лишает собственника его права, **юридически** (а иногда и фактически), изымая у него данное имущество.

Условия предъявления и удовлетворения данного иска специально урегулированы в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1978 г. «О применении законодательства при рассмотрении судами дел об освобождении имущества от ареста (исключении из описи)» (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1978. № 3), действующего с изменениями и дополнениями от 12 мая 1988 г. (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1988. № 4), а также постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 апреля 1985 г. «О выполнении судами РСФСР постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1978 г. № 4 «О применении законодательства при рассмотрении судами дел об освобождении имущества от ареста (исключении из описи)» (Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1985. № 7).

Субъектом такого иска является собственник (или иной титульный владелец), имущество которого ошибочно включено в опись.

Речь, однако, не идет о лице, имущество которого описано, — сам должник или осужденный (подследственный) не вправе обращаться с иском об освобождении имущества от ареста, ибо тем самым он оспаривает вообще законность и обоснованность привлечения его к гражданской или уголовной ответственности, а вовсе не доказывает свое право собственности (которое в этом смысле никто и не оспаривает). Дело, следовательно, касается других лиц, имущество которых вовсе не принадлежало должнику (осужденному), к которому применена данная принудительная мера.

Субъектом обязанности (ответчиком по иску) всегда являются не одно, а два (минимально) лица: во-первых, должник, у которого арестовано имущество; во-вторых,

организации и лица, в интересах которых наложен арест на имущество (взыскатели, кредиторы).

Если арест на имущество наложен в связи с его конфискацией, ответчиками являются осужденный и соответствующий финансовый орган (обычно — райфинотдел), представляющий пока интересы государства как целого, поскольку имущество изымается у собственника именно в пользу государства (п. 2 ст. 33 Закона о собственности, п. 4 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1978 г.).

При создании в будущем органов, уполномоченных управлять соответствующей государственной собственностью, именно они и должны будут занять в данных случаях место ответчиков по иску.

Объект требований представляет собой спорное имущество в натуре. Если при этом имущество, причитающееся на долю истца, неделимо (например, супруга претендует на часть автомобиля, являющегося ее совместной с осужденным собственностью), то суд может либо выделить ему какое-либо другое имущество, включенное в опись (в порядке компенсации, т. е. равное по стоимости), либо освободить имущество от ареста и целиком отдать его истцу, обязав уплатить соответствующую денежную компенсацию (за вычетом доли истца), либо, наконец, оставить имущество в описи, обязав лицо, в интересах которого наложен арест, выплатить истцу соответствующую денежную компенсацию (абз. 2 п. 10 названного постановления Пленума).

Если же приговором или решением суда будет установлено, что все имущество, включенное в опись (и принадлежащее, например, на долю супруга), приобретено на средства, добытые преступным путем, взыскание в возмещение причиненного преступлением ущерба может быть обращено и на долю другого супруга, членов колхозного двора или крестьянского хозяйства (п. 8 названного постановления).

В спорах об исключении имущества из описи весьма важно соблюдение требований о подтверждении обоснованности претензий **предусмотренными законом средствами доказывания.**

Например, после осуждения крупного спекулянта для конфискации его имущества были описаны ценности на сумму свыше 73 тыс. руб. С иском о снятии ареста с имущества осужденного на сумму свыше 52 тыс. руб. обратилась его теща, утверждавшая, что ценности (деньги,

изделия из золота, серебра, хрустала, меха и пр.) принадлежат ей, хотя она и проживала отдельно от осужденного.

Кроме того, жена осужденного просила снять арест с имущества на сумму свыше 18 тыс. руб., утверждая, что оно было подарено ей матерью, бабушкой, друзьями, приобретено в браке с первым мужем. Суд признал право собственности за тещей на имущество стоимостью свыше 40 тыс. руб., а за женой — стоимостью свыше 16 тыс. руб. Истцами не было представлено никаких письменных доказательств договоров дарения родственниками включенных в опись ценных вещей (тогда как дарение имущества на сумму свыше 500 руб. требует в силу ст. 257 ГК РСФСР нотариального удостоверения), сведений о времени и источниках приобретения спорного имущества, а были использованы свидетельские показания, не допускаемые для этих случаев законом (см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1984. № 8. С. 3). Решение было отменено Верховным Судом РСФСР за необоснованностью.

По другому делу суд по просьбе родственницы осужденного исключил из описи ковер стоимостью 500 руб. как переданный ею ответчику во временное пользование, не исследовав вопрос о том, сколько времени ковер находился в пользовании ответчика. Однако договор безвозмездного пользования имуществом, заключаемый между гражданами на срок более одного года, в силу ст.ст. 342 и 276 ГК РСФСР должен быть заключен в простой письменной форме и свидетельскими показаниями подтверждаться не может (см.: О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении судами дел об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) (Обзор судебной практики)//Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 1. С. 46).

3. Иски к государственным органам об оспаривании законности их решений, нарушающих право собственности

Понятие и виды исков к государственным органам о защите права собственности. Эта новая группа гражданско-правовых способов защиты права собственности введена Законом о собственности. Их основная особенность заключается в том, что ответчиками по таким требованиям выступают непосредственно органы государства, обладающие властными полномочиями.

Ранее такая ответственность не предусматривалась нашим гражданским законодательством. Лишь в случаях сноса принадлежавших гражданам домов в связи с изъятием земельных участков для государственных или общественных нужд могли возникнуть споры с гражданами о порядке и размерах предоставляемой компенсации, однако ответчиками по таким спорам в большинстве случаев выступали организации, для которых отводились соответствующие земельные участки, и лишь как исключение — исполкомы местных Советов народных депутатов.

При этом речь шла не об оспаривании законности их действий, а о предоставляемой собственникам компенсации за их имущество, т. е. добиваться сохранения самого права собственности с помощью таких требований было невозможно. С этих позиций они напоминали обязательственно-правовые иски о возмещении причиненного собственнику вреда.

Что касается исков об исключении из описи имущества, предназначенного для конфискации, то и в них в качестве одного из ответчиков выступал не орган, принявший решение об аресте соответствующего имущества, а представитель государства-собственника как обычного субъекта гражданских правоотношений. В рассматриваемых же здесь случаях речь фактически идет о возможности **оспорить законность властного акта** органа государства и тем самым восстановить право собственности и привлечь к имущественной ответственности перед собственником государство, нарушившее его правомочия.

Изложенное означает признание возможности **ответственности государства** перед гражданином или коллективом-собственником и вполне соответствует концепции правового государства и идее равенства всех форм собственности. Установление таких исков следует считать большим достижением нового законодательства.

С их помощью впервые стало возможным защищать право собственности не только от других граждан и организаций-участников товарно-денежных отношений, но и от неоправданного властного вмешательства государства в лице его органов в отношении собственности. Важно, что именно указанные органы, а не другие организации (и даже не «финансовые органы», пока представляющие в гражданских правоотношениях государство как целое) являются непосредственными ответчиками по иску и отвечают за причиненные собственнику убытки средствами, находящи-

мися в их распоряжении (абз. 2 ст. 34 Закона о собственности).

В зависимости от характера принятого государственным органом решения (нормативного или индивидуального) и от характера нарушения самого права собственности законодательство предоставляет собственнику два разных иска: об оспаривании индивидуального акта органа государственного управления, влекущего прекращение его права собственности по основаниям, допускаемым законом (например, в связи с решением об изъятии земельного участка), и об оспаривании нормативного акта такого органа или даже местного органа государственной власти, непосредственно нарушающего или прекращающего права собственника или другого (титульного) владельца.

В обоих случаях речь идет о споре гражданина или юридического лица с государственным органом, нарушившим властным решением их право собственности (или иного титульного владения).

Важной гарантией права собственности стало установление обязанности государственных образований (Союза ССР, союзных и автономных республик) в полном объеме возмещать собственнику убытки, причиненные в результате принятия ими **законодательных актов, прекращающих право собственности.**

Речь идет о том, что суверенные государства вправе принимать законы, в том числе включающие положения об изъятии того или иного имущества у тех или иных собственников (о его национализации), однако права собственников имущества должны быть гарантированы и в данном случае. Правило п. 2 ст. 31 Закона о собственности как раз и направлено на охрану имущественных интересов любого собственника **от возможной национализации его имущества.**

В свете сказанного можно оценить обоснованность распространённых призывов к национализации имущества некоторых массовых общественных организаций решениями органов государственной власти.

Конечно, путем предъявления судебного иска о полном возмещении убытков, причиненных собственнику в связи с изданием законодательного акта, нельзя оспорить законность или обоснованность такого акта, да и сами указанные иски по сути являются разновидностью исков о возмещении вреда (обязательно-правовых способов защиты). Но в силу их прямой направленности **на охрану интересов собственников** от вмешательства государства новый

способ защиты их прав может быть включен в рассматриваемую группу гражданско-правовых способов защиты права собственности.

Иск о защите прав собственника при их прекращении по законным основаниям. В данном случае дело касается ситуаций, когда в случаях и в порядке, предусмотренных законами Союза ССР, союзной или автономной республики, компетентный государственный орган принимает решение, хотя и не направленное непосредственно на изъятие имущества у собственника, но автоматически прекращающее его из-за фактической невозможности осуществления (изъятие земельного участка, на котором находятся принадлежащие собственнику строения и насаждения, и т. п.). Убытки, причиненные прекращением права собственности, возмещаются собственнику в полном объеме (с учетом неполученных будущих доходов — п. 2 ст. 56 Основ гражданского законодательства, п.1 ст.33 Закона о собственности).

Однако собственник вправе не согласиться с таким решением, хотя бы и основанном, по мнению принявшего его государственного органа, на законе. Исполнение такого решения приостанавливается до рассмотрения спора судом или арбитражем (абз. 2 п. 1 ст. 33 Закона о собственности).

Представляется, что орган государства, принявший оспариваемое решение, как ответчик по делу обязан будет доказать не только законность, но и целесообразность принятого решения, влекущего прекращение права собственности (при необходимости оценки приводимых им доводов суд или арбитраж вправе привлечь независимых экспертов), а также полноту объема возмещаемых собственнику убытков.

При недоказанности первых из двух перечисленных обстоятельств суд или арбитраж должен удовлетворить требования собственника, объявив решение государственного органа недействительным (неправомерным), а в последнем случае принять решение о дополнительном возмещении собственнику соответствующих понесенных убытков.

Таким образом, объектом этого иска могут стать либо оспариваемое собственником решение государственного органа, либо объем и порядок возмещения причиненных ему имущественных убытков. В последнем случае речь надо вести о разновидности иска о возмещении причиненного вреда (хотя бы вред был причинен правомерными действиями ответчика), а не об оспаривании законности реше-

ния органа государства. Конечно, и такой иск служит в конечном итоге защите права собственности (во всяком случае, защищает определенные имущественные интересы собственника).

В развитии названных правил п. 2 ст. 31 Закона о собственности в РСФСР предусмотрел для собственника также возможность требовать предоставления ему равноценного имущества (вместо полного возмещения убытков), что существенно дополняет защиту его законных интересов.

Иск о признании недействительным акта, нарушающего право собственности. В данном случае речь идет по существу об оспаривании законности нормативного (подзаконного) акта, прямо нарушающего права собственников или иных титульных владельцев.

По замыслу закона (ч. 1 ст. 34 Закона о собственности) здесь имеется в виду именно нормативный акт, а не «решение» государственного органа, носящее индивидуальный характер (ср. п. 1 ст. 33 Закона о собственности).

Возможность собственников — граждан и юридических лиц непосредственно оспаривать нарушающие их правомочия подзаконные акты нормативного характера (приказы, постановления, инструкции и т. д.), ранее принципиально исключавшаяся для них из нашего правопорядка как присущая исключительно вышестоящим в иерархическом отношении органам или прокурорскому надзору, представляет собой исключительную по значимости законодательную новеллу.

В указанном порядке возможно признание недействительными актов, во-первых, любых **органов государственного управления** (от министерств и ведомств СССР до отделов и управлений исполкомов местных Советов); во-вторых, **местных органов государственной власти** (краевых, областных и нижестоящих Советов народных депутатов и их исполкомов).

Основанием признания указанных актов недействительными является не само нарушение ими прав собственников, а противоречие **закону** как акту высшего органа государственной власти. В этом качестве следует рассматривать акты Съездов народных депутатов СССР и союзных республик, Верховных Советов СССР, союзных и автономных республик.

При полном соответствии оспариваемых актов закону иск, разумеется, удовлетворен быть не может. Последствием его удовлетворения является не только признание недействительным соответствующего нормативного акта, но

и возложение на принявший его орган власти или управления обязанности возместить собственнику все убытки, причиненные в результате издания оспоренного акта, причем в полном объеме.

Примерами издания такого рода актов могут служить некоторые решения местных Советов народных депутатов о необоснованном (нарушающим правила Закона о собственности) изъятии имущества, находившегося в собственности КПСС, профсоюзов, некоторых других общественных организаций.

В отсутствие конкретной практики применения всех этих правил можно лишь прогнозировать их реальное значение и возможные сложности в их использовании. Однако ясность и простота предложенных ими условий удовлетворения соответствующих исков, а главное — назревшая потребность в таких способах охраны права собственности позволяют надеяться на их эффективность.

4. Гражданско-правовая защита иных вещных прав

Понятие и основные гражданско-правовые способы защиты иных вещных прав. Гражданско-правовые способы защиты права собственности, в том числе иски вещно-правового характера, в силу прямых указаний закона предоставляются также лицу, хотя и не являющемуся собственником, но владеющему имуществом в силу иного вещного права (полного хозяйственного ведения, оперативного управления, пожизненного наследуемого владения), возникшего у него в силу закона или договора (п. 4 ст. 32 Закона о собственности, ст. 54 Основ гражданского законодательства). Сказанное относится и к искам об оспаривании решений государственных органов (ст. 34 Закона о собственности). Это означает, что вещные права действительно имеют такую же гражданско-правовую защиту, что и право собственности.

Важной особенностью гражданско-правовых способов защиты вещных прав является возможность их предъявления и к самому собственнику, что прямо подчеркнуто законодателем в п. 4 ст. 32 Закона о собственности.

Таким образом, обладатель вещного права может предъявить и к собственнику виндикационный или негаторный иск, а также оспорить законность ведомственных нормативных актов. Предоставление такой возможности особенно важно обладателям вещных прав на хозяйствование

с чужим имуществом, поскольку ставит их в смысле правовой защищенности фактически в положение собственников имущества.

В хозяйственной практике государственные и иные юридические лица как обладатели вещных прав на закрепленное за ними имущество достаточно активно действуют в качестве как истцов, так и ответчиков по вещно-правовым, в первую очередь по виндикационным, искам, ничем не отличаясь в этом смысле от организаций-собственников.

Так, один из райпотребсоюзов Пермской области заготовил 42 т мочала и продал их заготконторе за 57 тыс. руб. С базы заготконторы мочало без предъявления каких-либо документов было изъято государственным мехлесхозом, директор которого пояснил, что у него есть основания полагать, что часть этого мочала заготавливалась в лесах его района без согласия лесхоза. Заготконтора вынуждена была предъявить ему виндикационный иск об истребовании мочала.

В другом случае работники Красноярского объединения «Крастяжмаш», злоупотребляя служебным положением, продали принадлежащее этому объединению оборудование, в том числе четыре токарно-винторезных станка, старательской артели «Дружба» читинского объединения «Забайкалзолото». Госарбитраж РСФСР удовлетворил впоследствии иск объединения «Крастяжмаш» о возврате оборудования.

Гражданско-правовая защита права владения. Вещно-правовые и иные способы защиты закон предоставляет не только собственникам и субъектам иных вещных прав, но **вообще законным (титульным) владельцам**, в качестве которых выступают и временные владельцы имущества, обладающие им в силу договора с собственником (и в установленных договором пределах), например, хранители, арендаторы (наниматели) и т. д.

Иначе говоря, гражданско-правовые иски в защиту своих прав, в том числе иски вещного характера, могут предъявить любые лица, обладающие в силу закона или договора **правомочием владения** определенным имуществом (зачастую гораздо меньшим по сравнению не только с «полным набором» правомочий собственника, но и с правомочиями обладателей иных вещных прав).

Защита любого правомерного (законного) владения, прежде всего с помощью виндикационного и негаторного исков, а также обязательно-правового иска о возмещении причиненных убытков (а теперь, кроме того, и с

помощью иска об оспаривании действительности актов государственных органов, нарушающих право владения), составляет понятие **владельческой защиты**.

В связи с принятием Закона о собственности и вызванными этим изменениями в правовой регламентации можно говорить о возрождении в нашем гражданском праве владельческой защиты как особого гражданско-правового института, давно известного развитому гражданскому законодательству. Смысл его, вообще говоря, состоит не только в защите законного владения, но и в определенной защите незаконного, прежде всего, добросовестного владения.

Ведь добросовестный владелец вещи, будучи все-таки владельцем незаконным, строго говоря, не должен был бы приобретать право собственности на нее даже при отказе собственнику в виндикационном иске (если добросовестный владелец приобрел вещь на возмездных началах, а собственник выпустил ее из обладания по своей воле). Ведь воли собственника на прекращение права не было.

Иное дело, что, отказывая собственнику в удовлетворении его виндикационного иска, суд или арбитраж тем самым как бы подтверждает законность сделки по приобретению спорного имущества, которая и становится правополагающим фактом (титулом) для нового собственника.

Но как быть в тех случаях, когда собственник не может истребовать имущество даже у недобросовестного владельца по причине пропуска исковой давности, распространяющейся на виндикацию? Ведь если собственник утратил возможность принудительной защиты своего права, то это еще не означает, что фактический (незаконный и, мало того, недобросовестный) владелец автоматически становится новым собственником.

Во всяком случае, пока наше гражданское право не предусматривало такого основания возникновения права собственности, как давность владения имуществом (или приобретение так называемого **«задавненного имущества»**, на истребование которого собственником или иным законным владельцем пропущен срок исковой давности). В этом случае формально можно говорить лишь о бесхозяйном имуществе, как известно, поступавшим в собственность государства (ст. 32 Основ гражданского законодательства 1961 г.).

С отменой неограниченной виндикации государственного имущества и установлением законом равноправия форм собственности лишаются значения эти традиционные для нас положения. В качестве **«задавненного»** может оказать-

ся и государственное имущество, и нет никаких оснований возвращать его государству под видом «бесхозного».

Эти и некоторые другие соображения заставляют полагать необходимым появление (а точнее — возрождение) в нашем гражданском праве **приобретательной давности**, т. е. возможности, признаваемой законом, стать собственником имущества и будучи его незаконным (и даже недобросовестным) владельцем, но провладев им беспрепятственно в течение определенного законом времени.

Такие правила, известные давно и многим законодательным системам, с необходимостью вызывают установление владельческой защиты (в том числе, для фактического, незаконного владения) и владения как особого гражданско-правового института, а не только как одного из правомочий собственника или субъекта иного вещного права. Думается, что такое законодательное решение — дело достаточно близкого будущего.

Идея о восстановлении такого правового института получила отражение в п. 3 ст. 7 Закона о собственности в РСФСР. Им предусмотрена абсолютная защита прав лица, хотя и не являющегося собственником, но добросовестно и открыто владевшего имуществом, в отношении которого никто не заявлял претензий, непрерывно в течение установленных законов сроков. Тем самым приобретательная давность и владельческая защита впервые за долгие годы получили четкое законодательное закрепление.

ЛИТЕРАТУРА:

Донцов С. Е. Гражданско-правовые внедоговорные способы защиты социалистической собственности. М., 1980.

Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР/Под ред. С. Н. Бра- туся, О. Н. Садикова. М., 1982. С. 189—197.

О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении судами дел об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) (Обзор судебной практики)//Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. № 1. С. 42—47.

Толстой Ю. К. Социалистическая собственность и оперативное управление. — В кн.: Проблемы гражданского права. Сборник статей/Под ред. Ю. К. Толстого, А. К. Юрченко, Н. Д. Егорова. Л., 1987. С. 91—103.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Освещенные в настоящих лекциях основные институты и понятия гражданского права, предназначенные для регламентации волевой стороны отношений собственности, имеют общее значение. Независимо от того, какие конкретные нормы будут в дальнейшем закреплены в законодательстве республик, категории права собственности, вещных прав, акционерной собственности и собственности хозяйственных товариществ, общей собственности, вещных и иных исков по защите права собственности и многие другие, безусловно, сохранят роль в гражданско-правовом регулировании.

Основополагающее значение этих гражданско-правовых средств регламентации товарно-денежных отношений предопределяется их ролью в становлении рыночной экономики, составляющей главное содержание осуществляемой в настоящее время радикальной экономической реформы.

В свою очередь, развитые товарные, рыночные связи с неизбежностью потребуют единства, по крайней мере, в основах правового регулирования. Отсюда — необходимость четкого квалифицированного общесоюзного гражданского законодательства как главного правового инструмента, обеспечивающего функционирование и развитие общесоюзного рынка.

Эту роль и призваны сыграть новые Основы гражданского законодательства, Закон о собственности в СССР и некоторые другие общесоюзные законодательные акты, закрепившие ряд важнейших, исходных правил. Развитие законодательства суверенных республик не должно становиться непреодолимым препятствием на данном пути, ибо «единое экономическое пространство» и межреспубликанские хозяйственные связи опираются на гражданско-правовое единство.

Несомненно, что принципиальные положения, установленные новым Законом о собственности в СССР, не толь-

ко станут стержнем общесоюзного гражданского законодательства, но в основе будут восприняты и гражданским законодательством республик, какие бы национальные и иные различия оно ни отражало.

Этого требует характер экономических отношений товарообмена, правовое опосредование которых должно содействовать, а не препятствовать развитию и углублению межрегиональных хозяйственных связей. Да и по самому существу многие наиболее общие гражданско-правовые категории давно приобрели фактически интернациональный характер, различаясь в основном в конкретных деталях оформления.

Поэтому их изучение и осмысление поможет правильно ориентироваться в законодательстве и правоприменительной практике даже в условиях быстрого и кардинального обновления содержания правового регулирования, происходящего в нашей стране в настоящее время.

Переход к рыночной экономике вызвал к жизни огромные законодательные перемены. Ушли в прошлое некоторые казавшиеся практически незыблемыми законодательные конструкции и теоретические концепции времен административно-командной системы управления экономикой. На очереди — скорое принятие ряда новых законодательных актов, кардинально реформирующих сложившийся в экономической сфере правовой порядок. Но и в этих условиях не ослабляется, а возрастает роль продуманных и испытанных теоретических конструкций и положений, к числу которых безусловно относится развиваемое в гражданско-правовой науке учение о праве собственности. Оно — фундамент, основная база для дальнейшего изучения и последовательного применения весьма сложной и важной материи гражданского права.

Законотворческая практика последнего времени в целом подтверждает справедливость изложенных положений. В республиканских законах о собственности и других законодательных актах углубляется и уточняется представление о правовом регулировании этих важнейших имущественных отношений в условиях последовательного перехода к многоукладной рыночной экономике. На базе впервые закрепленных общесоюзным Законом о собственности идей о многообразии и равенстве различных форм собственности, о вещных правах как эффективных и необходимых правовых формах реализации экономических отношений собственности, о правовой защите интересов собственника от необоснованного вмешательства государства в его

хозяйственную деятельность и других республиканское законодательство закрепило достаточно многообразные подходы к правовой регламентации собственности, следующие, однако в принципиально общем направлении.

Так, установлено практически единообразное понимание самого права собственности и иных вещных прав, текстуально совпадают нормы о защите интересов собственника, весьма много общего в регламентации государственной собственности, собственности граждан, акционерных и других хозяйственных обществ и товариществ, кооперативов и других юридических лиц. Все это создает базу для последующего общего регулирования рассматриваемых отношений в кодифицированных актах гражданского законодательства — в Основах и гражданских кодексах.

В этой связи следует обратить внимание на ряд основных моментов в правовом оформлении собственности, предложенном новой редакцией Основ гражданского законодательства, Союза ССР и республик 1991 г. Раздел II данного законопроекта получил четкое наименование «Право собственности и иные вещные права». Тем самым закреплена принципиальная уточнение в понимании содержания данного института, воспринята концепция многообразия правовых форм реализации экономических отношений собственности. Устранено выделение «форм собственности», по традиции содержащееся в общесоюзном Законе о собственности. Ведь, согласно п. 1 ст. 44 Основ, «имущество может находиться в собственности граждан, юридических лиц и государства». Здесь подчеркнуто, что у данного права могут быть различные субъекты, но его содержание от этого не меняется. Никаких особых «прав индивидуальной, коллективной или государственной» собственности нет и не должно быть, поскольку это противоречило бы идее равенства «форм собственности».

В содержание прав и обязанностей собственника теперь включено «бремя содержания собственником его имущества» (п. 2 ст. 45 Основ), воспринятое из Закона о собственности в РСФСР (п. 7 ст. 2). Необходимость данной категории очевидна как с юридической, так и с экономической точек зрения, также свидетельствуя о более углубленном подходе законодателя к раскрытию содержания отношений собственности, не ограничивающемся традиционной «триадой» правомочий.

В Основы гражданского законодательства введено правило о приобретательной давности (п. 3 ст. 50), причем уточненное даже по сравнению с нормой п. 3 ст. 7

Закона о собственности в РСФСР, возродившего в нашем гражданском праве эту категорию.

Прямо введено право собственности юридических лиц (ст. 52). При этом все они классифицированы прежде всего в зависимости от характера прав учредителей на их имущество (п. 2 ст. 11), а также по целям деятельности (коммерческие и некоммерческие организации — ст. 18). Уточнено правовое положение хозяйственных объединений, допускаемых теперь только в двух основных формах — ассоциаций (союзов) и концернов, являющихся собственниками в качестве самостоятельных юридических лиц, добровольно созданных другими юридическими лицами (ст. 23). Впервые за долгие годы сформулирован полный перечень хозяйственных обществ и товариществ. Большую ясность приобрел имущественный статус производственных кооперативов в качестве коммерческих организаций, отделенных от потребительских кооперативов.

Вещные права юридических лиц по хозяйственному использованию имущества собственника распространены теперь не только на государственное имущество, но касаются всех возможных собственников. Иначе говоря, всякий собственник — гражданин, юридическое лицо, государственное образование — при создании предприятия с правами юридического лица обязан наделить его правом полного хозяйственного ведения на выделяемое ему на самостоятельном балансе имущество. Точно так же при создании собственником учреждения, финансируемого им за счет собственных средств, такое юридическое лицо получает право оперативного управления закрепленным за ним имуществом. Тем самым четко зафиксирован и субъектный состав правоотношений, складывающихся в связи с предоставлением вещных прав.

Новыми Основами гражданского законодательства предусмотрен и ряд других новых юридических конструкций и решений, касающихся права собственности и других вещных прав. Вместе с тем они справедливо отказались от закрепления традиционных для нашего законодательства деклараций и положений идеологического характера, не подкрепленных конкретным юридическим «механизмом». Например, в них отсутствует абстрактный запрет «отчуждения работника от средств производства и эксплуатации человека человеком», содержащийся в п. 6 ст. 1 Закона о собственности в СССР. Вызвано это не изменением идеологических позиций, а стремлением создать юридический, работоспособный документ, который мог бы стать реаль-

ным инструментом столь необходимой ясной регламентации имущественных отношений в новых условиях социально-экономических преобразований.

В данной связи нельзя не остановиться на методологически важной проблеме отражения в законе его исходных социально-экономических предпосылок. Дело в том, что отход законодательных актов последнего времени, и прежде всего — республиканских законов о собственности, от провозглашения лозунгов и идеологических заклинаний (наиболее типичных для Закона о государственном предприятии 1987 г., выразившего такой идеологический подход к законотворчеству в концентрированном виде), вызвал резкую критику представителей экономической науки. Он был охарактеризован как «правовой» и «антинаучный» произвол, поскольку «разработчики закона сознательно подменяют научные политико-экономические характеристики собственности абстрактно юридическими», не учитывая необходимости сохранения «в качестве определяющих целей экономики наиболее полное удовлетворение потребностей и всестороннее развитие всех членов общества, участие трудящихся в управлении экономикой и обществом, распределение по труду» (Конышев В. Закон «О собственности в РСФСР»: правовой переворот? // Экономика и жизнь. 1991. № 7. С. 5. Ср. Черковец В. Что происходит? // Экономика и жизнь. 1991. № 10. С. 11).

Оставляя в данном случае в стороне вопрос об эффективности подобного рода призывов Конституции СССР 1977 года и последующих законодательных актов (включая и упомянутые общесоюзные Законы о государственном предприятии и собственности), следует обратить внимание на принципиальную сторону дела. В какой мере конкретный закон как юридический документ должен отражать экономическое (строго говоря, политэкономическое) содержание регулируемых им отношений? Почему политэкономические характеристики собственности представляются научными и требующими к тому же законодательного закрепления, а юридические — антинаучными и абстрактными (и, следовательно, не нуждающимися в законодательном оформлении, а годящимися, видимо, только для научной и учебной литературы)?

Думается, что в действительности дело обстоит противоположным образом. Так, различие «форм собственности» (индивидуальной, или собственности граждан, коллективной и государственной), закрепленное Законом о собственности в СССР и являющееся прямым, «зеркаль-

ным» отражением политэкономического различия индивидуального, группового (коллективного) и общественного присвоения, противоречит идее их «полного равенства», закрепленной тем же Законом. Ведь только государственной собственности присущи такие основания возникновения, как взимание налогов, взыскание штрафов, конфискация, реквизиция и национализация (хотя все другие общегражданские способы возникновения права собственности доступны всем собственникам, в том числе и государству). В собственности государства может находиться любое имущество, в том числе и, скажем, ядерное оружие, которое заведомо не может стать собственностью других граждан и юридических лиц (и даже муниципальной собственностью). В чем же тут равенство?

Если политэконому понятна категория «коллективной собственности», то для юриста она является чистой абстракцией. Ведь «коллективом» может быть и юридическое лицо с обособленным имуществом, и семья, и «трудовой коллектив» (например, бригада, коллектив цеха, фермы и т. п.), и «коллектив» (группа) граждан, временно объединившихся для совместной деятельности (простое товарищество). Одни из этих «коллективов» могут самостоятельно участвовать в имущественном обороте, а другие — нет, ибо в отсутствие обособленного имущества базу их участия составляет личное имущество отдельных граждан. Именно поэтому пришлось признавать юридическим лицом и «коллектив арендаторов», и «арендное», а затем — и «коллективное предприятие». Только такое юридическое лицо как целое и может быть самостоятельным собственником имущества, иначе «коллективная собственность» неизбежно распадается на собственность отдельных граждан (например, при обращении взыскания на имущество такого «собственника») и вся искусственность этой «научной» конструкции становится очевидной. Следовательно, закон, если он остается в подлинном своем качестве регулятора общественных отношений, должен закрепить понятие «право собственности юридических лиц», а не абстрактную «коллективную собственность». Это и было прямо сделано подвергаемым критике Законом о собственности в РСФСР.

Полемика по этому поводу важна и потому, что экономистами достаточно запутан вопрос о частной собственности, специально затронутый в настоящей работе. Следует подчеркнуть, что политэкономическое понятие частной собственности носит весьма узкий, чтобы не сказать искусственный, характер. Оно включает принадлежность матери-

альных благ одному лицу, притом не всякого имущества, а лишь средств производства, и таких, которые это лицо не в состоянии эксплуатировать само, не прибегая к найму рабочей силы (автоматически отождествляемому с эксплуатацией). Эта, сама по себе не самая распространенная ситуация, возводится в абсолют и объявляется заведомо непригодной для нашего общественного строя.

В действительности труд по найму даже у индивидуального (тем более — у «коллективного») собственника вовсе не ведет к возникновению отношений «эксплуатации», если трудящийся участвует в соответствующей доле в доходах от своего труда (с учетом предпринимательского риска собственника и последний получает соразмерную часть дохода). Именно такой подход и закреплен в п. 2 ст. 5 Закона о собственности в РСФСР и в п. 3 ст. 47 Основ, причем распределение дохода (прибыли) по договору между собственником и трудовым коллективом препятствует отчуждению работников от средств производства и эксплуатации их труда в первую очередь на государственных и «коллективных» предприятиях, а не только на гипотетических «частнокапиталистических».

Тогда приобретает строгий юридический (а не абстрактный идеологический) смысл понятие права частной собственности. Оно закрепляет вовсе не индивидуальную принадлежность материальных благ, а право собственности «частных», т. е. негосударственных, владельцев имущества, преследующих в товарно-денежных отношениях именно «частный», а не «публичный» (государственный) интерес. В этом смысле право частной собственности и охватывает право собственности отдельных граждан («индивидуальной») и юридических лиц («коллективной»). Оно противостоит праву собственности государства (государственных образований), которое и в гражданском обороте обычно олицетворяет общественный интерес. В таком смысле «неприкосновенность» права частной собственности означает не охрану капиталистической собственности от посягательств трудящихся, а защиту всякой собственности от необоснованного вмешательства со стороны государства, особенно в предпринимательскую (хозяйственную) деятельность.

С этой точки зрения явным недоразумением стало выделение в российском Законе о собственности «права собственности общественных объединений», ибо эти последние как собственники участвуют в гражданских правоотношениях с обособленными имущественными интересами, ничем

не отличаясь от других юридических лиц. Иное дело, что в некоторых республиках законодательство теперь выделяет «частную собственность» (а не право частной собственности) именно как принадлежность имущества отдельному гражданину — физическому лицу (ст. 12 Закона о собственности в Белорусской ССР. Принят 11 декабря 1990 г. (см.: Советская Белоруссия. 1990. 26 дек.). Здесь действительно закреплено сугубо политэкономическое понимание рассматриваемой категории, но такова была воля республиканского законодателя.

В конечном итоге речь идет о том, что закон должен закреплять применимые на практике юридические категории и конструкции, а не становиться полем борьбы идеологических воззрений и политико-экономических концепций. Думается, что это — одно из основных условий его эффективности, подтверждаемое нашей многолетней нормотворческой и правоприменительной практикой. Именно отступление от проверенных многовековым опытом правовых институтов существенно снижало действенность нашего законодательства.

К сожалению, такие попытки не устранены и современной законодательной практикой. В качестве примера можно сослаться на положения принятого в РСФСР 25 декабря 1990 г. Закона о предприятиях и предпринимательской деятельности (см.: Экономика и жизнь. 1991. № 4. С. 16—18). В нем установлено, что «смешанное» (командитное) товарищество и общество с ограниченной ответственностью не являются собственниками своего имущества, поскольку оно принадлежит его участникам «на праве общей долевой собственности» (п. 2 ст. 10, п. 3 ст. 11). Ответ на вопрос о том, какое же право на имущество принадлежит самому товариществу, данный Закон оставляет открытым. Учредителям общества с ограниченной ответственностью разрешено выпускать акции для образования уставного фонда (п. 1 ст. 11). В полном товариществе также установлена долевая собственность участников, но само товарищество не признается юридическим лицом (пп. 2 и 3 ст. 9), хотя в командитном товариществе, признаваемом юридическим лицом, тоже есть участники («действительные члены»), несущие полную ответственность по его долгам.

В данном случае налицо полное непонимание законодателем природы отношений собственности, складывающихся в хозяйственных обществах и товариществах. Разумеется, ориентироваться на такое законодательство нельзя, ибо оно неизбежно подвергнется соответствующим из-

менениям, призванным устранить названные абсурдные положения. Кроме того, жизнь настоятельно требует скорейшего принятия развернутых законодательных актов, тщательно и точно регламентирующих правовое положение хозяйственных обществ и товариществ как основных субъектов обновляющихся коммерческих отношений. Такое законодательство, несомненно, будет следовать в русле общепринятых в коммерческой практике конструкций.

Не менее нелепой представляется и возможность передачи в «исключительную собственность» государственных вузов находящегося у них имущества (см. ст. 2 Указа Президента СССР от 12 октября 1990 г. «О статусе высших учебных заведений»//Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 42. Ст. 879). Ведь при неизбежности сохранения их бюджетного финансирования создается «собственник», который не в состоянии сам себя содержать и финансируется государством, по крайней мере, частично. В действительности следовало бы вести речь о создании соответствующих фондов (как юридических лиц), аккумулирующих средства и имущество, необходимые для вузов, на праве собственности.

С учетом изложенного возможно оценить и законодательное оформление готовящегося процесса приватизации и разгосударствления (См.: Основы законодательства Союза ССР и республик о разгосударствлении собственности и приватизации предприятий (проект)//Экономика и жизнь. 1991. № 7. С. 18—19; Рекомендации местным Советам народных депутатов по разгосударствлению собственности//Там же. 1990. № 36 (приложение). Если под приватизацией понимать переход имущества из государственной собственности в частную собственность юридических лиц и граждан, то приватизация становится синонимом разгосударствления. Если же под частной собственностью понимать исключительно принадлежность имущества отдельным гражданам, тогда процесс приватизации вообще не должен касаться крупных производственных комплексов (хотя бы только потому, что у отдельных граждан не должно быть средств, достаточных для их приобретения).

Одной из основных форм организационно-правового характера, применяемых для приватизации (разгосударствления) предприятий государства, становится создание на их базе акционерных обществ. При этом на практике, а также в ряде республиканских законопроектов речь идет о создании «государственных акционерных обществ», под которыми в действительности понимаются акционерные

общества с участием (как правило, преобладающим) государства в лице его органов.

Необходимо подчеркнуть, что такой путь является результатом либо недоразумения, либо попытки скрыть сохранение собственности государства на «приватизируемый» объект. Именно потому, что нормальное акционерное общество, как и любое другое хозяйственное общество или товарищество, может функционировать только как собственник своего имущества, конструкция государственного акционерного общества представляется абсурдной. Если оно — собственник, то речь не должна идти о государственной организации, а если это — государственная организация, то она не может быть собственником (а следовательно, и полноценным акционерным обществом). Точно так же должен решаться и вопрос о «государственных» ассоциациях и концернах, являющихся органами государственного управления.

Ясно, что путаница и недоразумения в этих вопросах, иногда подкрепляемые недостатками действующего законодательства, не только не способствуют, но прямо препятствуют реальному и последовательному проведению в жизнь необходимых социально-экономических преобразований нашего общества. Отсюда вытекает и значение глубокого и точного уяснения смысла гражданско-правовых понятий и конструкций, применяемых для регламентации отношений собственности. Независимо от их конкретного законодательного воплощения они составляют фундамент юридического образования и базу для научного исследования и осмысления хозяйственной практики.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ (лекции 1 и 2)	
1. Собственность как экономическая категория	6
2. Собственность и право собственности	13
3. Понятие и содержание права собственности	17
4. Объекты права собственности	25
5. Возникновение и прекращение права собственности	34
ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ И ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ (лекция 3)	
1. Понятие и система форм собственности и права собственности	40
2. Иные правовые формы реализации отношений собственности .	49
ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ (лекция 4)	
1. Общегосударственная собственность и ее формы	59
2. Право собственности хозяйственных обществ и товариществ	65
3. Формы права государственной собственности в СССР	74
КОЛЛЕКТИВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ (лекции 5—6)	
1. Понятие и основные правовые формы коллективной собственности	82
2. Право собственности хозяйственных обществ и товариществ .	89
3. Право собственности арендного и коллективного предприятия .	102
4. Право собственности кооператива	108
5. Право собственности хозяйственных ассоциаций (объединений)	118
6. Право собственности общественных и религиозных организаций .	125
СОБСТВЕННОСТЬ ГРАЖДАН И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ (лекция 7)	
1. Правовые формы индивидуального присвоения	134
2. Объекты права личной собственности граждан	142
3. Личное подсобное хозяйство и индивидуальная трудовая деятельность как правовые формы индивидуального производства и присвоения	150

4. Трудовое хозяйство и его правовая регламентация . . .	155
5. Предпринимательская деятельность и частная собственность . .	159

ПРАВО ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ (лекция 8)

1. Понятие и виды общей собственности	164
2. Общая долевая собственность	165
3. Общая совместная собственность	174

ВЕЩНЫЕ ПРАВА (лекция 9)

1. Права на хозяйствование с имуществом собственника . . .	181
2. Права ограниченного пользования чужим имуществом . . .	200

ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ (лекция 10)

1. Понятие и основные гражданско-правовые способы защиты права собственности	208
2. Вещно-правовые способы защиты права собственности . . .	211
3. Иски к государственным органам об оспаривании законности их решений, нарушающих право собственности	219
4. Гражданско-правовая защита иных вещных прав	224
Заключение	228

Суханов Евгений Алексеевич

ЛЕКЦИИ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ

Редактор Л. А. КАЗАКОВА

Художник А. А. КУЩЕНКО

Художественный редактор Э. П. БАТАЕВА

Технический редактор Н. Л. ФЕДОРОВА

Корректоры Л. Г. КУЗЬМИЧЕВА, В. А. КУЛИКОВА

ИБ № 2546

Сдано в набор 19.12.90. Подписано в печать 5.06.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем: усл. печ. л. 12,60; усл. кр.-отт. 12,81; учет.-изд. л. 14,09. Тираж 13 300 экз. Заказ № 6530. Цена 4 р. 20 к.

Издательство «Юридическая литература» 121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Областная типография управления печати и массовой информации Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.